

Виктор Фирсов

СЛУХИ О ЖИЗНИ

книга рассказов

Издательство «Черная смородина»

01 01 2020

Часть первая

Без головы
Доктор Пфац и его болезнь
Лабиринт
Без Башни
Тошнота
Анубис
Человек-неслышимка
Новая Каледония
Медитация при ходьбе

Часть вторая

Портрет Неизвестного

Третий глаз

Ганс Шлюхер спасает мир

Норвежский секрет

Пятая колонна

Часть третья

Человек, приносящий счастье
Оно
Сила любви
Наведенный глянец
Клоун в Освенциме
Кхе-кхе
Осень в раю
Дверь в стене
По расписанию

Часть четвертая

Легенда о писающем мальчике

Бронзовая сука

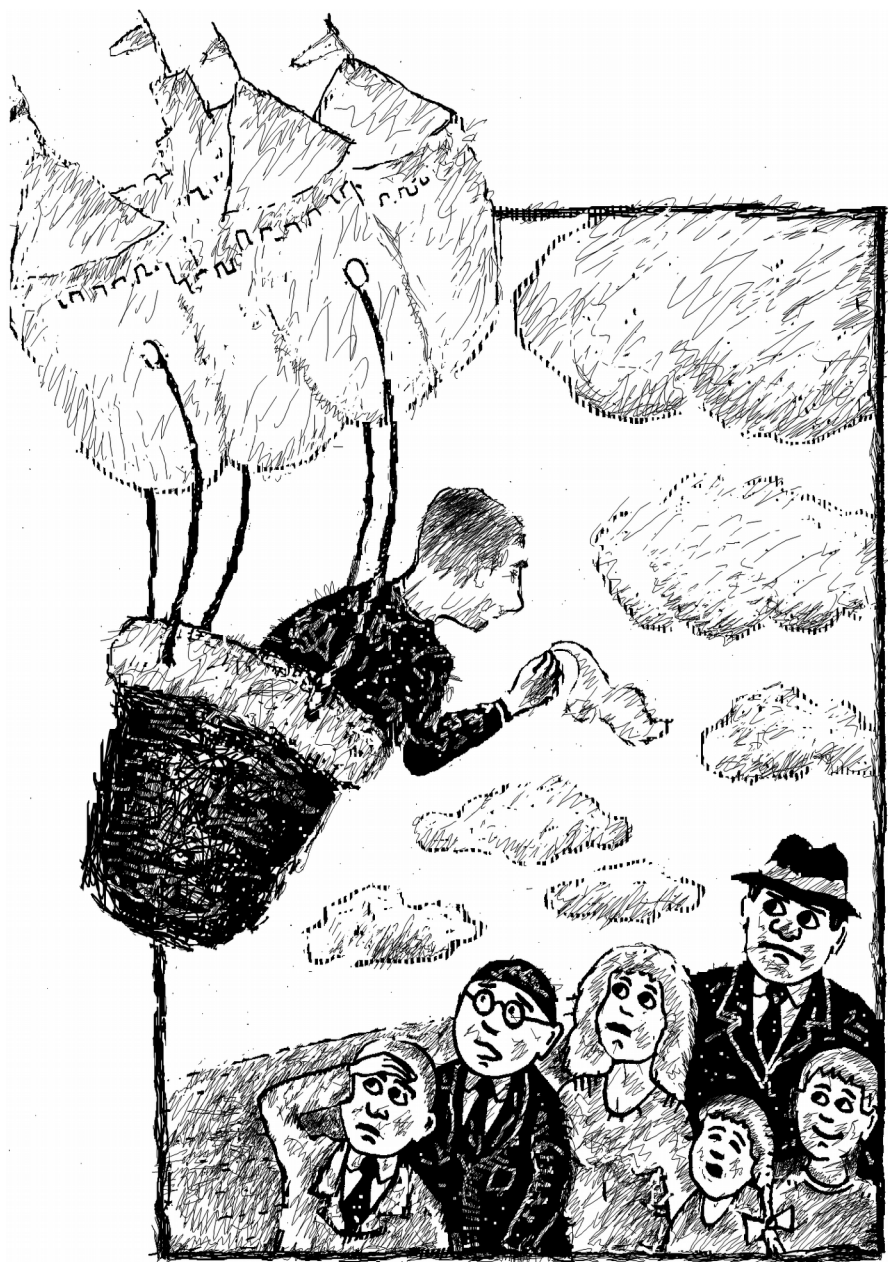
Любовный монолог

Человек в кубе

Свобода выбора

Маленькие истории о Мурми

Без головы

Двадцать век принес нам немало удивительных событий, некоторые из которых произошли в двадцать первом веке, другие произошли, но не так, как принято думать, а остальные никогда не происходили. Просвещенный читатель сразу вспомнит многочисленные экспедиции к центру Земли и обнаружение змеи с четырьмя ногами, создание мармеладной бомбы и начало беспосадочных перелетов из Нью-Йорка в Нью-Йорк. Не удивительно, что из поля зрения историков бесследно выпал весьма примечательный факт – рождение человека без головы.

Случилось это чрезвычайное происшествие в неприметной прусской деревушке где-то между двумя мировыми войнами. Младенец, вопреки здравому смыслу, как и полагается, кричал после родов, но чем он кричал, никто в деревне понять не мог. Кушать ребенок не просил, но рос довольно-таки быстро. Несмотря на отсутствие головы и, разумеется, головного мозга, мальчик, а это был явно мальчик, все слышал и видел, а читать и писать выучился даже раньше своих сверстников.

По воспоминаниям очевидцев, мать ребенка славилась своей набожностью, красотой и сговорчивым характером. Что касается отца, тут мы сталкиваемся со множеством суеверий, уводящих нас в мрачную эпоху средневековья. Дело в том, что семья девицы жила в доме напротив трактира, славившегося на всю округу разнообразием крепких напитков и круглосуточным обслуживанием. И завсегдатаи заведения божились, что частенько видели, как по ночам забирается по водосточной трубе в спальню девушки тень самого Зигфрида. Но разве можно верить этим пьяным рассказам? Зигфрид был совсем не такой: ростом повыше, да и в плечах пошире. В общем, имя отца удивительного ребенка установить сейчас доподлинно невозможно.

Весть о прусском феномене быстро докатилась до университетской общественности. Ученые консилиумы приезжали в деревушку периодически. Они внимательно разглядывали то место, где правое плечо аккуратно, не оставляя никаких шансов для шеи, переходило в левое, молча качали головами и разъезжались по своим кафедрам, дабы

вернуться в деревню погода, и опять разглядывать отсутствующее место и снова качать головами.

Ведя свои изыскания, научное сообщество, наконец, пришло к революционному для того времени выводу: голова человеку не нужна и является атавизмом, доставшимся нам в наследство от обезьян вместе с шерстью. Немецкие же теософы, примыкавшие к кругу Рудольфа Штайнера, использовали аномалию в своих целях, а именно: в качестве доказательства, что душа никак не может размещаться в голове, а должна находиться непременно в сердце.

Пока ученые приходили к выводу, а теософы доказывали, мальчик, вразрез всем прогнозам, стал подростком, потом юношей и, наконец, молодым человеком. Удивительно, но отсутствие мозгов никак не отразилось на его жизни и карьере. Он пользовался невероятным успехом у женщин, вызывал зависть у всех, кто имел голову, и сколотил состояние, показывая себя в цирке за деньги. Поездив пару лет с гастролями по всей Европе, он женился на баронессе фон Шлокк, от которой у них получилось трое милых крошек, и отбыл с семьей в Южную Америку в самом начале 1940-го года.

Сначала он стал вождем какого-то дикого парагвайского племени, признавшего в нем посланника Небес, но эта высокая должность быстро ему наскучила, и он перебрался в Аргентину. В столице этого славного государства он первым делом заказал себе искусственную голову у золотых дел мастера - еврея Хаима Израилевича. Голова вышла на славу, однако это нововведение поначалу вскружило нашему герою голову. Он увлекся карточной игрой и проиграл все наличные и свою баронессу какому-то заезжему скотопромышленнику, но, спустя месяц, в присутствии двух губернаторов, отыграл у выбившегося в люди гаучо все назад, да еще заимел полмиллиона овец в придачу.

Далее его следы обнаружили в Бразилии, где он принял участие в становлении тамошнего футбола и развитии кофейной индустрии. Потом он искал золото инков и нашел нефть в Колумбии, побыл пару лет диктатором в одной из банановых республик и, в конце концов, обосновался на Кубе, где водил дружбу с Хемингуэем и учил Че Гевару искусству ведения партизанской войны.

Странная все же эта штука история. Одни персонажи записываются в ее анналы аршинными буквами, хотя заслуги их ничтожны, другие не оставляют о себе даже имени, и только обрывки старых газет хранят меж выцветших строк своих скромные намеки на их великие деяния.

Кое-кто считает, что человек без головы и был настоящим Доном Хуаном, некоторые же искренне уверены, будто наш герой – это полковник, которому никто не писал. Знаю, отыщутся и такие, кто усомнится в правдивости изложенных здесь фактов. И что любопытно, суммарное количество первых, вторых и третьих ничтожно мало по сравнению с числом тех, кто никогда не прочтет этот рассказ.

Я часто думаю об этом удивительном человеке, прожившем не менее удивительную жизнь. Как обычно размышления приводят меня к одному и тому же горестному и безответному вопросу: почему я родился с головой? Ведь если бы все вышло иначе, судьба моя сложилась бы совсем по-другому.

Ловя себя на этой скорбной мысли, я сознаю, что думаю, думаю, думаю. Непрестанно о чем-то думаю. И тогда я перестаю думать, после чего гримаса забот слетает с моего лица, и оно расплывается в счастливой улыбке идиота.

Доктор Пфац и его болезнь

«Не все мы умрем, но все изменимся», прочел доктор Пфац отмеченную ногтем строчку и на минуту задумался. «А что, это мысль, это мысль», - словно убеждая себя в чем-то, сказал он и, захлопнув Святое Писание, принялся за сборы. Ровно в полдень, в любую погоду, на протяжении уже многих лет, подражая своему любимому Канту, доктор Пфац совершал ежедневную прогулку, и сейчас как раз минуло двенадцать.

На улицу выходил он с крайней неохотой, с некоторой боязливостью, но с чувством необходимой обязанности, понимая, что прогулки на свежем воздухе очень даже полезны для его некрепкого здоровья. Доктор писал научный трактат и сидел бы дома безвылазно, если бы не эти живительные прогулки и неизбежные походы в магазин за едой.

Дело в том, что соседи по подъезду проявляли к миролюбивому и тихому Пфацу не то чтобы неприязнь, но

питали к доктору какое-то родственное этому слову чувство. Так, играющие во дворе мальчишки обычно строили ему в след рожи, старушки на лавочках буравили его спину прицельным оптическим взглядом и затем еще долго о чем-то шушукались, а мамы с рассаженными по коляскам младенцами, завидев худую, неприкаянную фигуру Пфаца с длинным носом на бледном лице, увозили свое потомство подальше из непостижимой умом предосторожности.

Доктор же выходил из дому, по привычке уставившись себе под ноги. Он механически со всеми здоровался, если, конечно, было с кем, и таким же манером возвращался к себе. Если какой-либо жилец оказывался в это время на лестничной площадке, то слышал, как, тихо затворив дверь, этот педант и мизантроп аккуратно запирает ее на целых три запора. Кто такой этот странный сосед Пфац никто не знал, а догадки строились самые разные.

«Да какой он, к черту, врач, - начинала привычный разговор первая старушка. - Так, провизор, наверно, какой-то».

«Да не провизор он, это брат у него провизор», - присоединялась к ней по заведенной привычке вторая.

«Да нет у него никакого брата», - возражала третья.

Медицинское происхождение Пфаца было предметом постоянных дискуссий, начало которым положил почтальон. Как-то он принес необычному жильцу заказной конверт, а тот встретил его на пороге в медицинском халате, факт наличия которого сразу же стал достоянием общественности и поводом для фантазий, догадок и сплетен. И кому, спрашивается, в здравом уме и твердой памяти, придет в голову расхаживать по дому в белом накрахмаленном халате? Разве что военному врачу в отставке, ветеринару в период запоя, ну, или доктору на пенсии.

Вскоре после случая с таинственной почтой жильцы дружно решили, что в этом самом Пфаце есть нечто демоническое, и никто не удивится, если однажды к нему в дом заявятся люди в униформе, чтобы, вслед за Пфацем, вытащить оттуда на свет божий нечто предосудительное и даже страшное.

Пфац же жил тихо, неприметно и вряд ли подозревал об этих леденящих душу домыслах. Был он обычным ботаником-любителем, дни свои коротал в кабинете с двумя окнами, из которых смотрели сквозь стекло на двор экзотические растения,

выращенные им до довольно-таки приличных размеров. Большую часть помещения занимали угрюмые шкафы, забитые толстыми томами вроде «Жизни растений» и папками с вырезками из научных и околonaучных журналов. На стене висел ежедневно протираемый портрет Карла Линнея, очень гармонирующий с обоями зеленого цвета. Допотопный двухтумбовый стол завершал нехитрое убранство комнаты.

Тут, сидя в старинном кресле, Пфац размышлял о жизни и людях, о природе и ботанике, о судьбе и провидении и всем таком прочем, о чем так приятно бывает поразмыслить, когда за окном льет дождь, а у тебя в доме тепло и уютно, и крепкий зеленый чай с румяным пирогом располагает к науке философии. А в белый халат Пфац облачался лишь изредка, чтобы придать своим размышлениям более научный и представительный вид.

Пока человечество спешило поскорее уничтожить планету, попутно перегрызая друг другу глотки, Кали-юга заканчивалась. Конец света приблизился вплотную, и, по подсчетам Пфаца, шли последние мирные денечки. Какая-то разумная, но отстраненная от людей сила, вот уже тысячи лет беспристрастно наблюдавшая за бессмысленным хаосом, творящимся внизу, вдруг очнулась и вспомнила, что тоже преследует в этом деле какую-то свою, вовсе нечеловеческую цель, после чего решила поставить на эволюции человека окончательную и бесповоротную точку. Конца света Пфац не боялся, но, будучи натуралистом и естествоиспытателем в душе, желал знать, что же после катаклизма стрясется дальше.

Однажды на размышляющего о судьбах мира Пфаца снизошло озарение. Страшный суд, неожиданно понял он, предназначался людям и только им. А наступи конец света, всяческие там березы или кролики его даже не заметят. Не будут же наказывать ежика за его иголки или пытаться инфузорию-туфельку, потому что она похожа на обувь? Это открытие прямо-таки окрылило Пфаца. Он чувствовал, что близок к какому-то важному решению, просто пока никак не мог подобрать для него мыслей и слов. И, надо признаться, у Пфаца были на это веские, но только ему одному известные основания.

Как-то, остановившись перед зеркалом, чтобы рассмотреть свое унылое остроносое лицо, Пфац заметил в нем некую

подозрительную бледность. «Нужно больше бывать на свежем воздухе», - решил он и увеличил время гуляний. Однако, чем дольше Пфац бывал на улице, тем определенной не нравился доктору цвет его кожи. «Наверное, это какая-то особенная, редкая болезнь, которой еще не придумали название, – пугал он себя каждый раз. - Или освещение у меня такое», - добавлял он, чтобы успокоиться. Но усиливающаяся день ото дня бледность не поддавалась никакому научному объяснению.

«Не все мы умрем, но все изменимся. А что, а что? Это мысль, это мысль», - повторил Пфац, направляясь к двери. Уже по привычке он остановился перед зеркалом, чтобы в который раз подробно рассмотреть в нем свой неутешительный диагноз. «Бледнее обычного. Даже зеленый какой-то стал», - подвел он итог краткого консилиума и вдруг понял, что с ним происходит и что ему нужно делать.

На этот раз прогулка была отменена. Пфац так и остался дома, всю ночь занимаясь какими-то сборами, и тихонько прошмыгнул за дверь только ранним утром следующего дня, когда жильцы еще сладко спали, и направился к югу. К полудню он уже миновал городские окраины и решительно вышагивал по проселочным дорогам, изредка сверяя свой маршрут с картой, а направление – с компасом. Ближе к вечеру Пфац углубился в нужный ему лесной массив и, лишь оказавшись в полнейшей глуши, сбавил шаг и начал осматриваться, словно что-то выискивая. Наконец, миновав ручей и выйдя на уютную небольших размеров поляну, он остановился.

«А что, а что, - определился Пфац, оглядываясь по сторонам, - ничего, ничего местечко».

Он разделся донага и аккуратно развесил одежду на ветках соседнего дерева. Затем открыл вытершийся от времени кожаный портфель и достал из него сверток, в котором оказалась завернутая в тряпицу лопатка, термос и пара бутербродов. Пфац сел на траву и подкрепился, поглядывая на сияющее над верхушками деревьев солнце. Потом отсчитал от растущей на краю поляны ольхи пять больших шагов и принялся за работу. Минут через двадцать на поверхности планеты появилась приличных размеров ямка.

«Отлично, отлично», - проговорил Пфац, смахивая пот со лба и с удовольствием глядя на результаты своей работы. Он воткнул лопатку в землю, осторожно спустился на дно ямы,

скрывшей его до колен, вытянул руки по швам и принялся крутить головой, словно бы свыкаясь с какой-то новой для себя ролью. Потом Пфац вылез на поверхность, обошел ямку вокруг, почесал нос и задумался.

«Полить, полить», - наконец сообразил он, извлек со дна портфеля плотный пластиковый пакет, приготовленный загодя, и отправился к ручью. Его зеленоватая обнаженная фигура быстро скрылась в кустах подлеска, а белое пятно пакета мелькнуло еще пару раз среди листвы, и тоже исчезло. Через пять минут земля была обильно полита, Пфац снял ботинки и, раскрутив их за шнурки, забросил в кусты. Затем опустил босые ноги в яму, присыпал ее землей и застыл наподобие статуи.

К вечеру жители близлежащих деревень наблюдали на небе сказочно красивое зрелище. Прохладный воздух мая пронзили горячие стрелы небесного пламени, и на фоне багровых закатных туч зрелище получилось таким впечатляющим, что местный фотограф полчаса снимал невиданное ранее явление природы. А на утро следующего дня Пфац выпустил первые зеленые листочки.

Конец света так и не наступил. Спустя месяц обеспокоенные отсутствием доктора соседи вызвали, кого следует. Но тот, кто следует, ничего страшного в доме Пфаца не обнаружил. Квартирку ботаника опечатали, а его личность объявили в розыск, который, впрочем, не привел ни к какому результату.

К сентябрю на разросшемся во все стороны Пфаце появились плоды самого необычного вида. Некоторое время они рдели на ветках, будто чего-то ожидая. Потом из них, словно парашютисты, посыпались на землю такие же странные семена. Они собрались внизу в кружок и, посоветовавшись немного, расползлись в разные стороны.

С этой-то минуты и начался конец света, вернее, началось начало его конца.

Лабиринт

Ариадна вручает тебе нить до обидного короткую, и потому возвращение в прошлое невозможно. Минотавр предстает перед тобой грудой костей, кое-где прикрытых истлевшей от времени одеждой. Выходит, что с твоим героическим будущим тоже не

все ладно. А Лабиринт, эта арена твоего подвига, выглядит не лучше глубоко эшелонированного погреба. Поэтому поступок, на который ты отважился, совершать негде, не для кого и не с кем. И если Ариадна походит на мать, давшую тебе жизнь и затем отправившую свое чадо в путь по жизненным перекресткам, то Минотавр олицетворяет отца, убив которого, ты сам становишься Минотавром, чтобы ждать кого-то, молодого и сильного, кто придет и за твоей жизнью.

Когда нет ни прошлого, ни будущего, остается только настоящее – монотонный лабиринт похожих друг на друга дней и ночей. Сначала ты осмрительно придерживаешься прямого пути, потом, осмелев, пробуешь менять направление, затем, будто одержимый, кидаешься из стороны в сторону и, временами, даже пятишься. Но ни одна из твоих уловок и затей не приводит к выходу. И когда все способы перепробованы, начинаются блуждания без всякой цели, но сообразно выдуманной кем-то целесообразности, черт ее дери. После чего о тебе говорят: «Наконец-то он повзрослел и уже начал кое-что понимать в жизни».

Лабиринт днем - это перенаселенный город, в котором каждый горожанин ограничен тысячью правил и условностей, и даже желание вырваться за их пределы включено в индивидуальную программу его неказистой жизни. Правда, ночью стены Лабиринта не видны, что дает ощущение свободы, но тщетно. Черное, усыпанное звездами небо накрывает твои сомнения и надежды плотным удушливым покрывалом. С одной стороны – красота необыкновенная, с другой – намек на то, что тебе никогда и никуда отсюда не выбраться.

В темное время суток ты чувствуешь, что Лабиринт тесно заселен не только твоими современниками, но теньями тех, кого уже давно нет, и призраками тех, кто еще только появится в будущем. Временами тебя настигают вздохи и всхлипывания или сдавленный смех сумасшедшего. Это нереализованные идеи мертвых ищут в коридорах живых свое земное воплощение.

Каждую ночь ты слышишь, как глубоко под землей уробно гудит какой-то гигантский механизм - Мельница судеб, созданная непонятно когда и кем и неясно для каких целей. Находясь внутри Лабиринта, о машине ничего нельзя сказать наверняка, но только строить догадки. Ты знаешь, что,

оказавшись за пределами узилища, можно составить о происходящем хоть какое-то представление. Однако это еще никому не удавалось.

Итак, что же остается? Прожить внутри Лабиринта до конца своих лет или пробиваться сквозь его стены наружу, в борьбе непонятно с чем, а может быть, и с самим собой до победы, весьма похожей на гибель. Поэтому свобода выбора у тебя есть, но выбирать тебе не из чего.

Как-то вдруг ты натыкаешься на приставленную к стене лопату и решаешься на побег. Идея безумна, но позволяет оставаться хотя бы некоторое время на одном месте, а монотонная работа по рытью подкопа помогает сосредоточиться. Через неделю упорных трудов лопата лязгает о свинцовое подножие Лабиринта. Ты прикладываешь ухо к холодному металлу и вполне отчетливо слышишь гул перемалывающей человеческие судьбы мельницы.

Удрученный результатом, ты снова отправляешься в путь – вперед или назад, вправо или влево, а может быть, и в сторону. Разницы в том, куда ты направляешься, нет никакой, ибо, куда бы ты ни шел, ты не придешь никуда конкретно, или вернешься туда же, где был. Сколь бы усердно ни старался ты следовать прямой дороге, везде тебя встречают повороты. Как бы ни стремился ты к новизне, всюду тебя ожидают повторы. И негде спрятаться от уже по сто раз передуманных мыслей.

Лабиринт держит твою судьбу в каменных рукавицах, он становится для тебя жизнью и смертью, целью и смыслом всего, что есть. Ты продолжаешь поиски, постоянно наталкиваясь на себе подобных, но, по большому счету, живешь один среди теней и призраков. Наверное, ты и сам похож на тень или отражение в зеркале. Бредешь ли ты по привычке, стоишь ли на месте, стены повсюду, и остается только биться о них головой, чтобы поскорее разбить голову вместе с мыслями о своей несвободе, реальная она или мнимая.

И тогда ты спрашиваешь: «А не выдумал ли я этот лабиринт? Может, и нет никакого лабиринта, вернее, он есть, но целиком уместается в моей голове, и я всего лишь пленник собственных представлений о мире. Тезей - в лабиринте, Млечный путь - в Космосе, а иголка - в стоге сена. Так было всегда, и не мне менять правила».

И вот однажды, наткнувшись на горы разбросанного вокруг мусора, ты понимаешь, как тебе поступить, что способ найден и всегда находился рядом – он буквально лежал под ногами. И теперь, день за днем, постепенно поднимаясь над обыденностью, ты возводишь рядом со стеной башню – свой единственный путь к спасению. Лет через десять твое личное осадное сооружение вырастает вровень с ненавистой стеной. Пора идти на приступ. Ты шагаешь с башни на стену и... оказываешься на дороге.

«Что за дела?!» – удивляешься ты, обнаружив, что каждая стена лабиринта – это дорога, а не препятствие, а каждый ее тупик – это соединение дорог или развилка на пути. Дороги пересекаются между собой и ведут в разные стороны. Так, в один момент, твоя судьба перестает быть тупиком и превращается в тысячу возможностей.

С этой минуты все твои старые проблемы остаются позади и внизу. Казалось бы, живи и радуйся. Однако неумолимый фатум подкидывает тебе новую задачу. Куда же идти? К какой цели двигаться! И где она, эта цель? Все дороги выглядят одинаково заманчивыми. Покрутив головой в поисках ориентира, ты замечаешь на горизонте симпатичное облако и более о выборе направления не вспоминаешь, хотя облаков этих – целое небо, и все они плывут по своим делам, делая любой твой выбор заранее случайным.

Но где тебе обращать внимание на такие мелочи, ведь ты все еще молод и полон сил. «Я нашел свой путь!» – кричишь ты, обращаясь одновременно к Солнцу, Луне и всем уже открытым и еще не открытым планетам, и делаешь первый шаг. «Привет, Венера!» – восклицаешь ты по утрам. «Здорово, Венера», – говоришь ты устало вечером и идешь, едешь и идешь, и это движение к цели вдохновляет тебя в рутине и поддерживает в трудности. Но вот однажды дорога заканчивается.

Ты поднимаешь глаза от земли и видишь море. Ты оглядываешься и не находишь своей темницы, поскольку с расстояния прожитых лет все разнообразные и непохожие друг на друга дороги слились в единое целое – каменистое плато, упирающееся краями в невидимый горизонт. А впереди, у маленькой пристани, качается на волнах и белеет развернутым парусом лодка. А в ней – человек. Ты подходишь ближе и узнаешь Харона. Он встречает тебя улыбкой серийного убийцы.

Наверное, для выражения твоего душевного состояния имеется какое-то емкое и точное слово, и ты уже почти вспомнил, какое именно, чтобы, произнеся его, разрушить магией звука то, что назовешь. Но слово плутает по лабиринту мозговых извилин, тычась носом в нежданные преграды, как некогда блуждал по Лабиринту ты сам, и никак не может найти себя и свое освобождение.

«Здравствуйте, добрый человек – говоришь ты первое, что приходит в голову. – А я думал, это будет река. Но море значительно лучше. И куда же мы поплывем?»

«А куда надо?» - отвечает лодочник вопросом на вопрос.

«Куда же мне надо? Зачем надо? И почему? Что же мне, наконец, нужно от жизни? И нужно ли что-либо вообще?» - утопаешь ты в трясине сомнения и, наконец, понимаешь, что сказать тебе нечего.

«Чего молчишь? Язык проглотил? Имя у тебя есть? - сетует Харон, осуждая твое замешательство.

Ты точно помнил, что до входа в Лабиринт тебя как-то звали, у тебя было имя, но оно истерлось о шершавые стены, так и оставшись в нем эхом чьего-то эха. Имя это забылось сразу после встречи... С кем же ты встречался? Или хотел встретиться? Да, и еще, кажется, кто-то провожал тебя в дорогу. Или не провожал?..

«Ну, и долго так стоять будем?» – спрашивает перевозчик, прерывая паузу и, похоже, начиная сердиться.

«Чего же я стою в жизни? Что умею? На что способен? – лихорадочно думаешь ты, заглядывая в себя словно в зеркало. – Нужно что-то ответить. Что-то ответить... Ответить...» - И к своему ужасу не находишь, что сказать.

И тут ты приходишь в себя. Лифт, который застрял, казалось бы, навечно, уже вызволен из плена. Свет в кабинке зажжен, двери открыты, и мастер, его отремонтировавший, тщетно пытается объяснить тебе, что пора бы покинуть кабинку. Ты подчиняешься железной логике событий, шагаешь на площадку, медленно спускаешься по лестнице и выходишь из подъезда.

Как же это здорово снова увидеть солнечный свет и все краски нашего разноцветного мира. Настроение твое улучшившись от всего увиденного, теперь приближается к отметке «счастлив». Ты знаешь, что теперь можешь пойти вперед или назад, вправо или влево, можешь придерживаться

прямого пути или блуждать по лабиринту улиц без всякой цели, и от этого чувствуешь себя абсолютно свободным.

Без Башни

«Телевидение, которое можно выразить словами, не есть настоящее телевидение. Программа, которая может быть названа, не есть постоянная программа», – такие доводы приводил Хныч, стараясь образумить Рёву, потому что Рёва был лучшим другом Хныча, а настоящие друзья не бросают друг друга в беде. Беда же возникла неожиданно-негаданно и заключалась в том, что Рёва, глядячи на мельтешение рекламных роликов на экране, думал-думал, да и засобирился в крестовый поход против Башни. Какой мерзавец надоумил его засобириаться, Хныч лишь догадывался. Возможно, само телевидение и было этим мерзавцем. Но к чему праздные размышления? Товарища нужно было срочно спасать.

«Понимаешь, - не отставал Хныч от друга, - безымянное есть начало неба и земли, а обладающее именем - мать всех вещей. Поэтому тот, кто свободен от страстей телевидения, видит чудесную тайну, а кто имеет страсти, видит мир только в конечной форме, и ты не хуже меня это знаешь».

Рёва слушал увещевания товарища молча, не поворачивая головы от окна, словно неожиданно разглядел за давно не мытым стеклом Главную правду мира, и столкновение с противными истине силами было для него вопросом решенным. Коренастый обстоятельный во всем Хныч и высокий, худой и нервный Рёва, вместе они представляли собой классическую литературную пару антиподов, как Дон Кихот и Санчо Панса, или как Кастор и Поллукс, сошедшие с Небес в московские многоэтажки.

Сам Хныч, вольно или невольно сталкиваясь с телевизором где-нибудь в гостях или в каком-нибудь присутственном месте, обращался к очень простому, но весьма действенному средству. Он скрещивал пальцы на руке и произносил про себя магическое заклинание: «Не смотрю – не вижу, не вижу – не смотрю». Скептики полагают, что магии не существует, потому что она – пережиток прошлого, однако эта мантра, уж поверьте мне на слово, очень даже хорошо срабатывала. На другой день,

для верности, Хныч шел в церковь и ставил свечку покровителям славянской письменности Кириллу и Мефодию, после чего был абсолютно за себя спокоен.

Иногда, чисто по недомыслию, к Хнычу – человеку в чем-то даже известному - обращались по своим богопротивными предложениями служители проклятой Башни. Для таких эксклюзивных случаев у него была заготовлена проверенная временем методика, даже не методика, а другая магическая фраза: «участие в вашей программе может навредить моей карме». Это удивительно, но именно вот в таком казенном на вид предложении и обнаруживалось присутствие того, что издавна называли на Руси волшебной силой слова, потому как не скоро кто из Башни потом его беспокоил.

Несмотря на демократические реформы, массовый отъезд из страны умных граждан и повсеместное учреждение на руководящих постах, если и не тупых, то недалеких соотечественников, в стране все еще оставались люди, которые знали грамоту и умели считать. Они, словно первые христиане, прятались в катакомбах собственной души от язычников, озверевших в результате либерализации нравов. И хранили эти тайные знания, как зеницу ока, и умножали оные, и учили им детей своих. Только на них и уповал Хныч в минуты душевной скорби. Только на них и молился.

С Рёвой дела обстояли иначе. В последние годы он часто задумывался о судьбах России, поскольку, по правде говоря, думать ему было абсолютно не о чем. Меж тем, наблюдая за жизнью людей, обладающих депутатской неприкосновенностью, на ум приходило следующее: рассуждать о судьбах России тоже самое, что парнуху в интернете смотреть, – много ума не надобно. Посему Рёва решил: «Вместо того чтобы рассуждать о судьбах России, лучше я молча для нее что-то сделаю».

Так, в вечных спорах и несогласиях, примирениях и новых препирательствах и протекала дружба Рёвы и Хныча, и можно было лишь гадать, насколько крепко терпение Хныча и не выкинет ли Рёва, лишь бы насолить другу, что-нибудь эдакое, чтобы порушить толерантность сотоварища окончательно. Иногда казалось, а может и не зря казалось, что они не разбегаются в разные стороны только по причине действия на их дружбу закона единства и борьбы противоположностей.

В поверхностном слое жизни бурлило броуновское движение пошлости, при этом любая последующая отличалась от своей предшественницы только временем появления на свет и величиной. И лишь природа не разочаровывала и, постоянно меняясь, всегда оставалась неизменной. Каждый день наступал новый день, а каждую ночь – новая ночь. Ветер таскал по небу груженные влагой тучи, и в просветах между ними, время от времени, открывались взору то чистое сияние осеннего солнца, то синяя безмятежность невыразимого.

Политики по обыкновению улучшали собственное благосостояние, богатые повышали свой политический капитал, орды астрологов и экстрасенсов зарабатывали себе на белый хлеб с маслом, выдумывая небылицы, народ то верил в сказки, то не верил, то сводил, то не сводил концы с концами. Духовные учителя постоянно напоминали всем о своей духовности, таланты кричали о своей гениальности, гомосексуалисты гордились своей болезнью, а бандиты – здоровьем. И все вместе уповали на Бога, черта и чудо, доброго дядю, биту и ловкость рук, желали всего, сразу и побольше, а так же верили, надеялись и любили. Стоял сентябрь, и на улице, через каждые десять метров, умные азербайджанцы продавали нам, дуракам, наши же астраханские арбузы. Короче, общество остро нуждалось в новых идеях, а взять их, похоже, было неоткуда.

Только неунывающий Хныч, где бы ни заставляла его судьба, что бы ни совершилось в границах нашей общей великой отчизны или в его личной частности, вытаскивал из внутреннего кармана затрапезной куртки засаленную книжечку и читал нечто, навеянное высоким душевным порывом. Ну, например, такое: «Когда в стране увеличивается число законов, растет число взяточников, воров и разбойников. Если дачи на Рублевке роскошны, то поля покрыты сорняками, хлебохранилища пусты, а потребительская корзина избирателя скудна как никогда. Чиновники одеваются в роскошные одежды, ездят на дорогих автомобилях, не удовлетворяются обычной пищей и накапливают излишние богатства. Все это называется разбоем и бахвальством».

Бывало, что в этот момент рядом с Хнычем оказывался и Рёва. Он с явным интересом слушал изреченные другом мудрости, но потом снова твердил что-то про телевизоры, про идейную борьбу и про светлое завтра освобожденного

человечества и про то, что нужно не говорить, а действовать. В доказательство своей правоты Рёва приводил Хнычу неоспоримые доводы, размещенные по недомыслию в интернетах. Будто бы Базельский университет исследовал воздействие телевидения на россиян установил, что трехлетнее ежедневное потребление сигнала награждало реципиента необратимой атрофией головного мозга. Данные эти были закрытыми и явно проводились по заказу высокопоставленных евронедоброжелателей, хотя формально гранд на исследования был выделен университету Всемирной Организацией Здравоохранения. Сокращенно ВОЗ. Как только Рёва узнал о существовании такой организации, он сразу вступил в другую, то ли это была секта, то ли партия, правда, ничем особенным себя не проявил.

Рёва хотел изменить мир, но, будучи его частью, меняться сам почему-то не собирался. «Дурья ты башка, - начинал Хнычу свою обычную проповедь, но так как искусством убеждения владел плохо, сразу же лез за спасительной в этих случаях книжицей:

«Когда в России узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется безобразное. Когда все понимают, что доброе является добром, возникает зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяются, предыдущее и последующее следуют друг за другом, как входящие и исходящие звонки внутри сети».

Вот что твердил он товарищу, и лишь начинал говорить в таком роде, глаза Рёвы неизменно устремлялись в какую-нибудь располагающуюся по соседству даль и застывали в неподвижности, будто разглядев в ней окончательную причину Мироздания. В общем, это был тяжелый случай, когда сверхценная идея отбирала у человека всю его жизнь без остатка, и только один Бог ведал, пройдет эта хреновина сама собой, как насморк, или высосет человека до последней кровинушки.

«Ну что ты творишь? – отговаривал Рёву товарищ. - С кем ты собрался воевать? С каким-таким телевидением? Это же фикция, ничто. Оно существует в твоей реальности, лишь тогда, когда ты о нем думаешь или его смотришь. Да выброси ты этот дьявольский агрегат, и займись каким-нибудь общественно-

полезным занятием. Старушек, например, через дорогу переводил или еще чего-нибудь нужное для народонаселения делал. Далее Хныч подкреплял приведенные сентенции всегда спасающей его даосской мудростью:

«Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не стремлюсь узнать об источнике его, потому что это едино. Его верх не освещен, его низ не затемнен. Вот и величают его неясным и туманным, поэтому и называют его формой без форм и оттого нарекают его образом без существа».

Но Рёва только молчал. К этому моменту в его голове уже сформировалась определенная последовательность мыслей, а если у человека завелась в голове какая-никакая определенная последовательность, никаких иных мыслей она уже не принимает. Еще у Рёвы на его беду имелась жизненная позиция, вот в этом и состояла его главная проблема. У Хныча уже давно никаких позиций не прослеживалось, посему проблемы обходили его стороной. Дали бы Хнычу мешок денег, так он бы сразу завел себе нужные убеждения, но Хнычу никто ничего такого не предлагал, посему убеждения ему были абсолютно без надобности. Хныч выпал из настоящего произвольно, но вполне последовательно, а вот Рёва решил бороться за души людей, чтобы спасти, ни больше, ни меньше, все человечество. А что, скажите, может быть, хуже идеи спасения человечества? Только оно само, прости меня, Господи.

Так или иначе, но после подобных дебатов микрокосмы друзей, и без того не сильно похожие, начали все быстрее и быстрее отдаляться друг от друга. Впрочем, у Хныча на этот счет существовали другие объяснения. Конечно, он очень уважал герметизм и все такое прочее, но предпочитал руководствоваться во взаимоотношениях с другом наставлениями из заветной книжицы.

Вот как, на тот период времени, выглядела, по версии Рёвы, телевизионная картина мира. Обратим на нее особое внимание, ибо именно из-за нее и пошел вкривь и вкось мой рассказ, который я хотел ограничить по обыкновению тремя страницами. К тому же, на примере Рёвиных идей, можно проследить, как формируются в современном постиндустриальном обществе

такие архаичные явления как мифы. Они вырастают из городских легенд и сельских поверий так же, как организованная преступность - из коррупции. Процесс идет то способом сбраживания легенд, то методом возгонки поверий, но обязательно подспудно и незаметно для обывателей. Поэтому - сюрприз! Еще вчера официальная наука ничего не знала о том или ином казусе, а сегодня новые мифы обсуждают и в Белом Доме, и на космической орбите, и в диаспоре нелегальных эмигрантов.

Говорят же, что все правозащитники левши, что каждый четвертый европейский мужчина – женщина и что вскорости китайские ученые клонируют Землю. Ходят же слухи, будто в ядерном чемоданчике президента живет маленький президент-двойник, и если его не кормить конфетами и не поить молоком, он может обидеться и нажать какую-нибудь кнопку. Так вот и возник в глубине народных масс миф о Демоне Башни.

Демон Башни, как и полагается всякому уважающему себя демону, развращал души людей и делал это посредством телевидения. Для чего им изобретались рекламные блоки, ток-шоу и сериалы, играющие в этом процессе ключевую роль. Неведомая, разумная и злая сила распространяла их под самыми благовидными предложениями. Но одними сериалами дело не ограничивалось.

Большинство телеведущих Башни были органическими роботами. И об этом не раз говорили специалисты из НАСА, колдуны вуду, филиппинские хилеры и специалисты Кремниевой долины. Но кто их слушал? Считалось, что у этих разумных объектов есть семьи и дети, а каждый из них был уверен, что имеет биографию, привычки, личную жизнь и право на отдых. Но вот телешоу заканчивалось, и инженеры особой секретной службы выключали говорящие агрегаты, осторожно заворачивали их в фольгу и прятали в специальные контейнеры до следующего раза. Стоили-то устройства недешево.

Но и Демона Башни понять можно. Нанимаемые на роль ведущих люди быстро приобретали качества бездушных автоматов, поскольку само участие в означенных выше программах этому способствовало. Согласитесь, что выпускать эфир с таким браком было не то что неприлично, а попросту непрофессионально, а обучать искусству ремесла новых и

новых людей - накладно. Поэтому использование для подобных целей людей было совершенно нерентабельным.

С машинами дела обстояли куда лучше. Они не уставали, не злоупотребляли спиртным, не забывали текст и легко программировались на адекватную сказанному мимику. Так, постепенно, парк людей заменили на отряд японских роботов малазийской сборки. Вы спросите: почему малазийской? Конечно же, не для того, чтобы удешевить производство. Денег на эту затею не жалели. Но чтобы подальше от посторонних глаз.

Сколько лет, почитай, система работала безотказно, и только посторонний, приехавший откуда-то из далеча, из самой далекой губернии, где давно не было телевизоров потому, что давно не было электричества, удивленно глядел в бездонную пропасть экрана, как Иона - в чрево кита, и скорбно кивал головой: «Да это ж не люди вовсе. Да разве ж может человек, наделенный бессмертной душой и ходящий под Богом, говорить такое?! Он же от стыда умрет. А ежели от стыда не умирает, то и не человек это вовсе. И хорошо бы дорогу от нас к Москве взорвать, дабы всей этой пакости поменьше было».

Могиканин дивился голубому экрану, а любители телевизора дивились могиканину. Он, наивный, еще не знал, что не только на телевидении, но и в других сферах жизни уже давно трудятся умные и трудолюбивые машины. А служители пера разбрелись по мелким газеткам и ничего не значащим журналам. И не нашлось ни единого человека, который заступился бы за журналистов. Все их только ругали. Одни говорили: это плохо, что журналистов убивают. Другие – это плохо, что мало убивают и убивать их надобно побольше. Короче, единого мнения у населения по этому поводу не имелось.

Аргументом первых служила идея, будто мир катится в пропасть, на дне которой должен наступить полный гуманизм. Доводами вторых служила мысль о том, что народ - этот мыслящий тростник – все-таки как-то должен себя защищать. И тут приводился простой пример. Лису, которая переставала охотиться в своей лесополосе, дабы посещать деревенские курятники, убивали. И этот акт не был злом, а являлся добром. Хотя стоило, справедливости ради, заметить, что лисе-то как раз приходилось очень даже некомфортно. Но когда благо одного превращалось в беду для многих, а не во всеобщее

благо, за которое так ратовали французские гуманисты, просветители и лично Жан-Жак Руссо, это мнимое благо нужно было без сожаления выкорчевывать. Итак, никто не жалел бедных журналистов, и только добрая душа Демон Башни освободил их от этого греховного промысла.

Иногда, во сне, Хныч наблюдал один и тот же дивный новый мир, в котором люди воспринимали жизнь целиком, одинаково взирая и на ее зерна, и на ее плевелы, и где не было ни правых, ни левых, ни гуманизма, ни жестокости, ни Телевидения, ни Башни. «Государство, в котором он жил во сне, было маленьким, а население – редким. Современные приспособления и приборы в нем имелись в избытке, но не использовались. Никто за всю жизнь не покидал своих мест, поэтому автомобили и самолеты стояли без дела. В стране имелась армия, но никто в ней не служил. Письменность в его счастливой отчизне забылась, уступив место знакам и символам. Пища была вкусной, одежда – красивой, жилище – удобным, а жизнь - клевой. Государства по соседству смотрели на страну Хныча, слушали пение ее петухов и лай ее собак, и все были счастливы».

Но утром Хныч просыпался, дивный новый мир заканчивался, и начиналась Рёвина Великая Иллюзия. В ней роботы писали законы и книги, давали интервью и учили всех жить. Одно нажатие кнопки – и происходило чудо. Машины открывали глаза и начинали думать и действовать. Они не просили денег и еды, не сходили с ума и не теряли душевный покой, потому что душ у них не наблюдалось. Эти совершенные механизмы в отличие от людей умели сострадать, верить и надеяться, а машины из последней партии могли даже любить, возвышая свои синтетические нейроны до заоблачных вершин истинно человеческого чувства. А если кто-то, по простоте душевной, говорил им, что они, дескать, не люди, лишь посмеивались над сумасшедшим. Они не скрывали свой секрет, потому что у них как раз-то и не имелось никаких секретов. Именно они и были настоящими хозяевами жизни. Это благодаря их ежеминутным усилиям крутилась изо дня в день наша планета, и только получение особого распоряжения заставило бы ее сойти со своей орбиты или выкинуть еще какой-нибудь фортель.

Какая радость и покой воцарились на земле, когда после пожара на Башне, дьявольский сигнал потух, и телевизионные экраны разом погасли. Это была победа. Временная, но победа. Победа добра над злом. Но кто бы мог подумать, что пламя того священного огня возникло не случайно, а стараниями Рёвы? Но, давайте по-порядку.

«Забудь ты об этом, - гнул свою линию Хныч. – Отвлекись, займись каким-нибудь общественно полезным трудом. Человек должен чем-то заниматься, найти свое призвание, оставить след на земле, и все такое прочее. Собирай пустые бутылки для улучшения экологической обстановки на планете, вымой пол в своем подъезде или, хотя бы проколи колесо вон у той навороченной «иномарки». Хныч снова лез во внутренний карман за книжкой и переходил к более веским аргументам:

«Наведение порядка надо начать тогда, когда еще нет смуты. Ибо девятиэтажный офис начинает строиться из горстки земли, финансовый кризис вырастает из мелких нарушений в отчетности, а путешествие в тысячу ли начинается с первого шага. Когда на руках у населения находится много оружия, в стране растут смуты. Когда есть много искусных мастеров, скапливаются редкие предметы. Когда умножаются провайдеры, растет Интернет. Все это является нарушением Дао».

Но сейчас мы уже знаем, что наивная агитация Хныча оказалась безрезультатной. Перечитав книги господина Монро по внетелесным путешествиям, Рёва две недели слонялся по Башне в виде проекции астрального тела, дабы определить в ее конструкции наиболее слабое звено. Затем правдами и неправдами он выяснил, кто служит в охране ненавистного сооружения. Выбрав человека молодого и неопытного, он, благодаря технике осознанных сновидений, целый месяц забирался в сны своей жертвы и вел с ней просветительскую работу и, наконец, обратил охранника в свою веру. Как-то заступив на объект, тот по привычке уснул и в сомнамбуле сновидения все же применил зажигалку в отмеченном Рёвой месте.

В шестой месяц Небесного воинства Шахривара, 27 августа 2000 года, в 27 день Луны Солнце взошло в 5 часов 31 минуту и 36 секунд. Это был день магического жезла, когда рекомендовалось медитировать и получать интуитивные прозрения. Но вместо всего этого Башня загорелась, экраны

телевизоров потемнели, и населению стало вовсе не до высоких материй.

Рёва ликовал и в избытке чувств выскочил на улицу, рассекая воздух российский флагом. Кстати, после этого случая его психическая жизнь в первый раз была подвергнута двухмесячному принудительному исследованию. С той поры дружба Рёвы и Хныча расстроилась окончательно, а их общение - прекратилось. Лишь однажды, вспомнив, что приятель заиграл у него интересную книжку, Хныч решил восстановить попорченную справедливость. Меня же он взял с собой в качестве моральной поддержки.

Дверь нам открыла незнакомая женщина лет пятидесяти, оказавшаяся матерью Рёвы. Она сообщила, что приехала из деревни, дабы так-то соблюсти сына в больнице, пока тот не поправиться.

«А вы чай друг ему будете, да? – обратилась она к Хнычу. - Рёва мне много о вас хорошего сказывал. Вас ведь Хнычем звать-величать, да? – спросила она для порядка и рассказала о череде удивительных событий, ускользнувших от нашего внимания.

Сначала Рёва поехал по туристической путевке в Лондон, дабы плюнуть на могилу Зворыкина. И когда любопытный народ любовался Большим Беном и Трафальгарской площадью, он старательно обшаривал городские кладбища Туманного Альбиона. Не найдя последнего пристанища изобретателя телевидения, он во внезапно нахлынувшей на него душевной тоске купил самую большую бутылку виски, какая ему встретилась, выпил ее, и тут же оказался сражен наповал диковинным напитком. Только под утро его обнаружили рядом с заблеванным памятником Карлу Марксу. Рёва не подавал признаков жизни, и поначалу полицейские решили отправить бездыханное тело в морг, но, найдя в кармане трупа российский паспорт, бережно доставили туриста в участок.

Уже на Родине Рёва понял, что ошибся, и ему нужно было, как мадам Блаватской, ломануться со своей миссией в Соединенные Штаты. После этого он пересмотрел свои взгляды и отныне решил действовать только на физическом плане и только самостоятельно, более не доверяя ни вознесенным владыкам, ни рядовым исполнителям. Приземление Матиаса Руста на Красную площадь и атака террористов на башни-

близнецы навели его на мысль о том, как ему расправиться со своей Башней. Наши мудрые предки, не знавшие вершин экзистенциальной философии, обрисовали бы его тогдашнее душевное состояние метким выражением: то понос, то золотуха.

Сначала Рёва освоил профессию черного копателя и, найдя забытый со времен провозглашения российской независимости военный склад, натаскал оттуда столько пороху, сколько вместила его малогабаритная кухня. Затем русский самородок сел за чертежи летательного аппарата собственной конструкции.

Его планы разрушились в один день, когда он, видимо, взыскав моральную поддержку у населения, решил обратиться к людям с проникновенными словами любви и надежды. Стояла лютая зима, а он выскочил на балкон в одних трусах и словно Христос разговаривал с народом до тех пор, пока к его подъезду не подъехала карета скорой помощи...

Чувствуя поначалу вину за судьбу товарища, погрустневший Хныч не знал, куда и глаза девать. Но потом он вспомнил про книгу и попросился в Рёвину комнату. Я отправился вслед за ним. Хныч обвел взглядом убранство осиротевшего помещения. Потом пробежал глазами ряды полок с книгами, которые Рёва собирал на близлежащих помойках. А в красном углу, где полагалось быть иконе Божьей Матери, встретился он лицом к лицу с пыльным ликом голубого экрана.

И пока расстроенный донельзя Хныч, стоял, потупив взгляд, мне почудилось, а может быть, так и было на самом деле, что, аккурат посерединке между «Критикой чистого разума» Канта и «Феноменологией духа» Гегеля, вспыхнула на секунду огненным росчерком вечная строка Экклезиаста, принуждая «суету сует» возвратиться «на круги свои», а рассказ мой - закончиться.

Изредка, вспоминая Рёву, я вижу перед собой этого героя нашего времени: спутанные, давно не мытые волосы, пламенеющий взгляд и затасканные, с пузырями на коленках треники, из кармана которых торчит книга «Основание буддийской медитации».

Тошнота

Все смешалось в доме Обломовых. Даже Стива сменил фамилию и теперь отзывается на Штольца. Однако даже такие фамильярные перемены не отражаются на общем потоке новостей, и жизнь кипит, как и прежде. Где-то она кипит, где-то - замерзает, но по большей части течет, согласно императиву времени, из прошлого в будущее, как ей и полагается. Там, где время перестает течь, жизнь заканчивается, а там, где ручеек минут взламывает окаменевший порядок привычек, начинается снова.

И проходят дни и столетия, и меняются вкусы, и дрейфуют континенты, и наш Штолец, конечно, уже не тот Штолец, а племянник сына правнука одного из Штольцев. Назовем его, ну, хотя бы Петей. Ведь надо же его как-то назвать. Хотя называть его можно не Петей, совсем не Петей и даже совсем уж вообще-то и не Петей. Вы спросите, почему это автор уже успел залезть в какие-то философские дебри, но еще не дал описания внешности героя? Вопрос на засыпку. И в самом деле, почему? Дайте подумать.

Дело в том, что Петя может быть совсем еще не взрослым мужчиной, почти что взрослым мужчиной, взрослым мужчиной и очень уж сильно взрослым мужчиной. Если хотите, он, на выбор, окажется блондином, брюнетом или шатеном. Так же неопределенен и его рост, который с легкостью будет колебаться от совсем уж низенького до слишком уж очень высокого. Петя готов стать худым, не слишком худым, не очень-то и толстым и толстым; а также неказистым с лица и писаным красавцем. Наконец, Петя может иметь, извиняюсь за прямоту, малопозитичную плешь на голове и турецкие джинсы с претензией на моду. Одним словом, наш Петя может оказаться каким угодно, если, конечно, он вообще существует. Вот почему любое описание его внешней, а тем более, внутренней сути - лишняя трата сил и времени.

Но петина бытийность – это еще не вся наша истории, такому Пете надо обязательно что-то противопоставить, ну, какой-нибудь другой характер, иначе правды жизни не получится. Оттого в нашем рассказе есть и второй главный герой. Как бы его назвать, чтобы не ошибиться в главном? А ладно, была не была. Наречем его Вениамин Самоедов. Сказать по правде, я

схитрил и для собственного удобства и по причине своей необъятной лени сделал так, что живут они в рассказе как бы по отдельности, даже не подозревая о существовании друг друга. Открою вам больше, создается впечатление - и очень хочется в это верить, - будто некое божественное провидение непрестанно разводит эти типажи по сторонам, дабы они, по недомыслию автора, не пересекались, порождая в результате столкновения всяческие драматические неудобства. Хотя, сообщу вам по секрету, наша парочка и существует лишь благодаря тому, что порождает друг друга, как выпуклость и вогнутость кривоватой линии. Вот из эдаких типов, как они, если их наплодить в безумном количестве, слагается общая картина Мироздания, как собирается из разноцветных стекляшек мозаики жанровая сцена византийской фрески.

* *

Со времен сопливого детства именно книга была и остается для Вени Самоедова тайной, волшебным предметом, не похожим ни на одну вещь на земле. За годы жизни у Вениамина перебивало в пользовании множество разных предметов прозаического, практического и самого бессмысленного свойства, но ни один даже близко не сравнился с этим восьмым чудом света. И если уж книги, по мнению Вени, имели сакральный смысл, то что тогда говорить об их авторах? Творцы книг представлялись ему не иначе как чародеями слов, властителями неизреченного и самыми настоящими пророками, призванными судьбою для исполнения мистических обрядов и прочего священнодействия.

Еще не научившись толком читать, Веня часами сидел на ковре около книжного шкафа и соприкасался с тайною тайн: вынимал наугад какой-нибудь том, нежно гладил его по обложке, перелистывал страницы, вдыхая неповторимый запах типографской краски и всяческих камедей, рассматривал со всех сторон буквы, рисунки и шрифты. Потом подходила очередь другой книги, и так до тех пор, пока ничего не понимающие в этом времяпрепровождении родители не загоняли сына спать.

«Каковы же они, эти люди, которые пишут книги? - размышлял Веня, ворочаясь в постели. – Какой такой великой

душой, какой необыкновенной силой ума, какими сокровенными знаниями они, должно быть, владеют?»

С молодых ногтей Веня уверовал в древний закон мира: Боги творят предметы и вещи, Поэты дают им слова-названия, а Герои совершают подвиги, которые потом воспевают в назидание потомкам те же Поэты. Оттого-то и движется Вселенная, не прекращая ни на минуту свой ход. Тяжело ворочаются на могучих осях каменные жернова времен, а в зазоре между ними кружатся, словно бабочки, человеческие души, рисуя крылами своими бисерные нити личных биографий.

Мысль о богах, героях и поэтах гвоздем застряла в Вениной голове, казалось, на всю жизнь. И сколь ни измывалась над ним судьба, похожая на пьяного Чапаева, объезжающего трофейное авто, он знал, всегда знал, что владеет великим секретом, и просто пока не может по недомыслию выразить его словами. И куда бы ни бросал Вениамин свой взгляд – везде и кругом простиралось перед ним непрерывное полотно жизни, состоящее из разноцветных нитей перемен, вплетенных в плотную канву постоянства. И видя, как сплетаются нити, образующее струящийся вдаль узор, Веня верил, что где-то в нем есть и его личная маленькая ниточка, и от этой мысли делалось ему на душе спокойно и праведно.

* *

Вот, говорят: «на утро он проснулся знаменитым». Ерунда же полная! В эпоху торжества средств массовой информации, чтобы стать знаменитым, ни засыпать, ни просыпаться совсем не обязательно. Достаточно принять участие в прямом эфире или стать участником какого-нибудь телевизионного акта, желательно полового. Или, на худой конец, помочиться за кадром. После этого за писательское будущее молодого дарования можно не беспокоиться. Даже если он никогда ничего не напишет сам, за него это сделают другие.

А что, скажите мне, делать нашему Пете? То же самое! А если не получается у Пети то же самое? Как тогда ему пережить сию трагедию? А выходило так, что Петю постоянно тошнило в прямом эфире, его тошнило даже в записи, что, надо признать, является свидетельством существования в нашем мире мистических, еще не объяснимых наукой феноменов. Петя не ел, и ел, выпивал сто грамм и двести грамм для храбрости,

принимал таблетки от морской болезни и средство для предотвращения беременности, но ничего не помогало. Его все равно тошнило от телевидения. И больше всего его тошнило от самых нужных для Петиного же блага программ.

И вот Петя, которого несправедливая судьба жестоко задвинула на задворки массовой культуры, так и прозябал, лишь пару раз приняв участие в радиопередаче, да мыкаясь с интервью по разным газетам с сомнительным прошлым и непредсказуемым будущим. Оставшееся время Петя ходил со своим выстрадавшим в муках произведением по издательствам или творил новые.

Сравнивая себя с другими, Петр понимал свои творения в качестве ложки высококачественного дегтя в бочке фальсифицированного меда. Он писал и писал, нанизывал на крючок повествования один троп за другим, словно надеясь поймать на эту сомнительную наживку большую рыбу читательского интереса. Но никакого интереса не наблюдалось.

«Книга удалась, – отметили Петины труды на ниве написания женских романов, – однако над сюжетом вам следует еще поработать. И, положив руку на сердце, не заняться ли вам детективами?»

«Текст безусловно талантлив, – сказали Пете о его первом детективе, – но ему не хватает жизненной правды. Попробуйте себя в другом жанре».

Тогда Петя решил перестроить свою творческую политику и стал писать о судьбах России, духовности и вере.

«Да Бог с вами, молодой человек, – одернул его редактор, – мы такой чепухой не занимаемся. И вообще, подумайте, что сейчас нужно людям».

«А что, – подумал Петя, понуро бредя по улицам, расцвеченным рекламой саун и ночных клубов, – я, кажется, знаю, что сейчас нужно людям». И он поспешил домой, чтобы сесть за эротический, местами даже порнографический роман, замешанный на больших деньгах и непрерывных увеселениях.

«В книге много находок, но, поймите, мил человек, что мы будем с этим товаром делать? Вы принесите нам пяток таких книжек, и тогда мы решим, как поступить».

Петя отправился домой со смешанным чувством надежды, отчаяния, радости и огорчения. Он хотел взяться за продолжение сию минуту, и неожиданно обнаружил, что его

фантазия по данному вопросу исчерпана, и, как творческий человек, не мог опуститься до повторов.

Тогда Петр переключился на родственную эротизму детскую литературу, но и тут не преуспел.

«Вижу-вижу, вы, молодой человек, находитесь в творческом поиске, но, извините, мы не занимаемся поддержкой молодых талантов».

Наконец, Петя написал авангардистский, модернистский, а может быть, местами, даже и постмодернистский роман. Просто Петр не слишком-то разбирался в теории современной литературы, поэтому не мог определиться с жанром и эпохой. Но в издательстве ему заметили: «такого добра у них навалом, и даже не знаем, куда его девать».

«Я быстро учусь, - молил Петя плачущим голосом, цепляясь руками за стол принимающего рукописи человека, и не желая уходить. - Выделите по мою душу самого лютого редактора, и через полгода вы меня не узнаете».

«Нет у нас для вас редактора. И еще, молодой человек, и, лишь в силу моей к вам благорасположенности, скажу: «художка – это вам не Фауст «Гете», тут дело надо знать...»

Вспомнив, что Гоголь сжег вторую серию «Мертвых душ», Петр нашел бечевку покрепче и связал вместе книгу о судьбах России, порнографический роман, сборник детских рассказов и все остальные свои неизданные творения и попытался их сжечь. Но рукописи гореть отказались. Тогда он решил порвать их в мелкие клочки, но бумага вдруг приобрела такую невиданную доселе прочность, что рукописи не рвались. Тогда, полный отчаяния Петюня пошел в лес и зарыл свой талант в землю.

Старательно утрамбовывая грунт и застилая его прелой листвой, он уже тогда отчетливо понимал, что его рукопись гнить не будет и, рано или поздно, проступит из небытия времен для публичного обозрения. В ночном кошмаре, который мучил его еще полгода, ему снилось, как пронзительные буквы его имени сначала вспарывают дерн, а потом, змеясь по почве, тянут к нему свои кровавые косноязычные руки.

* *

Шло время. Время шло вперед. Венино время тоже двигалось в аналогичную сторону. Он вырос и стал

индивидуумом, годным к строевой службе и высшему образованию. Родственники напряглись и сделали его студентом, и, к удивлению, студент из Вениамина Самоедова получился хороший, подающий большие надежды. А дальше пошли сессии и дипломы, полевые практики и экспедиции в разноталованные от большой земли места, где аспирант Самоедов, выражаясь казенным языком научно-популярных штампов, открывал тайны живой природы.

Пока молодой ученый Самоедов отсутствовал, эволюция не стояла на месте, а бурно развилась в непонятную для последователей Дарвина сторону. В то время как Вениамин разглядывал в микроскопы уютный мирок одноклеточных, большой мир полностью сошел с ума и, видимо, вот-вот собирался перегрызть себе глотку от переполнявшей его ненависти. Глядя в экран телевизора и странствуя по книжным магазинам, Веня сопоставлял полученные полевые данные с переплетами своего детства и ничего, ничего не понимал в этой вновь зародившейся в его отсутствие жизни. Вениамин с горечью для себя открыл, что большинство писателей вовсе не волшебники, помогающие творить мир, и пишут они исключительно для заработка и славы, а сочиняют преимущественно не литературу, а тексты.

«Блин! Что за фигня?! – негодовал Самоедов. «Господи! Почему?! За что?!» – вопрошал Венечка, но Господь, походя разрушивший его представления о добре и зле, безмолвствовал. Плохую магию нужно исправлять хорошей, но в магии Веня ничего не смыслил, а враг был коварен и жесток.

И тогда он решил исправить ошибку Бога так, как подсказывала ему карма образованного человека. Вениамин был и оставался романтиком, поэтому снял со стены старинное ружье, доставшееся ему от прадеда, водившего дружбу с Чеховым. Веня со школьной скамьи помнил: если в пьесе появился ствол, значит нужно запастись и боеприпасами, что и сделал, посетив рынок по соседству. Враг заполонил весь видимый для Вени свет, и цели были известны. Составив окончательный список главных погубителей русской культуры и для верности, чтобы не допустить какой-либо досадной ошибки, перечитав его пару раз, Самоедов закрыл свое милосердие на переучет.

О, что за подмосковные вечера выдаются в июле! Птицы еще поют на все голоса, но уже пахнет грибами, зеленый шум еще напоминает о себе, но солнце устраивает такие закаты, что Небо становится ближе. Именно в эту пору вышел на тропу войны по дачным угольям литераторов герой и человек Вениамин Самоедов.

Какие глупости писали потом газеты? Какие конкуренты и недоброжелатели? Какие литературные завистники? Что за наемные убийцы и издательские войны? Это была его личная священная война, в которой он не брал пленных.

Читая очередную заметку с места событий, Веня возмущался: «Ну, кто так пишет! Кто так пишет!» - И, в конце концов, кидался к бумаге. - Надо не так, а вот так! Вот как надо!» Понимал ли он тогда, что просто делает зачистку, освобождая место для своего литературного бизнеса? Это вряд ли.

Пока шла кампания по искусственному отбору, Вениамин соорудил у себя дома некое подобие языческого алтаря, в центре которого любовно расположил портрет Гоголя. С этого момента его месть сразу обрела сакральный смысл, в которой жрец и его жертва сливаются в единое целое в жертвенном акте пред очами Николай Василича. После каждого удачного рейда, Веня садился у своего капища и совершал только ему одному понятный обряд, кульминацией которого составляла молитва за торжество веры, любви и надежды во всем мире и установлении свечи, персонально посвященной поэме «Мертвые души».

Ажиотаж по поводу Вениного начинания вскоре достиг невероятного масштаба. Собрания писателей клялось отомстить, скромно умалчивая фамилии мстителей, полиция обещала принять срочные меры, а депутаты – разобраться во всем, не торопясь. Издательства нанимали частных детективов, чтобы вычислить и грохнуть народного мстителя, но ревнитель литературы был неуловим.

Никогда еще, со времен дефолта, не было в столице и ее окрестностях такого интересного лета. Журналистское сообщество ликовало, главные редакторы возвращали народ из отпусков и спонтанно, после каждого информационного повода, устраивали праздничные загулы. Самые отчаянные вели собственные журналистские расследования, но тщетно, поэтому вскоре вокруг образа Вени выросла высокая стена небылиц.

Мужскому контингенту книголюбов, мнящих себя интеллектуалами, все это было откровенно до фени, зато женская читательская аудитория разделилась на два непримиримых и враждующих между собой лагеря. Одни признавались робин гуду в любви и слагали в его честь поэмы. Другие хотели выцарапать иуде глаза и затоптать это дикое животное острыми каблуками до смерти. Вене же вся эта шумиха вокруг него откровенно не нравилась.

Провоевав всего одно лето, он добился практически полной победы: издательское дело вошло в полосу кризиса, оставшиеся в его списке фигуранты забились по щелям или свалили за бугор. После чего капище было разобрано, а берданка выброшена в реку. К тому же Веня научился гладко писать боевики, правда, им не хватало иронии, но сия недостача с лихвой компенсировалась избытком жизненной правдой.

По осени Вениамин Самоедов решительно распахнул дверь самого большого издательства России и мгновенно стал полноправным членом писательского братства.

* *

«А как же искусство? А как же всепожирающий огонь творчества? - спросите вы. – А как же это внутреннее желание создать нечто, чего до тебя никогда не было, а после тебя уже будет?» Извините, уважаемые, но вы еще, о высоком призвании художника вспомните. Нечего путать божий дар с яичницей. Вы еще спросите, а как же вдохновение, творческий порыв, душевная потребность выразиться? Помилуйте. Где вы только слов таких набрались? Все сие есть анахронизмы и глупости, которые современному человеку без надобности. Они только жить мешают. Приличный человек не то чтобы произносить, он даже думать эти слова не будет.

Для чего вообще пишут книги? Сейчас я вам все об этом расскажу. Все писатели делятся на две группы. Первые в первую очередь хотят прославиться, а уж потом получить много денег. А во вторую группу входят писатели, которые хотят в первую очередь получить много денег, а уж потом прославиться. И поверьте мне, человеку абсолютно нейтральному и предельно беспристрастному, больше между писателя никакой разницы не существует.

Вы возразите, что, мол, авторы Евангелия слагали, де, свои книги не ради славы и денег, а ведомые верой и высокими нравственными идеалами? Побойтесь Бога! Какая, к черту, вера! Ребята, которые писали Евангелия, тоже есть хотели. И, говоря начистоту, евангелисты прекрасно вписались в существующий в ту пору истеблишмент. Литературные агенты оказались на высоте, издательский менеджмент не подкачал, да и с рекламой дела обстояли неплохо. Хотя, справедливости ради, стоит признать – средства массовой информации были тогда развиты неважнецки.

* *

Нет, нет и нет! Так дело не пойдет. Насилие, убийства, кровь. Ничего нового в такой истории нет, а значит и история такая никому не нужна, а нужна другая история. К тому же как это поэтический строй Вениной души сочетается с охотой? Как Тургенев с «Записками охотника»? Нет, как мед с селедкой. Посему его история будет отныне другой.

«Господи! Почему?! За что?!» – вопрошал Веня, но Господь, походя разрушивший его представления о добре и зле, безмолвствовал. Десять лет назад, начитавшись до умопомрачения Майринка и Лавкрафта, Веня угодил в психиатрическую больницу. Диагноз он свой не знал, но сейчас понимал, что без депрессии дело тогда не обошлось. За то время, пока Вениамину лечили голову, мир полностью сошел с ума и, видимо, вот-вот собирался перегрызть себе глотку от переполнявшей его ненависти.

Глядя в экран телевизора, инспектируя книжные магазины, Веня сравнивал увиденное с переплетами своего детства и ничего, ничего не понимал в этой новой свалившейся ему на голову жизни. Вениамин с горечью для себя открыл, что большинство писателей вовсе не волшебники, помогающие творить мир, и пишут они исключительно для заработка и славы и сочиняют преимущественно тексты. Плохую мистику нужно исправлять хорошей, но в мистике Веня ничего не смыслил, а враг был коварен и жесток.

Но тут в дело вмешалось само провидение. Как рассудил погода Самоедов, именно оно заставили его поднять рваную тетрадь, валявшуюся у мусорного бака. Веня перелистал ее и с удивлением обнаружил исписанные бисерным почерком

страницы, сплошь на английском языке. Придя домой, он изучил находку самым тщательным образом и понял, что перед ним рукописная копия старинного гримуара с частыми ссылками на Джона Ди и с подробными описаниями техники вызывания духов.

Два месяца мучился Вениамин с переводом и уяснением инструкций, а затем соорудил у себя дома некое подобие языческого алтаря, в центре которого любовно расположил портрет Гоголя. С этого часа его месть сразу обрела сакральный смысл, в которой жрец и его жертва сливаются в единое целое в жертвенном акте пред очами Николай Василича. Каждый день Веня садился у своего капища и совершал только ему одному понятный обряд, кульминацией которого составляла молитва за торжество веры, любви и надежды во всем мире и установлении свечи, персонально посвященной поэме «Мертвые души».

Мертвые души надолго стали его соратниками по борьбе и главными исполнителями задуманного. Вызвав на пробу духов классиков русской литературы, Вениамин попробовал их в деле. Духи не подвели: один из них, назовем его хотя бы духом «Л», проник в голову писателя, погрузив его в тяжелое недеяние, другой же реципиент занемог депрессией после аналогичной инвольтации духом «Г». Творить в таких состояниях было трудно, и вскоре Веня вычеркнул фамилии литераторов из составленного накануне списка отщепенцев.

Интересно, но каждый их призраков, хотя и утративший плоть, все же сохранял свой неповторимый характер и самобытный стиль. Так, дух Достоевский действовал медленно, но неотвратимо, погружая жертву в мировую психологическую скорбь и самоуничтожение. Он являлся клиенту ночью, садился на край кровати и тихо рассказывал о своей жизни, делая упор на переживаниях во время гражданской казни и каторги. Одним словом Вениамин был доволен.

Количество призраков, вызываемых с того света Веней, постоянно росло, ему даже пришлось соорудить круглый стол, для которого он задействовал перевернутую мишень от «Дартса», и склеить из спичек десятки маленьких стульчиков, дабы каждый дух имел свое законное место. В конце концов, чтобы, устанавливая справедливость, не наломать дров, он решил устроить общее собрание коллектива и полностью разобраться в современном литературном процессе.

Вениамин сразу же пожалел о содеянном, так как в ту же ночь inferнальные силы вышли из под его контроля. На утренней планерке, где обсуждался дальнейший план действий, Веня обнаружил за председательским креслом неизвестное ему лицо. На вопрос «А вы, гражданин, кто такой будете?» лицо объяснило Вениамину необходимость соблюдения регламента, а говоря проще, чтоб Веня больше не лез со своими глупыми вопросами без предварительной записи.

Спустя два месяца участковый и пара медбратьев взломали дверь вениного жилища и потащили исхудавшего и непрерывно с кем-то разговаривающего больного вниз к машине скорой помощи. Психиатр, насвистывая мелодию «Битлз» «Меняется к лучшему», задержался в помещении, чтобы лучше рассмотреть сооруженное Вениамином капище, и вдруг остановил мелодию на ползувке. «Круглый стол» с расставленными вокруг спичечными стульчиками и спичечным же председательским креслом требовал некоего материально завершения этой отвлеченной идеи, и после недолгой паузы, ушедшей на внутреннюю борьбу санитара с самим собой, был растоптан.

* *

Когда мания величия, снобизм и мизантропия сплавляются в тигле реализовавшихся амбиций в единое целое, на литературном небосклоне вспыхивает новая яркая звезда. И звезда эта обычно имеет какое-нибудь имя. О человеке без имени не понятно, что и думать и что от него ждать. Имя определяет все, являя собой проявленный в его носителе скрытый антагонистический импульс, поэтому Петр – этот камень – в моем рассказе податлив как глина, а Вениамин – любимый сын – никак не может найти взаимности с жизнью.

Хорошо, когда все с именами ясно, еще лучше, если писатель презирает своего читателя, а читатель – писателя. «И что бы это такое еще этим подонкам написать?» - задается он вопросом. «И что же этот подонек еще написал?» – интересуются они. И если эти два вопроса звучат одновременно, в мире воцаряется наиполнейшее гармоническое единство, являющееся первоосновой всеобщего человеческого счастья и всепобеждающей любви. И тогда форма падает в объятия содержания, фигуры речи, движимые,

не иначе как высоким душевным порывом, устраивают импровизированный стриптиз, а главный герой и автор лобызают друг друга, словно влюбленные гомики.

Новый зачин литературной жизни распространяется по окультуренной Вселенной со скоростью звука, а то, - и света. И тогда в мире происходят самые что ни на есть удивительные вещи. Наемный убийца дарит шоколадку незнакомому ребенку, и слеза умиления медленно катится по его небритой щеке.

Пьяная в стельку девица, уснувшая с задранной подолом, на лестничной площадке у мусоропровода, предстает теперь если ни гением чистой красоты, то уж точно мимолетным видением. Ее кавалеры давно разбежались, кто куда, а она сладко спит и чему-то во сне улыбается. Возможно, ей снится мама или закат над рекой, и по ее лицу видно, что она счастлива.

И тогда выглядывает из-за туч божественный Гелиос, и поют в тени деревьев ручьи, и подыграют им на своих свирелях фавны. Заслышав дивные мелодии, нимфы не могут усидеть на месте. Они плетут венки на голову, корзинки – на продажу и водят хороводы, сбивая своими гладкими голыми икрами веселые колокольчики. Те сыплются в траву, и каждый из них добавляет в божественную симфонию природы свой отдельный и неповторимый саунд.

Но что-то я переусердствовал тут с метафорами. И разве мужское это дело кружева из слов плести? Настоящий мужчина должен уметь две вещи, являющимися базовыми в нашей жизни: вбить гвоздь в стену и пустить железнодорожный состав под откос. А все остальное приложится. Уметь же писать ему вовсе не обязательно. Для этого можно нанять специально обученных для этой цели людей.

И вот, так непростительно отвлекшись, мы начисто забыли о наших героях. Петя, же в отсутствии тотального авторского контроля над его творческой биографией, скорее всего, начал пьянствовать и таскаться по бабам вместо того, чтобы, согласно русской литературной традиции, глаголом жечь сердца людей и освещать, так сказать, огнем души своей пути людские во тьме невежества полночного. А Веня... тут вообще трудно уразуметь, что может натворить Веня.

Но что это? Вместо того чтобы предаться невинным радостям такой скоротечной человеческой жизни, я вижу Петю, склонившего чело свое над листом бумаги и высунувшего язык

от поэтического томления и старания. И пока он пребывает в этом идиотическом состоянии, тихонько подкроемся к нему и заглянем через спину на дела рук его. Так-так, что там у него? Да у нас тут целый романище!

* *

Так бы и мыкался бедный Петя, если бы не вторичное участие божественного провидения, которое сжалилось и над нашим героем, решив подыграть ему в его же характерологическом духе. Как-то, будучи в гостях у какого-то маститого гения, Петя взял почитать файл почти готовой рукописи по секрету от хозяина. Петр даже сам не понял, почему сделал это, наверное, по привычке что ли как-то сие у него получилось, машинально, в общем. Не подумайте, что Петя безнравственный человек. Просто у нас жизнь сейчас такая, и Петя крутится, как может. Скажу больше, Петя даже читал Нагорную проповедь. Ну, как там? «Не судите, да не судимы будете...» Ну, типа того. Поэтому судить о его поступке мы не будем. Да и как может быть безнравственной личностью, движимая внутренней, недоступной человеческому разумению экзистенцией? А наш Петя не какой-то там обыкновенный Петя. Наш Петя идет по жизни, руководствуясь исключительно высокими идеями, а идеи не могут быть нравственными или безнравственными. Они просто бывают, или их нет вовсе.

И надо же было такому случиться, что гений этот после того случая бросил литературу и с горя подался в малый бизнес за большими деньгами. А издательство, для которого он кропал свой шедевр, решило с книжками расстаться и перешло на выпуск школьных тетрадей. Не раскрою вам большой тайны, но чистой бумагой торговать значительно выгодней, чем той, что измазана буквами. Петя наш обмозговал ситуацию, переработал произведение в духе времени, и отнес роман, куда следует.

Произведение молодого автора было принято к рассмотрению, одобрено и даже издано, правда, небольшим тиражом, но зато с прекрасной обложкой, изображающей пышногрудую девицу в кожаном бюстгальтере, сработанной в постсоветском стиле «Братва от счастья плачет». Не знаю, как вы, а я очень порадовался, что Петя, худо-бедно, но все же устроил свою литературно-художественную жизнь.

* *

«Ну что за дела!? За что же это опять вышла у меня невеселая история с нашим Веней? Словно некий любопытствующий циклоп сначала разобрал Конструктор Жизни, потом собрал его, но в результате в его огромных ручищах осталась одна лишняя деталька – Венина судьба, и не было такой полки, куда бы ее поставить, и не было места, к чему бы ее прикрутить. Но Вениамин Самоедов явно заслуживал иной участи и лучшей доли, и если он никак не мог пристроить себя к жизни, то я был просто обязан найти ему место под солнцем.

Глядя в экран телевизора, обследуя книжные магазины, Веня сравнивал увиденное с переплетами своего детства и ничего, ничего не понимал в новой совершенно неудобной для него жизни. Он с горечью для себя открыл, что большинство писателей вовсе не волшебники, помогающие Богам творить мир, и совсем наоборот. С этой поры Вениамин обнаружил в своем имени какую-то вину, но перед кем и почему он оказался виноват, Веня не понимал.

Плохие рассказы нужно исправлять хорошими, но в рассказах Веня ничего не смыслил, а враг был коварен и жесток. К тому же, за то время, пока Веня скитался в научных экспедициях и писал ученые трактаты, мир полностью сошел с ума и, видимо, вот-вот собирался разбить себя об стену.

О, что за подмосковные вечера выдаются в июле! Птицы еще поют на все голоса, но уже пахнет грибами, зеленый шум еще напоминает о себе, но солнце устраивает такие закаты, что Небо становится ближе. Именно в один из таких вечеров Вениамину пришла в голову спасительная идея. Продав все, что можно было продать, он купил туристическую путевку в один конец, и тяжелый камень переживаний откатился от его души, исчезнув в потоке мыслей о будущем.

Прибыв на место, Веня обменял последние доллары на рупии и, так и не взглянув на Тадж Махал, потерялся. Облачившись по ходу в одежду отшельника, сшитую им собственноручно из оранжевого цвета скатерти, он отправился в дорогу, и отнюдь не в Гоа поближе к трансу, псаю и гашу, как вы могли уже решить. Путь его, напротив, лежал на север.

Веня, словно молодой Вивекананда, шагал по пыльным дорогам новой страны проживания, вдыхал пряный запах

незнакомой чарующей жизни, и чувствовал, что все Боги, Поэты и Герои охраняют его путешествие. И от этой поселившейся в его сердце благодарности, мечтал раствориться в окружающем без остатка и сожаления.

Когда через три месяца загорелый как индус Веня приблизился к отрогам вожделенных Гималаев, полет его жизни навсегда исчез с экранов мистических радаров.

* *

В наше такое трудное и такое непонятное время, когда пороки и добродетели находят в друг друге много общего, простые человеческие радости особенно ценны. Они согревают нам сердце, протекают бальзамом на душу и помогают противостоять бытовым трудностям. Это благодаря им мы продолжаем оживать в этом чертовом мире, с каждым днем все меньше и меньше приспособленном для обитания. И когда бальзик прольется, можно уже и задуматься о достижении какой-нибудь цели или даже об осуществлении мечты. Но оставим эту карамельную тему для рождественских открыток и вернемся к суровой правде нашего повествования.

Как раз в этот момент Петя закрывает за собой дверь и идет по коридору издательства к выходу, храня на лице ясную улыбку младенца и прижимая к груди пачку авторских экземпляров. И это только кажется, что сообразно своим морфологическим особенностям, он и всего-то, что переставляет ноги по скрипучему паркету давно не отремонтированного помещения. Не в нашей, а в его личной, отдельной от других реальности Петя шествует по лестнице в небо, а может быть, уже и парит в облаках. Отринем же на этот краткий миг, пока коридор еще не кончился, всю прозу жизни, поскольку через минуту она сама утвердит себя в полном и содержательном объеме. Оставим же нашего героя в этом дивном душевном состоянии, пожелав ему на прощанье большого человеческого счастья.

Вслед за Петей, немного погодя, выходят в коридор самый главный редактор и не то что бы самый главный, но очень главный редактор. Они закуривают и смотрят вслед его удаляющейся подпрыгивающей походке.

«Вишь ты, вон какой Петя! - начинает разговор самый главный редактор. - Что ты думаешь, напишет тот Петя, если б случилось, второй роман?»

«Напишет», - отвечает не то что бы самый главный, но очень главный редактор, внимательно всматриваясь в Петину спину.

«А вот третий-то роман, - я думаю, - не напишет».

«Третий не напишет».

Этим разговор и кончился.

Анубис

Бальс закрыл файл, блаженно потянулся и, еще улыбаясь, подумал: «Как же все-таки складно умеет некоторые люди сочинять фантастические рассказы. И ведь понимаешь, что это чушь собачья, но все равно дочитываешь ее до последней буквы». Он посмотрел на часы и вздрогнул: увлеченно продвигаясь к финалу книги, он чуть не пропустил новости с космической базы, поэтому в спешке набрал нужные клавиши и углубился в совсем другое чтение.

«Сегодня, при не совсем выясненных обстоятельствах, экспедиция Леона Тайгуры обнаружила в джунглях планеты Минерва мальчика, которого воспитывали кактусы. Мальчик имеет зеленый цвет и колючий характер, не умеет говорить, но понимает язык запахов. С помощью пары-тройки букетов новоявленный маугли поведал ученым о своей горемычной доле. Родители мальчика разыскиваются».

Бальс почесал в затылке и приступил ко второму сообщению.

«Удивительный феномен зафиксирован на Аиде. После второго за этот год восстания зеленый цвет на планете объявлен вне закона, а новый, лишенный хлорофилла вид растений отверг фотосинтез, как наследие архаичного прошлого. Колонисты, пережидали эту напасть, закрывшись в собственных домах, а когда вышли наружу, пришли в ужас. Они обнаружили, что корни новых растений Аиды тянутся к свету, а стебли глубоко погружены в землю, где и цветут, давая противные на вид, и неприятные на вкус клубни. По этой причине продукты растительного происхождения колонисты теперь вынуждены завозить космическими фурами. Многие тамошние представители флоры не переносят солнечный свет и живут под землей, в пещерах. Лишь по ночам они выходят на поверхность планеты, чтобы поохотиться».

Бальс перечитал сообщение, снова почесал в затылке и принялся читать дальше.

«Некий ботаник, имя которого уточняется, влюбился на планете Цирцея в девушку своей мечты. Она окончила местный пищевой институт, знала все о возгонке, брожении, коагуляции, экстракции, количественном и качественном анализе и уже за одно это казалась молодому ученому прекрасной. Однако счастье молодых длилось недолго. Девушка оказалась человекоподобной мухоловкой, которая, в порыве страсти, проглотила ботаника. Когда подросла помощь, мужчина был уже полностью переварен».

Ну и дела. Кто-то умирает от скуки, кто-то – от счастья. На кого-то сверху падает бесхозный слон, но это событие более или менее вероятно. Но умереть в желудке обезумевшей от любви росянки. Вот уж нет! Сам Бальс влюблялся раз восемь, но знание о том, что букет цветов – это всего лишь перевязанные ленточкой органы размножения растений, быстро ставили его пытающееся вырваться из груди романтическое сердце на место.

Честно говоря, дел на корабле было предостаточно. Его напарник Гальс полдня не вылезал из оранжереи: возился там с гидропоникой и освещением, придавал добытым образцам товарный вид и ругал заказчиков, которые сами не знают, что хотят, самыми нелитературными словами. В этом отношении Бальс был с ним полностью согласен.

Кому-то до зарезу требовался Аленький цветочек, другой делал заказ на цветки забвения в ассортименте, следующий просил привезти жене в подарок цветок папоротника. Но это еще были цветочки. Некоторые клиенты требовали от них добыть растения силы Дона Хуана, цветок бессмертия Гильгамеша, золотые яблоки богини Идунн, ведическую сому, да побольше, а другие оригиналы остро нуждались в нектаре, амброзии, или, на худой конец, амрите. Один чудак требовал привезти ему «траву жизни», упомянутую в шумерском эпосе «Энума Элиш». А другой ненормальный просил за любые деньги найти и доставит ему гомеровский лотос с парочкой лотофагов в придачу. От таких заказов друзья под любыми предлогами отказывались.

До подлета корабля к Земле оставалось всего ничего, а Бальс еще ничем не помог другу, ни морально, ни физически.

Однако, после того, что ему пришлось пережить в их последней экспедиции, Гальс решил освободить впечатлительного напарника от всех мало-мальских обязанностей, посоветовав другу восстанавливать психику посредством чтения художественной литературы и просмотра сводки новостей. А дело было так.

Высадка на планету Бубу, населенную разумными растениями, имела для охотников за растениями весьма драматический характер, принесла много невиданных впечатлений и не дала ни капли выгоды. Большой удачей было уже то, что они возвращались домой целыми и невредимыми.

У тамошних растительных обитателей существовала система быстрого оповещения посредством разветвленной корневой системы или с помощью изменения цветочных запахов. И буквально сразу зеленые аборигены засекли их корабль, установили за друзьями слежку, а потом взяли их в плен, чтобы немедленно устроить им допрос, признать виновными и осудить на смерть.

«...И ко всему прочему – громогласно закончил Верховный суккулент, - вы не являетесь разумными существами и приговариваетесь к смерти. Таков окончательный вердикт нашего справедливого суда».

«Не являемся?! – хором возмутились Бальс и Гальс. – На каком основании делаются такие выводы?»

«На каком?! - возмутился судья в свою очередь. - Вы уничтожаете любую среду обитания, в которой находитесь, и склонны убивать друг друга. Вы, показал он на приятелей колючим пальцем, уничтожаете растения и питаетесь самым дорогим, что у нас есть – нашими плодами. Но, учитывая ваш инопланетный статус и межвидовой отбор, эти уродливые привычки мы еще как-то можем вытерпеть. Но самое главное – вы не зеленые, что является тяжким преступлением. (После этого друзья поклялись друг другу, что, если выберутся из переделки живыми, будут держать в медицинской аптечке литровый запас зеленки.)

Гальс отнесся ко всем выпавшим на их долю злоключениям довольно спокойно, в отличие от утратившего душевное равновесие Бальса. Когда напарников приговорили к смерти, они попросили выполнить их последнюю волю - попрощаться с

любимым кораблем. И сбежали из этого зеленого безумия так быстро, насколько позволили двигатели...

Минул тому месяц по земному времени, а друзья продолжали вспоминать о жутком приключении, чуть не стоившим им жизни. Большинство растений бегали вокруг планеты вслед за солнцем вдоль экватора, как стадо диких слонов, дабы все время иметь солнце над головой и безжалостно вытаптывали остальные эндемические виды, предпочитавшие держаться своих корней и традиций. Это давало бегающим особям огромные преимущества по части продолжительности светового периода, но приводило их к непрерывному цветению, что в свою очередь склоняло к беспорядочным половым связям. Перекрестное опыление, как следствие кочевого образа жизни, пагубно отражалось на генотипе растений, а про фенотип и говорить уже не приходилось. В одной стае встречались экземпляры, напоминающие собой приземистый баобаб и нежную мимозу.

Мировоззрение аборигенов находилось в состоянии полного раздора и на зачаточном уровне. Многие из них, как свидетельствовали хроники, искренне верили в существование фотосинтеза, поклонялись по старинке Божественному Хлорофиллу и его отцу – богу Магнию. Но другие впали в зловредную ересь, соорудив каменный идол Теренса Маккенны, и совершая у его подножия кровавые обряды, материалом для которых служили наивные инопланетные туристы.

С тех пор как друзья создали «Агентство по поиску и доставке редких и необычных инопланетных растений», они болтались по самым отдаленным уголкам Млечного пути, рисковали жизнью и здоровьем, получали массу впечатления и еле-еле сводили с концами свои расходы и доходы. Хорошо, что этот бизнес был пока в новинку, ибо данное положение позволяло компаньонам некоторое время уклоняться от уплаты налогов и избегать конкуренции. Немаловажное обстоятельство состояло и в том, что их космическая «Мандрагора» была проста в обслуживании и ломалась только по паре раз за экспедицию.

Редчайшие образцы требовали постоянного ухода. К тому же, по прибытию, добытые с таким трудом растения могли попасть в руки несознательным людям, которые их попросту бы высушили и скурили. Несмотря ни на что, работа друзьям нравилась, скажу больше, они любили ее, как, лотофаги - лотос, Кастанеда – пейот, а Будда - дерево Бодхи...

* *

Нет, работа сегодня явно не клеилась, и фантастический рассказ «Охотники за космическими растениями» и без того продвигавшийся туго, практически остановился, словно сообщая автору, что намерен стоять насмерть, но дописать себя не позволит. Может статься, я взялся не за свое дело, или в геомагнитном слое Земли образовалась какая-нибудь подлянка, но, скорее всего, история реальная, а не выдуманная никак не выходила у меня из головы. Честно говоря, я был полностью разбит и подавлен так, что даже великая русская литература не помогала мне обрести душевное равновесие.

Стряслась самая настоящая беда. Василий - мой старинный приятель еще со студенческих лет – погиб. Скажу больше, умер при загадочных обстоятельствах. Вернее, это считалось, что при загадочных обстоятельствах, мне же все казалось ясным как день. Возможно, если бы я находился рядом, Василий был бы жив. Но, что греха таить, как это часто случается со школярами, выросшими во взрослых людей, наши пути-дорожки, разбежались в разные стороны.

Но сначала постепенно исчез тот жизнерадостный добрый и где-то наивный парень, которому сулили на нашем курсе большое будущее. Нет, он не уехал искать счастье в чужие края, где его способности и образование могли бы пригодиться, не спился и не сторчался, как многие, не пошел в разнос каким-то иным способом и даже не озлился на все человечество. Старый Василий внимательно выслушал надиктованный временем чеканный закон, установивший железной рукой новый экономический и политический порядок, и стал новым Василием. И уже этот новый Василий забрался в свою житейскую подводную лодку, наглухо задраил люки и опустил в небытие глубин. Жить так выходило у него намного проще и в разы удобнее. Но все же Василию иногда хотелось подняться на поверхность, подышать свежим воздухом и поговорить с кем-нибудь по душам, ведь человеческое общение не зря называют роскошью.

Осенью прошлого года он зашел ко мне в гости. Мы сидели на кухне, пили чай и, как водится, разговаривали ни о чем и обо всем сразу. Василия я не видел давно, и вот теперь замечал в его лице, осанке, голосе и движениях некоторые перемены, которые в таком случае неизбежны. Мой гость представлял

собой высокого, сутулого субъекта с цыплячьей шеей, доверчивой улыбкой, затравленными, близко стоящими к переносице глазами и странными суждениями относительно самых заурядных вещей.

Обычно таких людей общество презрительно именует не приспособленными к жизни чудаками или другими, схожими по смыслу словами, хотя именно такие вот чудаки совершают научные открытия, делают изобретения, пишут книги или сочиняют музыку и, в результате, толкают громоздкий состав этого чертова прогресса куда-то вперед в невидимые дали будущего. А все остальные только сидят внутри вагонов и поглядывают с недовольным видом в окна: «Что же так медленно! Ползем как черепаха! Будем жаловаться, куда следует!»

«Знаешь, - вдруг прервал он неторопливую нашу беседу о погоде, - не поверишь, но со мной произошла, как бы это выразится точнее, довольно странная история. Вернее, не произошла, а происходит. Не представляю, чем она закончиться, но хочу тебе все, как есть, рассказать. На всякий случай, — добавил он. — Может, я за этим к тебе и пришел. Если со мной какая-нибудь ерунда приключится, ты будешь знать, что к чему».

«Ну, брат, умеешь ты заинтриговать человека. И что значит «если случится»? Что с тобой может такого произойти?»

«Не знаю, не знаю. Ты просто слушай и не перебивай».

«Договорились».

«Помнишь, я тебе рассказывал об одном человеке, который разными экзотическими семенами торговал? Ну ладно, не суть важно. Важно то, что его больше нет. Умер он, а тело его нашли месяца через три на чердаке его же дома. И, знаешь, говорят, этот тип как мумия был, словно его кто-то высосал. Ну и хватит, не буду больше о трупях.

Видишь ли, за по-по-полгода до этого случая, я купил у него па-пару упаковок семян. «Из самого Амстера», - подмигнул он мне тогда хитрым глазом. - По-по-положил я семена в холодильник и забыл, и только весной о них вспомнил. Надо же чем-то дома для души заниматься, — он посмотрел мне в глаза, словно ища поддержку. - Да и к ра-ра-растениям меня тянет, все-таки я их по-понимаю. Так вот. (Василий заикался, когда

волновался. И чем больше он волновался, тем сильнее не ладилось у него речью.)

Собрал я по-по этому во-во-вопросу кое-какую литературу, по-почитал, по-прикинул, вроде должно было по-по-получиться. Купил горшки, землю, удобрения и все п-прочее. В общем, по-подготовился к сельскохозяйственному сезону по всем п-правилам современной агротехники. Сначала все боялся, что мне укроп какой-нибудь подсунули, и буду я все лето какие-нибудь лопухи культивировать, потом – что ни черта из этих семок не вырастет. Но зря боялся. Одно семечко, правда, только п-п-проклюнулось, а другие мертвыми оказались. Уже через три недели, пришлось пересаживать ра-ра-растишку в горшок побольше. Сторона у меня южная, света хватает, так что куст этот просто на подоконнике стоял.

Ра-растет, значит куст себе, ра-растет, длинный такой вымахал, а в июле вдруг желтеть начал, а потом и листья все с него попадали. Ну, подумаю, что где-то я накосячил, в чем-то перемудрил: то ли с удобрениями перестарался, то ли воды перелил, и неудавшийся эксперимент свой оставил засыхать за шторкой. Ты же в курсе, как я живу: рано утром на службу, с работы только ночью приходишь, иногда субботу и воскресенье начальство отхватывает. Запарка тогда у нас стряслась натуральная. А как аврал закончился, решил я порядок в доме навести и горшок тот выкинуть. Отдергиваю штору, и, ты представляешь, что вижу! Не поверишь, но цветочек мой ожил, хотя при этом как-то странно преобразился.

Вроде бы мне следовало радоваться воскресению моего зеленого друга из мертвых, я даже называл его Анубисом, однако какая-то непонятная тревога с той поры у меня в сердце поселилась. Не знаю, с чем она была связана. Возможно, с видом растения. Зеленый его стебель стал теперь необычного грязно-розового цвета, а на месте опавших листьев выросли новые, но странного такого синеватого оттенка. Уж больно оно чудно выглядело, каким-то неземным, марсианским что ли, казалось.

Черт знает что, - подумал. - Но не выкидывать же на помойку живое существо? И я снова стал за ним ухаживать: берег от сквозняков, поливал теплой водичкой, по подоконнику двигал, чтобы ему солнца подольше и побольше доставалось, в общем, всячески о нем заботился. Я, можно сказать, даже полюбил

свой Анубис, как только можно полюбить растение. Вот только добро содержалось в этом грязно-розовом побеге или зло, я не знал. И не оставляли меня мысли, что мой «цветочек аленький» - какой-то подменыш. Знаешь, как в кельтских легендах. Живет дома у родителей мальчик, а злые фэйри его к себе забирают, а вместо него подсовывают своего сынка, который на это время вид ребенка принимает. И только по ужасным переменам в характере и злым повадкам паренька, можно подлог сей обнаружить.

Шли дни, но ничего особенного или странного не происходило, и тревога моя прошла. Попривыкли мы друг к другу. А потом, только не смейся, начал я с ним разговаривать. Ну, знаешь, просто рассказывал ему о своей глупой жизни, о несостоявшихся надеждах, о том, что на работе у меня творится, про личные дела и что в мире делается.

Так и повелось. Чаек себе покрепче замутишь, сядешь у окна и давай разговоры всякие разговаривать. И однажды - не знаю, как тебе это все объяснить, чтобы ты поверил, - почувствовал, что Анубис этот меня внимательно слушает. Шестое чувство, наверное, во мне сработало.

Ну, - думаю, - дела! Вот и нашел себе благодарного слушателя. Может мне в психушку идти сдаваться пора. Хотя рано еще паниковать, а может и незачем. Главное, есть на свете живое существо, которое меня понимает. Странно, но мой Анубис совсем не рос в высоту. Напротив, мой подменыш вместо этого становился все толще и толще, да и необычно для нашей флоры синюшных листьев на нем заметно прибавилось. Теперь я точно знал: у меня на кухне растет нечто, а что именно – ни в одном справочнике по домашнему цветоводству не найти.

Так вот. Ты слушаешь? Сейчас самое интересное начнется. Однажды вечером, дело было уже в конце августа, сижу я со своим неопознанным растительным приятелем и по привычке рассказываю ему о своем житье-бытье. А потом и сказал ему как бы в шутку, что нормальные растения летом цвести начинают, и он, лентяй, даже не думает. И что же? На следующее утро я заметил, что Анубис мой выпустил вверх тонкую розовую стрелку, на макушке которой распустился розовый же цветок, только с какими-то странными грязно-коричневыми прожилками.

Конечно, ты подумашь, совпадение, да я и сам так вначале решил. Но на другой день, вечером, я, по обыкновению, завел со своим Анубисом беседу и вроде шутливого упрека говорю: Слушаешь ты меня, слушает, а ведь даже имени моего не знаешь. И вот, подумай, и вот представь, на этих самых словах, Анубис, не поверишь, изогнул стебель, выдвинул вперед ближайший ко мне лист, и прожилки на нем начали постепенно складываться в буквы, а буквы эти стали понемногу светиться, словно в растении вырабатывался какой-то невиданный люминофор. Минуты через две я с одурелым видом и, не веря своим глазам, прочел на плоскости листа:

в а с и л и й

Что я мог тогда по-подумать? Что мне к-крышу со-сорвало?» (Васе от этого разговора было явно не по себе, и чем дальше развивалось повествование, чем больше он увлекался сказанным и тем сильнее волновался. Но тут и мне стало как-то не по себе.)

Но я умею слушать. Еще в детстве такой талант во мне открылся, поэтому приходилось выслушивать разное. А поделится человек своими бедами и легче ему на душе становится. Народная психотерапия в действии. К тому же Василий был не просто знакомый. Наверное, поэтому я никак не мог поставить свой диагноз. А если не поминаешь, что с человеком, подобрать нужные слова объяснения совсем не просто. И тогда лучше молчать, чтобы случайной фразой не обидеть. К тому же, молчание – золото. А еще я был заинтригован и хотел дослушать историю с подложным цветком до конца.

Вася посмотрел мне в глаза, и убедился, что я совершенно серьезен. Голос его перестал дрожать, а сам он - заикаться.

«В общем, скажу прямо, мои отношения с Анубисом перешли в другую фазу. Мир, который, как ни крути, все же имеет и много привлекательных черт, постепенно перестал меня волновать вовсе. В сентябре Анубис выпустил еще четыре побега, а на их концах постепенно вздулись тугие бутоны угольного цвета, но распускаться не захотели. Листьев на Анубисе тоже прибавилось, теперь среди них были изумрудные, красные, фиолетовые и желтые. Грязно-красный стебель стал

напоминать ствол карликового баобаба, а розовый цветок, покоровивший меня своим неожиданным появлением, стал еще больше, и даже не думал засыхать. Пахнуть он тоже не собирался.

Понимаешь, я был словно зачарован этой странной историей и страшно необычной красотой растения. Цветок, от которого трудно было оторвать глаза днем, беспокоил меня и ночью. Каждый раз повторялось одно и то же. Лишь только я закрывал глаза, мне чудилось, что ко мне тянутся сквозь темноту черные стебли, а я лежал в странном оцепенении и не мог пошевелить даже пальцем. В немом ужасе я чувствовал, как стебли хватают меня за горло и начинают душить. И тут я просыпался, вскакивал с постели, бежал на кухню, включал свет... и успокаивался.

И все же, скажу тебе как на духу, я понимал, вернее, чувствовал, что мое сознание оказалось полностью захвачено этим существом. Несколько раз я собирался выкинуть этот чертов цветок, но, подходя к окну, останавливался, замороженным видом растения и не находил в себе силы не то что убить его, а даже чем-то нечаянно ему навредить или обидеть неосторожным словом. И как только я оказывался рядом, Анубис начинал шевелить листочками, на которых сразу вспыхивали флюоресцентные слова. Какие? Да что-то вроде этого:

п р и в е т в а с и л и й

к а к д е л а в а с и л и й

ч у д е с н а я п о г о д а в а с и л и й

Ну, подумай, как я мог выкинуть это чудо?

Бывало, кошмарные сны на некоторое время прекращались, но потом неизбежно, как по команде, наваждение возвращалось на круги своя. А после довольно длинного перерыва пошли такие сны, что просто фантастика и фильм ужасов в одном флаконе. Вот тебе один, недавний.

Короче, сплю я и вижу, будто мой Анубис вылезает из горшка, подбирается к компьютеру и качает прямо в себя информацию из Интернета. Понимаешь, свет от дисплея в лицо мне светит, и

от него я и проснулся. Вскрываю с постели, бегу почему-то на кухню, включаю свет – нет Анубиса в горшке! Тут у меня просто сердце в пятки уходит. Так страшно стало, что от ужаса проснулся. Ну, думаю, надо же. Из одного сна в другой перескочил.

Лежу в постели, в себя прихожу, засыпаю и тут сквозь сон слышу, словно гудит что-то, ну, понимаешь, будто компьютер работает. Медленно открываю глаза - ноутбук открыт, а в свете монитора ходит по клавишам клавиатуры, не поверишь, Анубис! Я осторожно, чтобы не вспугнуть эту тварь, встаю, хватаю увесистый том «Жизни растений» и медленно к нему подкрадываюсь. Так, на цыпочках, подбираюсь к столу, вкладываю в удар всю силу, какая имелаась в руках, и просыпаюсь от резкой боли, а может, и от собственного крика из-за этой боли. Ушибленная рука в кулак сжата, а из содранных костяшек пальцев кровь на простыню капает. В общем, картинка та еще. Иван Грозный убивает своего виртуального сына.

С той ночи я и понял, что не могу больше держать все это внутри и мне обязательно нужно с кем-то поговорить. Так, размышляя о дикой своей ситуации, я отправился на кухню и включил свет... Цветка на месте не было! Рядом с горшком лежали комья земли, а следы грязных «ног» вели в комнату и обрывались у стола.

Я стал просматривать журнал посещенных страниц, чтобы понять, где же он в сети пасся. Анубиса интересовала физиология человека и животных, растительность и климат Земли, химический состав атмосферы и почвы. Какая-то жуткая, ну, ты сам понимаешь, мысль начала крутиться в моей голове, но так и не смогла тогда оформиться в нужные слова.

Я походил некоторое время по комнате, чтобы успокоиться и составить план действий. Из квартиры он не удерет, это раз, сейчас я приду в себя, это два, достану трубку от пылесоса и начну охоту за этой гадиной, это три. Уж не знаю, как она там называется, и откуда взялась.

Крадучись, я добрался до кухни, подскочил к окну и резко отдернул штору. Мой цветок мирно стоял в горшке, словно никогда его и не покидал. Казалось, он был счастлив, увидев меня, своего хозяина и, наверное, так мне показалось, улыбался. Анубис повернул ко мне головку цветка, его листья принялись менять цвет, переливаясь от темно-синего до

лимонного. Потом, по уже устоявшейся у нас с ним традиции, он выставил вперед плоскость ближайшего листка, и я прочел:

п р и в е т в а с и л и й

а потом:

к а к я р а д т е б я в и д е т ь в а с и л и й

Господи, как же я мог подумать такое о моем Анубисе? Этом нежном, заботливом и беззащитном создании? Моем единственном друге на всей земле. - Вот какие мысли, похожие на угрызания совести, пришло мне тогда в голову. А потом я спросил: «Анубис, скажи честно, ты меня хоть немного любишь?»

По выдвинутому ко мне листочку прошла рябь и вскоре сменилась какой-то надписью, но такой мелкой и неразборчивой, что мне пришлось наклониться к растению вплотную. Тут-то я и задел щекой за черный бутон, и ты знаешь, он лопнул, а из него выстрелила мне в щеку маленькая такая иголочка, как будто на пружинке. Ну, так еще крапива жалит. От неожиданности я отпрянул, схватился за горящую щеку и... проснулся.

А знаешь, - вдруг и без всякого перерыва Василий перешел от частных своей жизни к глобальным обобщениям, - что сейчас происходит в домах одиноких людей? Они редко выходят на улицу, их почти не видят соседи. Многие из них, чтобы скрасить одиночество, заводят домашних животных, рыбок там всяких или цветы. Их, небось, этих чертовых анубисов по всему миру, уже наверное миллионы. Я так думаю, что эти твари могут прикинуться чем и кем угодно, и прекрасно знают, как найти к нам подход и в чем наше слабое место, и никому невдомек, чем это все для человечества может закончиться».

«Знаешь ли, не знаешь ли... Я одно знаю, тебе нужно обстановку сменить, нервы подлечить. У тебя когда отпуск?»

«Да п-п-при чем тут отпуск! – снова разволновался Василий. – Ты что ничего не по-понял?! Ты что, мне не веришь?» – обиженный Василий вскочил так резко, что чай из чашки

оказался в блюдце, а ложечка жалобно звякнула в тон Васиной исповеди, словно подводя ее итог.

«Почему, не верю, верю. Просто мне настроение твое не нравится».

Но Вася не слышал моих слов, потому что уже одевался в прихожей. Вскоре до меня долетел стук захлопнувшейся двери, а я так и остался на месте, думая, что именно сделал неправильно, и как нужно было повернуть разговор, чтобы не доводить его до такого печального финала. Одним словом, переоценил я себя - инженер человеческих душ из меня получился хреновый. А если уж мне что и следовало сделать, так это пойти с Василием к нему домой, и там, на месте, выяснить, от чего он с ума сходит, что за тварь растет у него в горшке, а уж потом советы бесплатные раздавать и жизни учить. А я за полгода так ни разу ему и не позвонил. Зато сегодня утром позвонили мне...

Сначала соседи по площадке обеспокоились тем, что давно не видели Василия. На телефонные звонки он не отвечал, дверь не открывал, да и тихо как-то было в те недели в его квартире. Потом с работы к нему приходили, хотели узнать, что стряслось, и опять же у соседей наводили справки. Вот после этого полицию и вызвали.

Тело Василия нашли на кухне. В общем, говорят, это и не тело даже было, а мумия прямо какая-то, кожа да кости. Он сидел на стуле у окна перед пустым цветочным горшком и словно заглядывал в него. На левой его щеке совершенно побелевшей, обнаружили четыре странного вида и синюшного цвета точки, словно от ядовитой иголки. Так вроде выходило, что эта тварь парализовала Василия, пока он ею любовался - впрыснуло в него какое-то консервирующее вещество наподобие тех, что вводит в свою жертву пауки, и кормилось Василием всю зиму.

* *

Я был взволнован, растерян и чувствовал себя виноватым. Но делать нечего, назад-то ничего не воротишь. Чем больше я об этом жутком случае думал, тем сильнее расстраивался и ругал себя нехорошими словами. Какие уж тут фантастические рассказы... Совершенно автоматически у меня в руках оказалась книга в потрепанной обложке. Может, тут чего-нибудь

можно нарыть? «Майн Рид. «Охотники за растениями» - прочел я на титульном листе и перевернул страницу. – «Охотник за растениями! Что это такое? Нам приходилось слышать об охотниках на лисиц, об охотниках на оленей, об охотниках на медведей и буйволов, об охотниках на львов, но об охотниках за растениями - никогда...».

Нет, это не то...

«Мой охотник за растениями не имеет ничего общего с тем, кто выкапывает грибы. Его занятие куда благороднее, и его цель не только в том, чтобы потакать капризам лакомки. Ему должен быть благодарен весь цивилизованный мир, в том числе и ты. Да, он подарил тебе немало радостей. Пестрота и яркость твоих садов - дело его рук. пышная далия, колыхающаяся над клумбой; сверкающий яркими красками пион; прелестная камелия...»

Чушь какая-то... Нет, не могу я сейчас читать эту ерундику. Не мы охотимся, а на нас охоту объявили. Хватит торчать дома, пойду-ка лучше проветрюсь. Все равно мозги как деревянные.

А на улице хозяйничала самая настоящая весна. Деревья покрылись яркими зелеными листочками, а на газонах желтели одуванчики. Природа наслаждалась неожиданно пришедшим с Атлантики теплом: люди улыбались яркому солнцу и теплу, а воробьи чирикали от удовольствия. Я шел по дорожке, смотря себе под ноги, но пребывая в мыслях где-то посередине между «Охотниками за растениями» и «растениями-охотниками».

Мне вдруг вспомнился давнишний документальный фильм, весь построенный на контрастах, когда сначала съемка издали показывала зрителю красоты растительного парадиза, все эти зеленые луга и цветущие травы, а ближняя – процесс непрерывного умерщвления и поедания одних членистоногих тварей другими, живущими внутри этого сказочно красивого зеленого мира. И еще почему-то пришло на ум высказывание какого-то путешественника, который сначала назвал тропический лес раем на земле, а потом, убегая из него в сторону ближайшей цивилизации, – сущим адом.

Незаметно для себя я вышел на большую улицу и оказался у витрины цветочного магазина. Обычно я прохожу мимо таких заведений, потому что интересуюсь букетами только тогда, когда надо идти в гости, но сейчас почему-то остановился,

установившись на цветы, выставленные к стеклу для привлечения покупателей и поближе к свету.

«А чего бы ни завести дома какой-нибудь цветочек? – подумал я. – Есть он не просит, выгуливать его не надо. Стану цветок поливать, а он за это будет расти и зеленеть мне на радость. Или вдруг расцветет как-нибудь. Невольно я стал разглядывать растения, прильнувшие к стеклу витрины, словно беспризорные дети.

«Вот это вроде как папоротник. А на этикетке написано что-то непонятное. А это похоже что фикус, а это, конечно же, кактус, кактусы любой дурак знает, а это... Вот те на! На верхнем стеллаже справа я обнаружил прямо-таки писаного красавца: красноватый мясистый на вид стебель и синеватые, похожие на осколки разбитого стекла, листья, обрамляющие ценник. Хм. И стоит совсем недорого. Я постучал ногтем по стеклу, и мне показалось, что растение повернуло голову и посмотрело на меня холодным и оценивающим взглядом.

Человек-неслышимка

Если один день похож на другой, неважно, в какую сторону жить. Если одна ночь похожа на другую, неважно, в какую сторону умирать. «Жизнь – дерьмо», - говорят одни, не сообщая, впрочем, ничего о ней нового. «Жизнь прекрасна», - повторяют другие словно заклинание для того, чтобы не сойти с ума в этом потоке красоты и боли, переходящей в соблазн одиночества. «Смерть – универсальное средство от всех болезней», - утверждают те, кто собирается жить долго и счастливо.

Новую жизнь нужно начинать с белого листа, осень – с желтого. И когда каждая из приведенных фраз сказана, а осень настала, какая-то неведомая и неодолимая сила толкает вас в самые непредсказуемые вихри этих пока что безликих дней и ночей. И ваше присутствие в заведенной от века смене дня и ночи превращает обычное в незаурядное, незаурядное – в удивительное, и любое неопознанное ничто – в единственное и неповторимое нечто. Вы пускаете жизнь на самотек, и, как только позволяете ей обрести самостоятельность, она падает как водопад, прихватив с собой на всякий случай и вас.

И закружат над вашей головой месяцы, и запоют хором недели и дни, и завершит прищемившей хвост кошкой последний по счету несостоявшийся конец света. И в этом немыслимом хоре, под это разноязыкое пение вы поспешите вперед, не оглядываясь, полностью вверив судьбу в руки божественного провидения, уже не завидуя другим и не сожалея о себе.

И в этом хороводе жизни мы слышим, выслушиваем, прослушиваем и переслушиваем массу всего полезного, пустого, интересного, ненужного, важного и такого, чего лучше бы никогда и не слышать. Все мы - лишь потребитель слов и звуков, которые доносит до нас смена дней и сезонов. Однако имеются люди, которые, не полагаясь на собственные уши, пошли дальше. Об одном из них эта грустная история.

* *

Во все века ученые-одиночки жертвовали собой во имя науки. Попутно следуя собственному тщеславию и желанию что-то кому-то доказать, они пускались в самые опасные эксперименты. Кажется, не найти такой силы, которая заставила бы оных отказаться от опасных опытов, превращающих их самих в подопытных кроликов. Да и как иначе, если не на себе, ведь у подобных энтузиастов никогда не бывает денег, их никто не финансирует, им не на что купить белых мышей и дорогостоящие реактивы.

Задолго до изобретателя телефона Беллом ученый-одиночка Велл передал себя по проводам и исчез навсегда, потому что передачу эту некому было принять. Задолго до микробиолога Пастера ученый-энтузиаст Бастер подверг себе пастеризации, вернее, бастеризации и погиб во имя прогресса человечества и благодаря собственной глупости. В этом же ряду стоит и жизненный подвиг человека-неслышимки по имени Антон Яблоко.

Не знаю, стоит ли мне описывать его внешность и подробности судьбы? Не попаду ли я в при этом в ситуацию с описанием человека-невидимки, забредшего в общественные бани? Нужно ли мне говорить о чертах характера моего героя? Не окажусь ли я тогда скучным буквоедом, переливающим из пустого в порожнее, дабы увеличить количество слов в тесте и, соответственно, свой гонорар?

Короче, Антон Яблоко был таков, каким бывают наши соседи, знакомые и первый попавшийся встречный, ибо природа, наделяя человека разнообразными внутренними качествами вначале, потом испытывает острый дефицит в награждении его какими-либо отличительными и выдающимися внешними признаками. Потому-то красавцы-мужчины и красавицы-женщины глупы как пробки, а невзрачный гражданин с неприметной внешностью, о которого только что ноги вытирать, – великий живописец или физик-ядерщик, бомба которого убила сразу двести тысяч человек, включая неотразимых красавцев и красавиц.

Итак, сей молодой гений, гонимый жаждой открытий, недоеданием и желанием прославиться, изобрел препарат, пероральное применение которого, делало человека абсолютно неслышимым. После недолгих колебаний, ушедших, как у многих людей подобного склада, на бессмысленные раздумья о том, как ему поступить, Антон испробовал на себе это, выражаясь словами поэта, немое зелье. Что бы потом ни говорили, и что бы он потом ни говорил, никто его больше не слышал, не слушал, не хотел слышать и не желал этого делать в будущем. Разумеется, никакого противоядия от своего препарата Антон не выдумал. Вот почему последствия опыта застигли экспериментатора врасплох, да так, что он не успел уразуметь всю дикость им содеянного, а осознавал ее каждый день, дозировано и по частям, как традиционный утренний кофе с булочкой.

* *

Как жаль, что рассказывать об Антоне Яблоко приходится мне, а не кому-то, кто поумнее, так как все нижеследующее, относится к метафизике духа. А означенная метафизика обычно прячется за интерьеры незамысловатой обыденности или следует хитроумной мимикрии, когда великое кажется ничтожным, идеальное выглядит материальным, а всеисильный и вездесущий Бог превращается в легкомысленную бабочку, перелетающую с цветка на цветок, как чистая эманация вневременного смысла.

«Сейчас ты узнаешь, - шепчет парень, - что такое метафизика», - стаскивая с девицы трусы, и она проникается к нему непонятным для одетого человека чувством. «Я покажу

тебе метафизику! – кричит взбешенный пациент, обращаясь к отражению психиатра в зеркале, и психиатр понимает, какой именно укол нужно всадить тому в задницу, чтобы «метафизика укола» пошла больному на пользу.

Давно я хотел написать об Антоне Яблоко и метафизике, но никак не мог собраться: то дела мешали, то развлечения. А как собрался, тут-то до меня и дошло: не понимаю я, что такое метафизика, хотя слово, несомненно, красивое. А Антон без метафизики, словно еретик без костра, вроде и существует, но никому неведом. В божественном реестре душ он как будто числится, но вроде бы и не значится.

Когда мне на глаза попался трактат «Метафизика плотской любви», я в муках осилил его до пятой страницы, а когда наткнулся на «Преодоление метафизики», то честно прочел ее до половины, и снова ничего не понял, хотя мое желание понять хоть что-то стало от этого еще больше. Эх, если бы философы умели писать на человеческом языке, то, возможно, мы бы узнали, зачем нам нужна метафизика, философия и они сами! Но, увы.

С метафизикой у меня сложились точно такие отношения, как с электричеством. Пока вашему покорному слуге в десятый раз объясняют, почему электроны движутся от «плюса» к «минусу», вернее, от «минуса» к «плюсу» (или все же от «плюса»?), он согласно кивает головой, потому что все прекрасно понимает. Но уже через минуту повторить и объяснить, почему, зачем и куда эти проклятые электроны движутся, не в состоянии. Еще больше я не понимаю, отчего мне с таким упорством хочется это понять, ведь починить розетку я могу и без этого знания?

Такая же беда каждый раз случается у меня и с метафизикой. Когда я читаю в словаре, что сие такое, мне все предельно ясно. Если мы видим человека, который ест бутерброд, то это диалектика. А когда мы размышляем по отдельности и без всякой связи друг с другом, о человеке, бутерброде и процессе его поедания – это метафизика. Но уже через пять минут, про «метафизику» я ничего сказать не могу. Разное говорят о метафизике. Одни утверждают, что тут каким-то боком замешал Аристотель. Врут, наверное. Другие считают, будто метафизика есть природная склонность личности оставаться самой собой. С этим я категорически не согласен. Но если это так, я за метафизику обеими руками! И мой рассказ о нелепых людях,

пожелавших, вопреки и несмотря, остаться самими собой, и странностях их судьбы продолжается.

* *

Хотя после приема препарата голос Антона Яблоко никак не изменился, и его песни под гитару можно было записать при помощи стандартных технических средств, однако при воспроизведении зонгов, молодого ученого никто не слушал и не слышал, хоть скрути ручку громкости так, что она отвалится. К слову сказать, этот странный феномен так и не был разгадан.

Мысли, которые в обилие роились в голове Антона, оставались не услышанными и потому непонятыми, идеи – не принятыми к сведению, проекты - не востребованными, смелые догадки – ненужными, а пророческие предсказания - лишними. Надо ли говорить, что тут была натуральная трагедия в духе Шекспира, ведь Антон Яблоко жаждал, чтобы его слушали, а получал обратное! О нем молчали, а обо всех его полетах ума - умалчивали. «Быть или не быть? – спрашивал он себя скорбно и откладывал самоубийство до лучших времен.

Со времени приема лекарства минул год, а изобретением Антона Яблоко заинтересовался только один, не будем называть его имени, диктатор. Вместо того, что сгноить оппозицию в тюрьмах и развешать неугодных на столбах, он купил пару ящиков препарата и скормил таблетки своим более разговорчивым и убедительным в речах политическим оппонентам. А потом провел в стране первые демократические выборы и победил онемевших конкурентов с огромным отрывом голосов.

Антон перестала слышать и слушаться жена, после чего собрала вещи, хлопнула дверь и ушла к маме. Его не слышали друзья, думающие, что Антону уже ничего не поможет, кроме развязывающей язык выпивки. Но Антон Яблоко был противником спиртного и вел здоровый образ жизни, поэтому от друзей ушел сам. Его не слышало начальство, и, поставив на Антоне жирный крест, уволила молодого гения с работы. Антона Яблоко не слышали дети и пенсионеры, домохозяйки и водители трамваев, домашние животные и дикие звери. Даже инопланетяне, повстречавшие нашего героя в парке, где он каждое утро бегал трусцой, ничего из слов Антона не поняли. Поэтому они отказались признать в

нем разумное существо, а на предложение нашего героя взять с собой на корабль, ну, хотя бы для опытов, подняли Яблоко на смех.

Многие месяцы изобретатель трудился над созданием противоядия, дабы справиться с напастью и вернуть себе первоначальный звуковой ряд. Но его попытки оказались тщетными. Тогда от безысходности он начал посещать церкви, но служители Бога не могли понять, что же ему от них нужно. Затем Антон стал ходить по врачебным кабинетам, где показывал язык и позволял щупать себя за горло. Разумеется, никаких видимых дефектов доктора не обнаруживали, да и не могли найти. И писали в больничной карте: «хотя причин для немоты у пациента нет, он остается нем», а один медик даже приписал: «как рыба».

Наконец, терапевты отправили Антона к психологу, тот – к неврологу. Невролог обстучал страдальца резиновым молотком сверху до низу, и, ничего не найдя по своей части, отрядил изобретателя на комплексное обследование. В больнице Антона окружили вниманием и заботой. Врачи кормили его разнообразными таблетками, медсестры влюблялись в Яблоко без памяти, а студенты-медики ходили смотреть на него, как в музей на мумию фараона.

Одни из эскулапов считали феномен Антона Яблоко следствием неполного чревовещания, но бедолага не исторгал ни звука, поэтому эта гипотеза была отмечена, как вредная и лишенная реального наполнения. Другие предположили, что Антон все же говорит, но способ общения у него мертвый, какими бывают мертвые языки, вроде латыни или санскрита. Но специалисты по мертвым языкам тоже ничего не слышали. Третьи были уверены, что в аномальном поведении человека-неслышимки имеет место явление глоссалалии – говорении на иных языках. Но очень тихом говорении, оговаривались они.

Эти специалисты козыряли пространной цитатой из «Деяния апостолов»: «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать... ..И изумлялись все и, недоумевая,

говорили друг другу: что это значит? А иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина».

Наконец, принявшись, и не уловив запаха спиртного, специалисты поняли бесперспективность своих усилий для написания диссертации или хотя бы статьи в журнал «Вестник эскулапа» и отпустили Антона с миром на все четыре стороны. В след же ему прозвучали слова главного по этой части светила: «Слюшай, што гаварит этат чилавек? Нишего нислишу. Нишего нипанимаю и нимагу панят». Слова эти оказались пророческими.

Страшная, мистическая и необъяснимая беда заткнула рот молодого ученого немим ужасом, она налетела на него, как «Титаник» на ни в чем не повинный айсберг, и переехала его жизнь, как дорожный каток переезжает эскимо на палочке. Это было все равно, что оказаться на месте лишившегося зрения Рембранта, полностью оглохшего Бетховена или писателя Кафки, которого при жизни так никто и не прочел. Не услышанный, неслышимый и неслышный Антон коротал свои дни в больнице в качестве глухонемого пациента, пока его не отпустили, как безнадежно больного, домой.

Уже по месту жительства человек-неслышимка, как в шутку величал его медперсонал, написал письмо в Академию наук, чтобы та объяснила ему положение текущих дел и дала какой-нибудь дельный, но бесплатный совет, потому что денег у несчастного не хватало даже на булавки, которыми он делал себе, втихаря от медиков, иглоукалывание языка. Однако Академия в связи с загруженностью письмо Яблоко получила, но не прочла.

Хотя взад-вперед по комнате, Антон лихорадочно думал о том, что же ему предпринять, чтобы вернуться к первоначальной жизни. Несмотря ни на что он верил, будто услышанность и выслушанность гарантируется ему Конституцией, что он такой же человек, как и все, и имеет право на свободу речи. Да, теперь он воспринимал слова не просто как отдельные, мало что значащие звуки, но базовую составляющую личного счастья. «Пройдет время, - думал Антон, и в результате метаболизма «Неслышим» (так он назвал свой препарат) выйдет из тела, и люди снова начнут меня слышать и понимать. Как же он заблуждался!

Единственная таблетка, которую Яблоко так легкомысленно принял, изменило его восприятие реальности, а заодно создало вокруг него некое поле, попав в которое, окружающие ничего не могли понять из его слов. Мало того, в них мгновенно возникало неодолимое желание отделаться от этого странного типа. Так, вокруг чувств, мыслей и телесной оболочки Антона образовалась непроницаемая для других мембрана с односторонней проводимостью. Ничего наружу и сколько угодно и чего угодно внутрь.

Что тут скажешь? Много раз называя свое имя, он так и пребывал в безымянности и совершенно без намека на фамилию. «Я есмь», говорил Антон, – стоя перед зеркалом. Но зеркало молчало. «Вот он я! – кричал ученый, высунувшись в форточку. И что же? Никто даже не останавливался, чтобы поднять глаза на уровень третьего этажа, где погибал в неизвестности неизвестный гений человечества. В конце концов, Антон перестал слышать даже самого себя, и сделался в глазах других фигурой умолчания, одержимой Дьяволом замалчивания.

* *

На этом скорбном месте мне бы хотелось сделать небольшое отступление. Даже не отступление, просто я вспомнил еще одну историю еще одного человека. Если не расскажу сейчас, никто никогда об этом не узнает, а случай сей также весьма поучителен. Дело в том, что обе истории можно вплести друг в друга, как косу сидящей перед зеркалом девицы, имя которой Судьба. Вот Судьба перестает любоваться на свое отражение и распускает золотистые локоны. Она берет со стола изящный черепаховый гребень и снова пускает сверкающие пряди волнами. И все это лишь для того, что опять связать их в тугой узел неумолимого рока, скручивая людей в бараний рог.

Как часто безрассудные опыты ученых толкают мир на край гибели. И если нет, то на грани смерти оказываются сами экспериментаторы. Не в этом ли заключается ирония судьбы? Не в том ли ряду стоит изобретение ядерного оружия, средств для похудения или лекарства под трогательным названием «Неспешин».

Молодой ученый Богдан Куколка всегда с опаской взирал на бешеный и все ускоряющийся темп жизни, превращающий

людей в бездушные автоматы. Поэтому-то он изобрел эликсир, позволяющий пациенту безболезненно снизить ритм жизни до безопасного для умственного здоровья уровня. Революционное средство, предназначенное для офисных работников и менеджеров младшего и среднего звена, по его расчетам, всего лишь за двухнедельный курс возвращала пациентам человеческий облик. И это без всяких побочных эффектов, включающих неизбежные в данном случае раздвоение личности и энурез.

Пять лет Богдан Куколка обивал пороги Министерства Таблеток и Болезней, пытаясь добиться для своего детища независимой экспертизы. В случае положительных результатов он надеялся внедрить «Неспешин» хотя бы в качестве безвредной пищевой добавки. Безрезультатное хождение по кабинетам угробило здоровье Куколки, и он, отчаявшись, принял сразу целую горсть «Неспешина» и впал, говоря языком медицинских работников, в пожизненную каталепсию в стадии ступора, а по-нашему, по-человечески, - в полную неподвижность. Хорошо, что сердобольным друзьям удалось устроить его в один из музеев современного искусства в качестве живой скульптуры, иначе судьба ученого оказалась бы непредсказуемой. Но вернемся к Антону Яблоко.

* *

«Люди! – кричал он людям, - поговорите со мной! Дайте мне сказать вам хоть слово!» Но те не обращали на просителя никакого внимания. Возможно, Антон родился великим оратором, одаренным музыкантом, самобытным певцом или гениальным актером. Мы никогда этого не узнаем, потому что ничего от него и о нем не услышим. Вероятно, многие его видели, но что с того? Я вот вчера видел, как вставало Солнце, но мне и в голову не пришло поделиться своими впечатлениями с окружающими.

Антон Яблоко не мог стать певцом, оратором, лектором, потому что был безгласным. И тогда он ушел в художники - начал писать картину за картиной, столько в нем накопилось невысказанных слов, невыплаканных слез и безутешной боли. Но и тут судьба посмеялась над ним. Дело в том, что картины Антона хотя и видели, но не понимали. «Что хотел сказать автор?» - вопрошали критики. «Что это за мазня? – удивлялись

зрители, и те и другие отворачивались от его полотен и шли дальше. Живописец крепился сколько мог, а потом, больше от отчаяния, стал писать книги, и, как вы уже догадались, с тем же результатом. Первая книга принесла Антону Яблоко неизвестность, вторая – скандальную неизвестность.

Наконец, полностью разуверившись в себе и похоронив надежду быть понятым и услышанным, он нашел себе настоящих, хотя и молчаливых собеседников. К тому времени официальная наука сочла его неопасным для общества и неизлечимым в принципе. Антон в отместку тоже наплевал на науку и общество. Он полюбил пешие прогулки и размышления о своей горькой участи. Как-то раз ему попались на пути абсолютно здоровые, но свихнувшиеся на биоэнергетике люди. Они обнимали деревья и, как говорят, заряжались от них положительной энергией. Опускаться до такого пещерного уровня Антон Яблоко категорически не желал. Однако эти недоумки подсказали ему, что ему делать и как быть дальше.

На следующий день человек-неслышимка отправился в цветочный магазин и стал разводить у себя дома зеленых друзей человека. И как мужчина предпочтение отдавал кустарникам, ведь цветы, он знал это с детства, – они для девчонок. Часами Антон рассказывал безмолвной флоре о своей жизни, несбывшихся планах и загубленных надеждах, и, что удивительно, растения внимательно его слушали, изредка покачивая ветвями в знак согласия или сочувствия.

Никто не слышал о том, что Антон Яблоко умер, хотя никто и не слышал о том, что он жив, поэтому сказать что-либо о его существовании мне трудно. Мы можем лишь случайно встретить этого типа на улице, и на его отчаянную мольбу: «Люди! Милые! Дорогие! Пожалуйста, выслушайте меня!», - отвернуться и пройти мимо.

Новая Каледония

Желтая сфера почти загораживала видневшийся справа мыс и зеленую бухту и казалась такой яркой, что песок пляжа выглядел на ее фоне каким-то серым, даже, пожалуй что, грязным. Минуту спустя до Максима Светелкина дошло, что желтая гора – обычный мячик, какими играют дети, и что он

уснул на пляже под полуденным солнцем, практически уткнувшись в мяч носом. Желтый цвет, пробуждающий в людях радостное ощущение легкости, всегда имел для Максима особенный смысл.

Однажды в далеком детстве ему приснился сон. Будто бы шел он по аллее парка и заметил на земле монетку. Он остановился, удивленный ее странным сиянием, и поднял. Денежка и в правду выглядела необычной: на одной ее стороне изображение стерлось от времени, а на другой - застыла в прыжке пара дельфинов. Хотя древнегреческое происхождение денежки казалось очевидным, она блестела как новенькая, и расстаться с такой находкой было никак нельзя.

Затаив дыхание, Максим стал рассматривать дельфинов, и тут, прямо на глазах, изображение начало оживать, и тогда он быстро сжал монету в кулаке, чтобы дельфины из нее не выпрыгнули. И только Максим так сделал, как начал просыпаться. Как это бывает в момент пробуждения, некоторое время спустя Светелкин все еще стоял на дорожке парка, но уже лежал в постели, не забывая крепко держать находку в руке: ведь он ясно чувствовал – в руке что-то было. Пораженный тем, что денежка чудесным образом перенеслась из сна в реальность, он еще пару минут не решался раскрыть ладонь, потом медленно, палец за пальцем, сделал это...

Спустя годы удивительный сон повторился. Максим даже вспомнил тот парк из своего детства, а как только вспомнил, сразу свернул на знакомую аллею и буквально на том же месте обнаружил желтеющий на сером асфальте кружок. Как и раньше дельфины грациозно летели над волнами, и в этом их безмятежном полете, как он потом где-то вычитал, заключался древний знак расположения судьбы. На этот раз он уже не очень-то надеялся на чудо - деловито спрятал монетку во внутренний карман куртки и на всякий случай застегнул одежду на молнию.

Когда Макс проснулся, он не стал расстраиваться как когда-то в детстве, а напротив, - обрадовался и, в общем-то даже вдохновился. На то имелась особая причина, потому что именно в это утро ему в голову пришла одна сумасшедшая мысль. «Как бы это научиться переносить объекты из потустороннего мира сна в наш реальный? – задался он вопросом. - Перемещать из одной реальности в другую неодушевленные предметы, а может

- что тут такого? - даже людей? Вот бы было здорово! Сидишь себе и выкачиваешь из зазеркалья разные полезные и приятные вещи, а от прочей ерунды и всяких гадостей избавляешься аналогичным образом, но только вкачиванием».

Вот только что за хреновина могла совершать такие операции, он не знал и для простоты назвал ее магическим торрентом. Этой штуковиной он бы пользовался для своих нужд, или выполнял бы дорогостоящие заказы, или продавал бы трафик в небытие за приличные деньги. Начал бы свой бизнес, заработал бы миллион. Вот в какие фантастические дали унесла его в то утро мечта.

Принцип работы устройства был понятен, более туманным выглядело воплощение идеи в материале, но Максим чувствовал, даже не чувствовал, а просто верил, что судьба не зря подбросила ему эту мысль и вслед за ней предложит и какое-то приемлемое решение. А сейчас, и прежде всего, ему хотелось придумать своему ноу-хау правильное название. Ведь как прогу назовешь, так ее и юзать будешь.

Е-Дао, которая пришла ему в голову сразу, как раз ложилась в самое яблочко, но была Светелкиным отвергнута по причине ее литературной двусмысленности. Поломав голову с пару часиков, он вывел на листке бумаги столбец разного креатива типа е-кармы и е-Шивы, но, перечитав список, остался им недоволен.

«Какие были проводники в царство смерти? - задумался Макс. - Может, с этой стороны к проблеме подойти? Харон, Осирис, Яма, Аид, Анубис, кто там еще у них был?» К концу дня он уже дошел до «желтого источника», «залы двух правд» и ознакомился со «злыми демонами утку», после чего решил поставить в этом вопросе окончательную точку. «Ясон! Вот что мне нужно! – обрадовался Максим. - Во-первых, предводитель аргонатов, то есть супер-герой; во-вторых, отправился в путешествие по всемирной древнегреческой сети и добыл оттуда золотое руно, в-третьих, скачал его не без помощи злокозненной программы – злой волшебницы Медеи. В-четвертых, и в главных, слово «я-сон», было гибридом между Ясоном и сном. А что еще нужно, скажите мне, для правильного названия?»

И тут Светелкин неожиданно осознал, что Ясон-то – древний грек, и сразу переполнился неким мистическим ощущением,

которое познал еще в детстве. Не та ли монета из сна вела его сейчас по жизни? И он поклялся ни о монете, ни о своем проекте до поры до времени никому не рассказывать.

* *

Максим поднял голову и огляделся. Судя по расположению светила, день был в самом разгаре. пляж равномерно устилали загорелые тела отдыхающих, мимо которых деловито прогуливались ко всему привычные чайки. Над миром величественно плыли толстобрюхие облака, впереди, образуя полосу прибоя, накатывались на берег неслышные отсюда волны, а рядом с линией горизонта маячил еще одной устроившейся на воде птицей белый пароход. Сновидение, если, конечно, это было сновидение, выглядело достаточно интересным. Собственно, а чем еще это благолепие кроме сна могло быть? И это место, которое Макс сразу понравилось, выглядело как экзотический остров в океане. Это мог быть любой остров с любым экзотическим названием, ну, хотя бы Новой Каледонией.

О Каледонии Светелкин ничего толком не знал, однако она пришла ему на ум отнюдь не случайно. Его интересовал в последнее время один его старинный приятель. Он периодически названивал Максиму, дабы поделиться с ним своими эзотерическими открытиями, и радовался самому себе и собственным находкам, как малое дитя. Тут, дабы читатель понял, о ком, собственно, идет речь, поясним, что приятель тот был художником, а у художников, как вы знаете, свой взгляд на мир, его окрестности, силуэты, перспективы, абрисы и прочие вещи. В этих эмпириях Светелкин разбирался плохо.

Обходя город с ежедневным досмотром, художник не просто шел за хлебом или дышал свежим воздухом, а читал знаки на пути, которые во множестве предлагала ему, пролегающая мимо его привычных маршрутов «отдельная реальность». Скорее всего, так казалось Максиму, его знакомого вдохновил способ гадания на «Книге перемен» под названием «Подушка Яо». Подушка эта доводила ворожбу до абсурда, ибо все замеченное вокруг гадатель представлял в виде прерывистых и сплошных линий гексаграмм, превращая вполне понятное окружающее в геометрические джунгли.

Как отполированная поверхность малахита, добытого с места исторического сражения, демонстрировала любому человеку с воображением самые захватывающие эпизоды той баталии и даже являла героические профили участников боев, так и вся Вселенная целиком, от гигантского до крохотного своего элемента, переполнялась для живописца разнообразными знаками, символами и образами. Был бы, как говорится, наблюдатель, а на что глазеть, всегда найдется.

И вот в голове у художника что-то окончательно замкнулось не там, где надо, и не тогда, когда требовалось. И теперь альбомы с репродукциями указывали. Географические карты говорили. Люди оговаривались. Природа сигнализировала. Космос кричал. Отныне рекламные щиты, надписи на заборах, случайные абзацы на страницах книг и особенно их содержание, сообщали ему бездну информации о ближайшем и далеком будущем, как дающее пищу для размышлений ресторанное меню.

Живописец божился, что из очертания лесного массива усадьбы Лермонтовых четко проглядывает профиль мятежного поэта, а береговая линия Антарктиды несла в себе черты лиц ее первооткрывателей: с одной стороны Беллинсгаузена, а с другой – Лазарева. Стоило только повертеть в руках репродукцию картины, изображающую ангела, как, по его словам, на ней проступали силуэты чертей. Стоило лишь взглянуть на поверхность Луны в телескоп, как... но об увиденном в телескопе он старался не распространяться. В этом, по его мнению, и заключалась Великая Игра Вселенной с человеком. И переубедить его в том, что не Вселенная предлагает человеку развлечение, а человек играет в придуманный им самим мир, не представлялось никакой возможности.

Как-то зимой, около своей дачи живописец соорудил из подручных материалов нечто похожее на приемную антенну, и был весьма раздосадован, обнаружив, как полюбили этот устремленный в Небеса столб местные собаки, оставлявшие на белоснежном снегу рядом с агрегатом желтые пятна помеченной территории, и как жестоко проигнорировал его изобретение мудрый космический разум.

Художника больше всего интересовала мистика скрытно размещенных по поверхности планеты тайных знаков всяческих

тамплиеров, йети и жрецов Атлантиды. А Новая Каледония – неприметный остров, притулившийся на отшибе Тихого океана - манил его более всего. Остров невозмутимо плыл в безбрежном скопище вод и не поддавался никакому логическому объяснению. На карте Каледония была похожа на огрызок карандаша или червяка перерубленного лопатой пополам, и ее скудный на выгнутости и вогнутости профиль, ставил на воображении живописца жирный крест, что вызывало в его душе противоречивые чувства и смутные подозрения.

Вот приблизительно такая же смутная и загадочная Каледония возникла и перед Светелкиным, вернее это он в ней каким-то образом очутился. Чтобы внести в сей вопрос ясность, Макс решил оставить воспоминания до лучших времен и приступить к действиям.

«Раз я в этом сне сижу на берегу моря, - подумал он, - надо не быть дураком и хотя бы искупаться».

Обходя отдыхающих и перешагивая через пустующие лежаки, он добрался до воды и тут сообразил, что так и не знает, если в этом пляжном сне на нем какая-нибудь одежда и, если есть, то какая. Пляж вроде обыкновенный, без намека на нудизм и, если это сон, то какая разница, но если не сон, тогда что же это? Он быстро взглянул вниз и успокоился: плавки были и были они на месте.

Ветер разгонял жару легкими и приятными порывами, и Максим решил размяться перед заплывом. Понятливые чайки сразу уступили ему место для наклонов и приседаний. Корабль на горизонте еще не успел спрятаться за мыс, а массивное, похожее на заблудившийся айсберг облако только-только освободило место для пышущего светом солнца. Недалеко от берега болтался на воде оранжево-красный буй. В общем, красотища была необыкновенная. Макс вошел в воду и поплыл в направлении оранжевого ориентира. Вода оказалась на ощупь мокрой, а на вкус – соленой. Минут через десять он, подивившись своей необычайной ловкости в плавании, достиг бочки, обхватил ее руками и ногами и... проснулся.

* *

Прямо перед Максом, нагло выставив ярко желтый бок, лежал уже знакомый ему и нам мяч. Округлый горообразный его край по-прежнему загораживал половину видневшегося справа

мыса и почти всю изумрудную от воды бухту. Мяч был желтым. Песок - серым. Нужно было менять сон или просыпаться.

Максим закрыл глаза, чтобы мячик не мешал ему думать, и стал собираться с мыслями. Конечно, он слышал о сновидениях-матрешках, когда просыпаясь от одного сна, сновидец оказывался внутри другого, потом, и весьма редко, внутри третьего сновидения, но обычно незадача ограничивалось сном во сне, и значит, хотя раньше с ним такого не случалось, беспокоиться ему, практически не о чем. «Проснусь еще раз и буду дома», - успокоил он себя.

Эх, любознательная все же тварь человек, и ладно бы мир изучал, Космос там, Марианскую впадину и Джомолунгму! Лезет в самое себя, гены пытается менять, клоны делать и копается без всякой осторожности в собственных мозгах, как в кастрюле с вермишелью. А Бог, который эти мозги нам создал? Бога-то искать в себе совсем перестали. Да и кому нужен сейчас Бог? Ныне многие хотят иметь дело только с Дьяволом. Думают, что можно продать ему задорого собственную душу и оттянуться потом в полный рост. Только вот вопрос: есть ли она, эта самая душа, или это производное от мышления? А если имеется, можно ли продать то, что тебе никогда не принадлежало, но было дадено во временное пользование вместе с фактом рождения?

Что? Вы думаете, Дьявол начнет бегать вокруг вас с заманчивыми предложениями, станет искушать всяческими запретными плодами, подсовывая вам перо и бумагу? Слишком по-человечески наивно сие выглядит. Гете поменьше надо читать. Правильней думать, что Бог и Дьявол – это как свет и тьма, добро и зло, как мокрое и сухое. Вроде и противоположности, но одно другим определяется и по одиночке не бывают, а в нашем случае вообще одно и то же лицо, но с очень переменчивым характером. И выходит, что главная небесная контора заводит себе две подставных фирмы и перепродает друг другу собственность оптом и в розницу. Ни логики, ни прибыли. Один нечеловеческий эгоизм.

В то время как сверстники Светелкина всю жизнь занимались накоплением первоначального капитала, юношу беспокоили совсем другие вещи. Вся его пустозвонная от претензий жизнь, состояла из метаний от одного мистического учения к другому. Безуспешные попытки установить контакт с какими-нибудь

потусторонними силами убедили Макса в том, что этим силам не было до него никакого дела. И чем сильнее полыхало внутри желание соприкоснуться с чем-то запредельным, тем дальше это запредельное от него отодвигалось. Правдами и неправдами он лез к своей цели, а результат был один – никакого результата. Поэтому Максим чувствовал себя обманщиком, которого обманули, или продавцом, которого продали.

К тому же сакральный путь, которому он вроде бы хотел следовать, требовал от него одного, а любопытство склоняло к другому, дух желал духовного, а плоть стремилась к плотскому. Благие намерения и не очень благие желания никак не хотели совмещаться в его бедной голове в единое и органичное целое. Знаки на пути путались как нитки, пути разбегались в разные стороны словно зайцы, а стороны менялись местами, будто заколдованные. Казалось бы, он, своими метаниями давно испортил отношения с Мирозданием, но по здравому разумению выходило, что Мироздание этого даже не почувствовало, продолжая его в упор не замечать.

А тут еще эта идея с мистическим торрентом. Ведь мозги сломать можно, если о таких вещах размышлять. «В начале было слово». А так ли это? В начале была идея, мысль. И человек выразил ее в словах. Так бесплотная идея воплотилась в звуки. Однако слова, неизбежно привязанные к материи, не могли управлять идеей, порождающей и саму материю, и все ее словеса. С помощью слов можно было только называть что-либо, думать о чем-то или общаться. А миром правили и продолжали управлять идеи! Поэтому слова для превращения идеального в материальное, и наоборот, не годились. Связь между оными казалась очевидной, и если в одном месте, как вроде бы говорил Ломоносов, чего-то прибывало, в другом, будьте уверены, на столько же и убывало. Такая обратная зависимость Светелкину не нравилась, и он думал, думал и думал... В общем, голова его гудела, как кольцевая линия метро, мысли наезжали друг на друга, как бандитские бригады, а вопрос стоял в голове столбом и не решался. Даже не понятно было, с какой стороны к нему подступиться, а не то, чтобы проработать его окончательно и в деталях.

* *

Другой его знакомый сочинял книги по эзотерике для домашних хозяек и зарабатывал на этом неплохие деньги. В своих книжках, состоящих из вольных пересказов более мудреных книг, он учил такому, что можно было решить: этот человек не боится ни Бога, ни черта. Но все объяснялось много проще: он не верил ни в первого, ни во второго, а за одно и в то, о чем писал, видимо, не понимая, что рано или поздно, перед кем-то из тех двоих ему придется за проделанную работу отчитаться. Зато этот тип прекрасно вписывался в социальный контекст, полностью соответствуя духу времени и букве пространства.

У писателя были поклонницы и презентации, авансы и гонорары, и Светелкин ему страшно завидовал. Хотя, если подумать, вместо того чтобы штамповать книжки сомнительного содержания, сочинителю нужно было бы заняться какой-то общественно полезной деятельностью: например, сбором пустых банок из-под пива. Так, он одновременно заботился бы о своем пропитании и улучшал бы экологическую обстановку на планете. Но тот строчил книжки без остановки, ухудшая, как говорили приверженцы индуизма, свою карму. При этом писатель улучшал свое материальное положение, но способствовал варварской вырубке лесов, изменению газового состава атмосферы и существованию озоновой дыры. Вот вам, пожалуйста, и пример неравнозначной зависимости между духовным и телесным, идеальным и материальным, полезным и вредным, черт бы ее побрал!

Душа не кактус, который следовало поливать, и не собака, которую нужно было выгуливать. Ее не тренировали, не растили и даже не развивали. Она просто была. Тем не менее, более всего литератор изощрялся именно по части духовного роста, видимо путая его с совершенствованием каких-либо навыков, типа скорочтения, освоения японского языка или игре на бильярде. Духовный рост, за который он так агитировал, виделся со стороны процессом надувания огромного воздушного шара. Неопознанный объект этот летать не мог, да так и лежал на боку посреди чьего-либо эгоизма. В то время как душа Светелкина не думала расти, оставаясь в пределах от рождения данного размера, душа эзотерика, так он утверждал, становилась все больше и больше.

Один завернутый на учении Дона Хуана человек даже рассказывал Макс, что однажды, путешествуя по сновидческим буеракам в поисках мест силы, он наткнулся на эту поражающую своими размерами душу, напоминающую сбитый, но несдвинувшийся немецкий дирижабль времен Первой мировой войны.

Человека, пустившего в обиход выражение «духовный рост», нужно было изловить и кое-что у него оторвать. Правда, будучи человеком незлобивым, Светелкин думал об этой экзекуции только в качестве отвлеченной идеи. Опять же, он понимал, что причина его неудовольствия кроется в элементарной зависти. Да и что он к мирному человеку пристал. Пишет себе книжки и пишет. Не людей же по ночам убивает. Эх, если бы он мог сочинять! Он бы, уж, показал всем такую духовность, что только держись. Но, как Макс ни тужился, не мог складно написать даже страницу.

По ночам в черном пространстве его закрытых глаз возникало огненное око наблюдателя, которое Максима по привычке и снисходительно рассматривало. Он – маленький комочек разума – пребывал в отчаянии. Отчаяние его можно было бы считать полным, но из художественной литературы мы знаем, что полной бывает только радость. Поэтому глаз, взиравший на него каждую ночь, был нарочитым, а отчаяние – беспредельным.

* *

Неспешно наблюдая за ходом собственных мыслей, уносящих его в отвлеченные, с ним не связанные дали, Макс решил махнуть на мячик рукой, и пока не проснулся по-настоящему, исследовать прилегающие к пляжу пространства. Он уже знал: его Новая Каледония была достаточно уютным местом. Рядом с морем цвели рядами розы, за ними торговали мороженым и прохладительными напитками. Еще дальше призывно блестели винными бутылками витрины киосков. Подрулив к симпатичной продавщице, Максим как бы в шутку спросил, где это он находится, но ответа не услышал, потому что снова оказался лицом к лицу с желтым мячом. «Сволочь - сказал он ему тихо сквозь зубы, - даже поговорить не дал».

Осознав, что все его проблемы начинаются с желтого мячика, он проткнул круглого мучителя куском проволоки, а сморщенный

труп шара закопал в песке, произнес над мячом, краткую молитву. В душе его начинали скрести кошки, а сама она постепенно наполнялась тревогой. Еще недавно сновидения подчинялись ему беспрекословно, а этот дурной – точнее и не скажешь – сон отказывался выполнять его желания. К тому же Максим заметил одну по-настоящему испугавшую его вещь: сон укорачивался – интервал времени, когда он мог действовать, с каждым разом сокращался.

Разволновавшись от этой мысли, он решил вновь сплавить к буйку. Максим прыгнул в воду, быстро пошел кролем, а поравнявшись с красным указателем, из суеверия не стал его касаться, а лег на воду рядом и просто следил за тем, как белый лайнер, маячивший у линии горизонта, скрылся за мысом. После чего он снова проснулся перед желтым мячом, успевшим, видимо, пройти полный курс реанимации и реабилитации. «А так все классно начиналось», – подумал Макс, убитый нехорошим предчувствием. А начиналось все так.

* *

Однажды проснувшись по обыкновению от упреков матери, что он де опять спит до обеда, нигде не работает, и вообще – паразит каких мало, он услышал в обычной порции негодующих обвинений новую словесную прибавку. Завтра в Москву приезжает по своим военно-морским делам дядя, мамин брат, и он остановится у них. И пусть паразит, каких мало, немедленно поднимается, умывает свою заспанную физиономию и собирает раскиданные по всей квартире вещи. Не обращая внимания на упреки, Максим мигом представил себе бравого офицера на фоне проглядывающих в дали дальневосточных сопок, и начал стремительно просыпаться.

«Эй! Люди! Человеки! – кричал он, опьяневший от невозможности опьянеть два месяца спустя. – А вы знаете, что я вам снюсь!» Люди крутили головой, затем пальцем у виска и исчезали в искажающемся от душевного волнения пространстве, так и запечатлеваясь в памяти с предельно красноречивыми гримасами и гротескными физиономиями.

Это был третий, новый, его собственный, выстраданный им путь! Секрет транспортировки древнегреческой монеты из сна в явь был раскрыт, а методика перехода из одного мира в другой, наконец, освоена. Так он одним махом разрушил тезис Иисуса

Христа о том, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому попасть в Царство Небесное. Теперь каждый богатый и не очень богатый человек мог, обратившись к Макссу, вернее, Максиму Владимировичу, получить услугу: попасть в любое существующее и даже пока еще не существующее царство. Теперь Светелкин конвертировал доллары в духовное обновление и обменивал рубли на сокровенные тайны Бытия. А что еще нужно увлеченному оккультизмом молодому человеку?

Он даже открыл в Интернете свой сайт – «Орден Высшей Эзотерической Магии», и сам себя назначил его главным магистром. Образования у Максима Владимировича было школьное, поэтому он скомпенсировал эту недостатку, объявив себя доктором белой магии, а заодно, и для солидности, - профессором мистических наук. Настоящие пацаны просекали, что он стебется, а ненастоящие...

По бытующей среди магов моде он вывесил на титульной странице сайта волчью морду пострашнее, чтобы каждый посетитель, взирая на оскаленную пасть, понимал сразу: Максим Владимирович не в игрушки здесь играет, а пришел в этот бизнес всерьез и надолго нести людям добро, много добра, и за большие деньги.

На сайте размещался перечень услуг и несколько анимированных реклам. Каждый желающий мог сбросить свою потребность ему на мыло и, передав в метро необходимый, согласно прайсу, кэш, получить свое. Например, залезть в голову конкуренту, отмолить смертный грех прямо в помещении загробного суда, отправиться в незабываемое путешествие в теплые страны к неземной красоте красавицам, или улететь на другую планету, где можно было безнаказанно мочить тамошних монстров из всех видов оружия. Короче, качественный продакшн снов Максим Владимирович гарантировал, а выбор сновидений ограничивался лишь фантазией и пожеланиями клиента.

Теперь жизнь Максима протекала во множестве реальностей, оттого он часто путался и забывал, где кончается реальная жизнь и начинается сновидческая. Посему никакой ответственности за свои проступки он не нес и никаких планов на будущее не строил. Проведешь через сон одного клиента в храмовый комплекс богини Кали, другого – в библиотеку Конгресса, а третьего – на обратную сторону Луны, поневоле

начнешь путать в реальностях и происходящем. Тем паче, если нереальное нередко превосходило реальность по эмоциональной шкале, физическим ощущениям и видеоряду. Иногда за ночь ему приходилось обслуживать сразу нескольких клиентов. Короче, бизнес его процветал.

Максим торговал снами, тратил денежки и повышал квалификацию, иногда перечитывая непонятные места из старинной тетрадки, постоянно внося изменения в самолично сделанный перевод. Забытая мистическая практика тибетского Бон-по, основу которой составлял особый способ вхождения в осознанный сон, позволяла ему полностью контролироваться любой объект своего сновидения и сна заказчика.

Манускрипт этот имел самую фантастическую историю. Вернее, это был не сам манускрипт, а его французский перевод, вывезенный на побережье бойцом китайского карательного отряда, некогда откомандированного в Тибет с гуманитарной миссией. Китаец вытащил тетрадку из горящего монастыря, который сам же и поджег. Непонятно, откуда в библиотеке мог взяться текст на французском языке. Но тут Светелкин подозревал, что перед ним дважды бесценная находка, поскольку эту аккуратно переплетенную тетрадь в ныне обгоревшей обложке могла написать только Александра Дэвид-Нэйл.

Далее рукопись попала в руки к офицеру-подводнику, лодка которого зашла в акваторию Поднебесной с невидимым, но дружественным визитом. Моряк купил ее в увольнении на блошином рынке за смешную сумму. Китаец пенсионного возраста бойко говорил по-нашему, но по-французски не понимал ни бельмеса, а моряк на первой же странице тетрадки разглядел слова: «*oneiric*» и «*delire*», а узнать медитацию в «медитасьоне» вообще не представляло никакого труда. Сгодиться для племянника, - решил моряк, зная об увлеченности Максима Востоком и мистикой. В тетради не хватало последних страниц, видимо, хунвейбины пускали рукопись на самокрутки, но большая часть текста пребывала в целостности и сохранности.

Тут Максим отвлекся от воспоминаний, ибо снова к своему ужасу проснулся рядом с ненавистным мячиком. «Ну и попал же я в передрыг!» «Здесь и сейчас» не казалось ему таким привлекательным, как его описывали. Хорошо рассуждать об

этом, если твое «здесь» можно пощупать руками, а твое «сейчас» - сверить со стрелками часов. Сейчас и здесь он желал только одного – как-то из этого повторяющегося и ускоряющегося сна выскочить. Он пробовал моргать, кричать, прыгать на месте, пить морскую воду и даже пару раз укусил себя за палец. Ничего не помогало. Пробуждения приклеили его сознание к желтому мячику, как муху к липучке. «Никогда. Больше никогда никаких снов, пропади они все пропадом!» И Максим, не выдержав напряжения, разрыдался как девчонка.

* *

Прервав его слезы на полпути, перед ним снова возникла наглая рожа желтого мячика. Но теперь она прямо на глазах превратилась в древнегреческую монету со знакомыми с детства дельфинами. Максим замер от удивления и присел на корточки. В парке быстро темнело, дома ему ожидал нагоняй, но никаких сил не было пройти мимо такого чуда.

Он осторожно поднял монету, положил ее на ладонь и начал разглядывать. С одной стороны, где полагалось быть портрету какого-нибудь царя с гордым профилем, изображение было стерто полностью. Зато с другой - парочка дельфинов летела над водой, сообщая своим присутствием добрый знак и всяческое расположение высших сил.

На этот раз дельфины выскочили из монеты, но так не успели никуда приземлиться, потому что Максим подхватил их и бережно, словно золотых рыбок, выпрыгнувших из аквариума, поместил обратно. «Ну, все, теперь только бы не расплескать море, только бы не расплескать море, - повторял он как заклинание, - и все у тебя получится». Он крепко сжал монету в руке и стал ждать.

Медитация при ходьбе

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Раз, два, три, четыре... Эх! Если бы дьявол, искушая, спросил меня: «а хочешь ли ты, такой-сякой, стать властелином мира?» Я бы, не раздумывая, ответил: «Конечно, хочу!!!» Ведь это так здорово, делать все, что пожелаешь, и получать все, что в голову взбредет. Только навряд ли дьявол в курсе о моем

существовании. Именно поэтому в последнее время я всерьез озабочился созданием новой своей собственной религии. Что ни говори, но быть пророком или, берите выше, живым богом - куда интересней, чем коротать обычную жизнь всех остальных прочих. Это даже словами не передать!

Однако в этом щекотливом дельце имелась одна небольшая заковыка, и состояла она отнюдь не в отсутствии у меня какого-никакого бесхозного, хоть самого завалящего мистического учения. Тут все обстояло как раз очень и очень просто.

Наворовать материала из разных источников, склеить в одно целое - и вот тебе и учение не хуже прочих. Что, грубо говоря, народу нужно? Понятно, но загадочно, доступно, но таинственно и, главное, чтобы без всяких лишних хлопот оно сулило еще при жизни огромное счастье, пять, шесть, семь, восемь.

Проблема заключалась в другом – в создании вокруг своего имени правильного имиджа. И тут, в качестве объекта для подражания, стоило изучить духовный путь, так сказать, предшественников, дабы построить на их примере эффективную рекламную кампанию. Предшественников имелась уйма, и вскоре я выделил из подвязавшихся на духовной ниве пророков пару-тройку самых заковыристых. А каких не скажу, потому как не резон мне карты свои конкурентам открывать, пускай сами до правильного имиджа докапываются.

А вот смекните, - раз, два, три, четыре, - что главное в словах учителя? Чтобы они походили на его дела, как зебра – на лошадь Пржевальского. Да, вот именно. И та, и другая вроде как кони по своей природной сути. Но внешний-то вид совсем разный выходит. А в нашем оккультном деле, все от внешнего вида зависит. А если вид есть, тогда и бизнес духовный процветает.

Короче, если взять, к примеру, «Чайку по имени Джонатан Ливингстон» за платоновскую идею, то в процессе религиозного окормления нужно было одной рукой растить у своих учеников крылья, а другой и одновременно – отрывать у них ноги. И тогда, гипотетически они могли бы подняться к Небесам, но им попросту нечем будет оттолкнуться от земли. Именно такое учение мне и требовалось. Пять, шесть, семь, восемь...

Ну что, скажите, перво-наперво нужно в мистической практике? Раз, два, три, четыре... Что важно в экологии духа? Правильно! Оказаться на вершине человеческой пирамиды.

Чтобы получать энергетические эманации от тех, у кого стоишь на головах, и, разумеется, от тех, на чьих головах стоят они, которые тоже стоят головах... Ну... в общем... мысль вы поняли. И далее вниз, по ступенькам, до самого чернозема.

Какой в дикой природе расклад существует, такие и духовные отношения надо выстраивать. Чтоб сильный поедал слабого и борьба за выживание имела в наличии. Вот смотрите: бессловесная трава высасывает полезные соки из Матери-Земли, наивная антилопа жуёт эту самую траву, а крокодил кушает антилопу. И, как видите, все лучшее, что есть на земле, в конце концов, достаётся крокодилам. В биологии это называется «находиться в конце пищевой цепочки», а кто в конце цепочки, тому и карты в руки. ...пять, шесть, семь, восемь.

В духовных опытах ни один ученик не превзошёл своего учителя. Апостолы плелись за Христом, Вивекананда – за Рамакришной, а главный святой современности Бубыкин ходит за Кастанедой, как цыплёнок за курицей. А ответ прост: учитель учит тому, как избавиться от тех проблем, от которых сам и мучается, а между тем у каждого в голове свои тараканы. Любое учение полезно лишь в качестве пинка под зад. Хорошо утоптанная колея никуда в духовном смысле не ведёт и только целина может к чему-нибудь да вывести. Кто спорит, идти по бездорожью труднее, но, вот это запишите себе на подкорку: чем тяжелее дорога, тем легче путь. Раз, два, три, четыре...

Да, я хожу. Хочу и хожу. Ходил, и буду ходить. Человек по Декарту – живая машина из мяса и костей, и если машина без дела простаивает, во-первых, никакой от нее пользы, а во-вторых, раньше срока ломается. Зарастает холестерином как ржавчиной, и все дела. А когда у машины только одна часть работает, например, или только голова, или только ноги – опять плохо: перекосы в биоэнергетике образуются. Тогда нижние чакры уже не хотят жить по старому, в верхние - уже не могут управлять по старому, и налицо революционная ситуация. А к чему приводит революционная ситуация? Правильно. Ни к чему хорошему.

Если та часть, что ниже пояса возбудилась, тогда человек по телесным радостям специализируется. И это не страшно. А ежели выше пошло – тогда беда. Мозги производят огромное количество мыслей, большая часть которых вообще никому не нужна. И деваться этим ненужным мыслям совершенно некуда.

И такое напряжение в голове возникает, что крыша протекает или едет, ну, а если едет - пиши, пропало. Раз, два, три, четыре...

Я, к примеру, этой самой ходьбой как раз двух зайцев убиваю. И тушке не даю в неживимости жить, и мозги на волю не просятся. Тут главное в ритме движения все заключается, поэтому и ходьба ритмическая. Кто знает, тот знает, а кто не знает, запросто узнать может. Интернет рулит.

После пары часов ритмической тренировки в мыслях наступал полнейший покой, а голове - тишина. Ради этого все и делалось, потому как это уже медитация начиналась – медитация при ходьбе. ...пять, шесть, семь, восемь.

Так я и ходил по лесным тропинкам, впитывая в себя невидимые глазом флавоноиды, фитонциды и флюиды. А шел я «на восемь»: делал короткий вдох на два шага, и выдыхал на оставшиеся шесть. И не потому, что в этом содержался какой-то особый секрет, просто мне так было удобней. Можно ведь шагать и «три на пять», и «четыре на четыре», лишь бы дышалось правильно: вдыхать носом, а выдыхать ртом. И дышать как можно реже и тише, ведь уже тысячи лет люди знают: чем меньше дышишь, тем дольше живешь. Так я и делал. Да, чуть не забыл, идти требовалось с удобной для себя скоростью, где-то посередине между нагрузкой и комфортом, чтобы обязательно устать, иначе это не полезная для всех членов ритмическая ходьба получалась, а индифферентная прогулка.

И тут, под размышления о вдохах и выдохах, на дорогу передо мной выскочила белка. Я замедлил шаг, чтобы не испугать божье создание, но оно и не думало пугаться, а нагло сидело, поджидая пока я подойду. Белка смотрела на меня, и ее взгляд красноречиво требовал орехов. Орехов у меня не было, и мне стало от этого почему-то очень и очень стыдно.

Рассуждаешь тут о всякой чепухе, теории разные строишь, религии выдумываешь, а вот посмотрит тебе в глаза какая-нибудь белка, и все твои идеи сразу кажутся каким-то мелким и надуманным вздором. Новые религии, пророки. Подобные мысли сразу становятся бумажным цветком, случайно оказавшемся в живом букете. Власть над миром? Мысль-то, конечно, брендовая, но не бредовая ли она?

Каждый день, следуя выбранному маршруту, то сворачивая в кущи, то ненадолго выходя на тротуар, я был кем-то вроде городского сумасшедшего. И если бы в нашем городе проводились экскурсии, гид мог бы сказать: посмотрите налево – это наш новый супермаркет, посмотрите направо – это наш местный дурачок, который уже много лет ходит по городу и окрестностям без всякой цели и смысла. Тут нужно было понимать, что медитация при ходьбе подразумевала ходьбу не куда-то, за чем-то и для чего-то, а ради нее самой. Ради разглядывания собственных мыслей. Короче, медитировать при ходьбе мог любой дурак.

Как-то раз, наткнувшись на трактат какого-то вьетнамского монаха, посвященный медитативной ходьбе, я понял, что тот никогда толком и не ходил, а если и покидал стены монастыря, то лишь за тем, чтобы сгонять за пивом. Его медленное переступание по земле Будды приносило столько же пользы, сколько многочасовое дежурство пенсионеров на лавочке около подъезда. Возмущенный наглой ложью азиата, я хотел было написать монаху открытое письмо, направив копии в главную контору Всемирного Буддийского конгресса, в Международный Олимпийский комитет и в Организацию Объединенных Наций. Но, так и не найдя правильного монастырского адреса, бросил эту затею.

Между тем, мир, который я вышагивал с каждым шагом, постепенно переставал быть собой. Вернее, наблюдалось определенное слияние малого и большого: малого ходака и большого окружающего, сквозь которое тот двигался. И тогда казалось, что я соприкасаюсь с чем-то огромным, великим и непонятным, но по внутренним ощущениям - добрым.

Вокруг морфозы сменяясь метаморфозами, а метафоры – метаметафорами, и начинались чудеса. Неожиданно и рядом, сам себя нажимая на клавиши, начинал играть рояль в кустах. Он больше не был слугой человека, не нуждался в нем и воспроизводил мелодии, скопившиеся внутри его механической души будто *Deus ex machina*, освоивший, наконец, нотную грамоту и решивший опробовать усвоенные навыки на практике.

И вот на рояльные звуки откуда-то отвечало своими мягкими нотами пианино. Инструменты были явно расположены друг к другу, хотя плывущие по воздуху мелодии разительно отличались. Пока мелодии сходились вместе, вплетаясь друг в

друга, и вновь обретали самостоятельность, я уже видел плоды их совместным музыкальных медитаций: маленькие рояльчики и пианинчики, беленькие, черненькие и в пятнышках задорно бегали по поляне, будто в первый раз вывезенные на природу щенки.

А потом, словно в последних сурах Корана, небо разорвалось надвое, но Конец Света из образовавшейся атмосферной трещины не выглянул. Вместо него посыпались вниз в виде маленьких разноцветных мячиков тысячи дзенских коанов. Они раскатились по миру в разные стороны так, чтобы каждый нашел свой, и никто бы не остался обойденным. Короче говоря, благодать распространялась во все стороны как вино, пролитое на скатерть. Я и сам на время вышел из себя и стоял вокруг, дабы наглядеться на это благолепие со всех точек зрения.

И тут у меня на пути замаячило нечто такое, что не поддавалось никакой классификации. Ни молодая мама с коляской, ни озабоченный, спешащий по делам гражданин, ни пенсионер, вышедший в лес, дабы покурить на свежем воздухе, как будто бы и не замечали эту внезапно возникшую передо мною аномалию, хотя она торчала в окружающей гармонии мира, как заноза в заднице. Можно было даже сказать, что между природой и замаячившим впереди артефактом сквозил ярко выраженный антагонизм.

На дорожке, по которой я двигался в светлое будущее, стоял, словно поджидая кого-то, странный долговязый субъект в сером до пят, не по сезону одетом плаще. Его фигура совершала странные, словно сошедший с ума экскаватор, движения, она то размахивала руками, то подпрыгивала на месте, выделявая явно нечеловеческого тела коленца.

Вся с таким старанием сотворенная вокруг гармония мира разом рухнула, словно стены Иерихона от звуков вражеских труб. Я просто-таки уткнулся глазами в непонятный уму силуэт и начал неосознанно замедлять шаги. По спине пробежал необъяснимый холодок, а дьявольская субстанция, словно почуяв мою слабость, разом перестала хадульничать и, перегородив собой дорожку, застыла.

Летний день, солнечный лес, еле слышный шум машин с невидимой трассы, далекие критики детворы со стороны игровой площадки и это - инородное и нечеловеческое, пугающее своим видом чучело. Только-только успел я о сем

подумать, как материализовавшаяся неподалеку собака подтвердила мои самые скверные предчувствия: она попыталась завывать, но, видимо, решив не светиться перед исчадием ада, поджала хвост и затрусилась в сторону.

А что было мне делать? Повернуть назад - как-то не по-мужски, обход истукана сбоку ввиду обильных зарослей крапивы не представлялся возможным и выглядел малодушным, даже глупым. Пока я решал, как сохранить лицо, лицо незнакомца приобрело отчетливость. Это была серая худощавая маска с круглыми, горящими оранжевыми цветом глазами. То, что я посчитал по причине слабого зрения плащом, оказалось плотно облегающим, не имеющим швов и застежек коконом, только издали напоминающим человеческую одежду. Но чем незнакомец, если его можно было так назвать, меня поразил полностью, так это тем, что не опирался ногами о землю, а парил над ней на небольшом расстоянии, позволяя разглядеть между своей ходовой частью и почвой небольшой, но вполне очевидный клиренс.

Ноги мои окаменели, и я начал прямо-таки вжиматься в землю, в то время как демон с оранжевым взором - а кто же это мог еще быть? - словно рос на глазах, делаясь все ужасней и все страшней.

«А желаешь ли ты стать властелином мира-а-а-а?!» - неожиданно прогремело у меня в голове, и эхо вопроса р-а-а-а-а-астянулось в громяющую вокруг паузу.

Я вздрогнул, потом оцепенел, но через секунду попытался думать. Нужно было срочно принимать какие-то спасительные меры. Однако так убедительно разрекламированный моим знакомым «Псалом № 90» отказывался приходить в голову даже по частям. Тогда я попробовал вспомнить «Отче наш», который был покороче, но тот тоже не пожелал вспоминаться.

Делать нечего, и я решил обратиться за помощью к нетрадиционной системе духовных ценностей - мысленно представил перед собой, как советовал тибетский гуру-ринпоче, красную букву «А», чтобы враз запечатать ею дьявольское отродье. Однако вместо необходимой мне буквы, из глубины сознания выкатилось к ее освещенному центру белое «О». О-о-о-о-но завертелось передо мной как курица в гриле, да так бы и оставила меня один на один демоном, если бы не

материализовавшаяся вслед за ней и справа красная буква «М».

«Желаю», - пробубнил я неуверенно, и только для того, чтобы одновременно заполнить неприятную паузу, и, чтобы плащ услышал то, что хочет. Пока в нашем диалоге образовалась некоторая заминка, буквы «О» и «М», постояв пару секунд неподвижно, взялись за руки, образовав спасительный слог «ОМ», а затем мгновенно выросли до размеров монумента Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», заслонив от меня бесовское наваждение.

«Да это же бред какой-то, - дошло до меня. - Даже не бред, а сон». Верно найденное слово, наконец-то, расставило все по своим места. «Врешь, не возьмешь!» – вспомнил я цитату из героического фильма, где простой русский солдат хотел остановить немецкий «Тигр» исключительно голыми руками. А может быть, это был другой фильм, или фраза выглядела как-то иначе, впрочем, нисколько не изменяя своему императивному свойству. Чудище на меня не нападало, не приносило вреда, и, осознав, что морок потерял инициативу, я понял - пора действовать.

«Как твое имя?» - спросил я, вспомнив совет оккультистов испрашивать у демонов имя, ибо по закону магии, узнав оное, обретаешь власть над тем, чье имя узнал. После некоторой паузы я услышал заученную в духе «Фауста» фразу: «Часть силы той, что без числа творит добро...» и далее по тексту. «Попался, гад!», - подумал я, понемногу приходя в кондицию и обретая уверенность. Зная, что во сне ничего у незнакомцев просить не следует, чтоб тебе не всучили какую-нибудь гадость, я решил действовать от противного.

«Я очень хочу стать властелином мира, - повторил я уже громко, - а взамен подарю тебе это», - и достал из нагрудного кармана авторучку сомнительной ценности.

Кокон устоялся на нее, и в его оранжевых глазах появилась нечто вроде замешательства. Мой визитер повторил строчку из Гете, при этом его речь изменила тембр и громкость. На секунду сквозь нее даже пробилась в эфир реплика радиостанции «Эхо Москвы», словно Вельзевул съехал со своего внутреннего тюнера. Я просто нутром почуял, что монстр пытается преодолеть в себе какую-то умственную недостатку, а то, что

кокон напряженно думает, было слышно и по гудению, исходящему от его головы. И тогда я зашел к агрегату за спину.

«Made in China», - прочел я горящую морковным цветом наклейку. Далее, уже почему-то по-русски, но, постепенно переходя в санскрит, следовало: «Собственность общества Трансцендентальной Медитации имени Махариши Махеша».

«Давным-давно, в одной очень далекой галактике...» - начал я читать мерные шеренги строк, проплывающие одна за другой мимо меня, пока не вспомнил, что не знаю на санскрите ни слова. В это время строчки из «Звездных войн» преобразились в римскую когорту на марше. При этом ряды букв, или воинов, исправно переставляли ноги, но двигались задом наперед, пока последняя шеренга не уперлась спиной в кнопку выключателя.

Далее все произошло как-то само собой – я с такой силой надавил на кнопку, будто собирался продавить в этом месте данную нам в ощущениях реальности или, хотя бы, проковырять в ней дырку.

И тут дьявол исчез, не оставив после себя ни запаха серы, ни запаха озона.

Я огляделся. Вокруг стоял все тот же невозмутимый лес, а впереди уходила в глубину мироздания тропинка моей жизни. И тут я понял, что всегда хотел только одного: пройти ее, не отвлекаясь на мелочи, до самого последнего шага.

И я пошел. Я шел по дороге, а реальность вокруг меня то растягивалась, то сужалась словно гармонь пьяного гармониста.

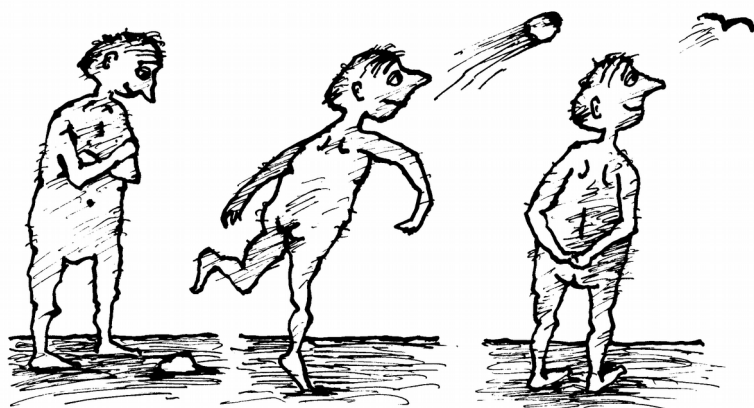
Дзенские коаны катились по земле разноцветными шариками, буддийская сансара равномерно поскрипывала давно не смазанной осью, Христос мудрил что-то со смазкой, но только подливал масло в огонь. Больше не было добра и зла, эллинов и иудеев, грехов и добродетелей, людей, которые живут жизнь роботов, и роботов, которые считают, что они люди. Мне не было нужды делить себя на тело и душу, фантазировать по поводу Машины судеб и размышлять о богах, ангелах и мистических головоломках нашего мира. Мне достаточно было и того, что я остался самим собой, не расплескав врученный мне с рождения волшебный кубок.

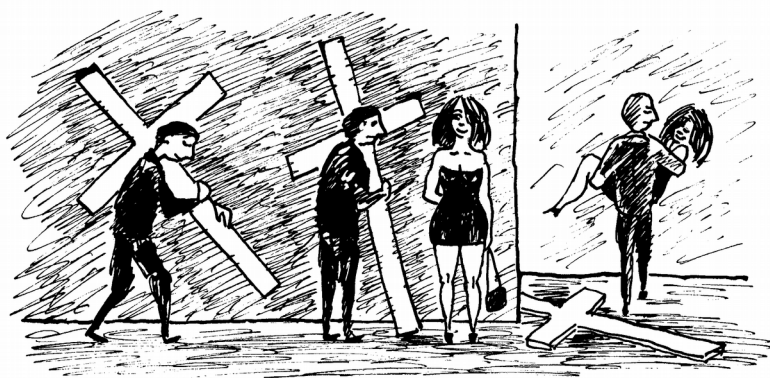
Так, вперив глаза в землю и впитывая в себя вечность, я неожиданно вышел на открытое место, а потом так же неожиданно поднял голову. Низкое небо над высокой землей поразила меня своей очевидностью. Внизу, до самого горизонта,

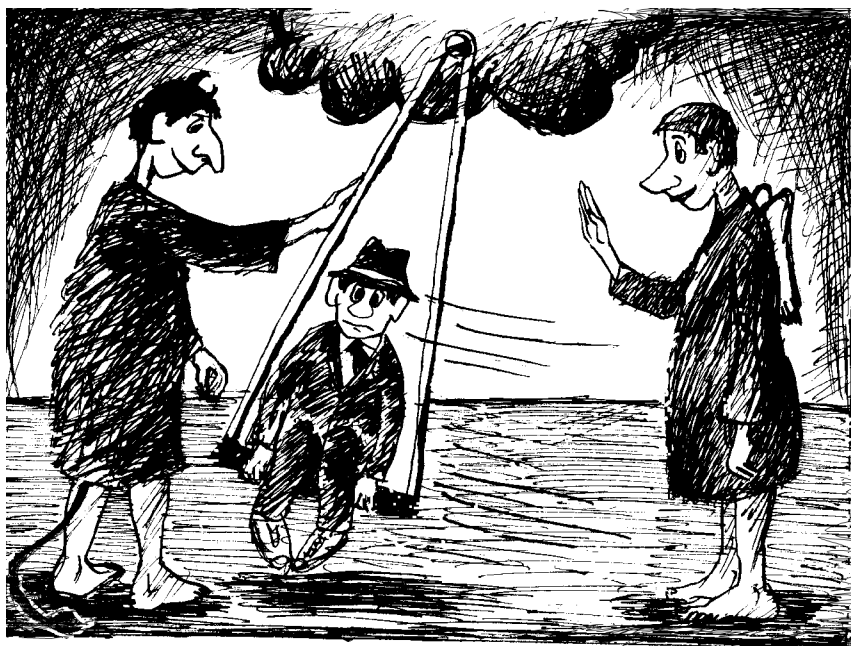
тянулась черная пахота поля, вверх, прямо над головой, шли по всему небу боевые фаланги тяжелых туч. Этот резкий контраст цвета и фактуры поразил меня еще больше. Во рту появился незнакомый вкус, и с этого мгновения окружающее пространство стало преображаться. Нет, облака, поле и лес никуда не делись, но мир, как-то весь вздрогнул и поплыл, смазав свое изображение, чтобы потом целиком превратиться в вибрации.

Колонны желтого и синего пламени ударили из поднебесья и замерли, словно упершись ногами в землю, и загудели, как мечи джедаев. Они не спасали небосвод от падения, и не удерживали Землю, дабы она, вздрогнув, не свернула в сторону, а просто задавали разницу между небом и землей, оберегая просвет, где кружился и сиял хоровод разноцветных звуков. Я оттолкнулся от земли и полетел к ближайшей линии горизонта.

Портрет Неизвестного

Чувства Алеши Мимозова пребывали в полнейшем смятении, да и сам он сильно нервничал. Сначала он растерянно сидел на кровати, уставившись на ползающую по стене муху, потом принялся быстро ходить по комнате, силясь найти какой-либо выход из ситуации, наконец, бросился к книжному шкафу и стал лихорадочно перебирать его содержимое. «Так, «Овальный портрет» Эдгара По. Нет, это не годится. «Потрет художника в щенячестве» Дилана Томаса. Не, не пойдет. «Портрет Дориана Грея» - навряд ли. А вот! - неожиданно обрадовался Мимозов, - «Портрет» Николая Гоголя». Но тут же, сообразно своей фамилии, сник и увял, потому что неожиданно понял: ответ на терзающий его душу вопрос, следует искать не в книгах, а где-то другом месте, например, в реальности, если она и ее ответы вообще существуют.

Однако прервем наше повествование на этом месте, иначе читатель не поймет, о каком смятении здесь толкуется, что за вопрос так бесцеремонно и даже грубо расколол надвое самосознание главного героя и о какой такой реальности вообще идет речь: о той, что дана нам в ощущениях, или о той, что так потрясла органы чувств Мимозова?

События, о которых я намерен рассказать, происходили и даже произошли. Мало того, они происходят уже давно, и совсем не связаны с отдельно взятым Мимозовым. Скажу вам по секрету: таких мимозовых по всему миру уже сотни и тысячи. Но информация о необъяснимых и чреватых опасностями происшествиях сразу же снабжается заинтересованными органами грифом «секретно», и потому недоступна обывателям, а люди, пытающиеся заявить о надвигающейся угрозе, подвергаются моральной дискредитации, дискриминации и даже физическому насилию. Но мне, человеку, пережившему подлет к Земле кометы Галлея в 1986 году, нападение на мою квартиру инопланетян и посещение районной поликлиники, уже ничего не страшно. Поэтому буду резать вам правду-матку, какой бы горькой и пугающей она ни была.

Скажу больше. В наше время, население с большей охотой ходит с экскурсиями в магазины бытовой электронной техники, нежели в музеи, что разумно и даже правильно. А знатоков живописи, слава Богу, практически вытеснили любители

комиксов и компьютерных игр. Но успокаиваться на достигнутом еще рано. Опасность может поджидать нас на каждом шагу, в любом городе и каждом музее, и мы обязаны встретить ее во всеоружии.

* *

Есть в нашей необъятной отчизне маленький городок с кратким названием N. Вряд ли стоит искать его на современных географических картах, поскольку печатались они еще в 90-ые годы, и краски и бумаги на все города не хватило в связи с хищениями в особо крупных размерах. Но город этот продолжает существовать, и я готов подтвердить его наличие под присягой, ведь который уже год езжу на лето в те края порыбачить.

А какая там родится вишня! И как она цветет! Ради одной только вишни туда стоит приезжать, не размениваясь на какие-то там сакуры. Что удивительно, в городе N, несмотря на его довольно захолустный и периферический статус, функционирует краеведческий музей, главной достопримечательностью которого служит хорошо сохранившийся скелет лошади Вещего Олега и хронометр, собранный известным в городе левшой. Сей аппарат размещенный в скорлупе яйца, продолжает тикать уже лет так двести, не требуя ни завода, ни ремонта.

Музейные работники, занимаются, как обычно, кто чем. Кто исследовательской работой, кто сбытом всего, что можно продать старым еврейским антикварам и новым русским бандитам. Жизнь в означенном городе тянется, вернее, тянулась на удивление размеренного и чинно. Однако десяток продуктовых ларьков на центральной площади N, постановленных гордыми сынами Кавказа, внесла в провинциальный колорит города новые иногда пугающие, а иногда странные полутона. Если бы не это обстоятельство верилось, что царь-батюшка все еще правит Россией-матушкой из такого далекого и потому почти нереального Санкт-Петербурга.

Один из залов музея заполняют живописные полотна, а его украшением уже долгие годы служит «Портрет Неизвестного» неизвестного художника. Вот с этим-то произведением искусства и связан мой рассказ, потому что именно с картиной и

начали происходить такие удивительные вещи, что поверить в них сразу могут лишь любители компьютерных игр и богомольные старушки.

Местный батюшка говорил, что это знамение для всех грешников, что надо, де, молиться, и Бог простит. А всем неверующим советовал в срочном порядке пожертвовать на храм, кто сколько сможет, и возвращаться в лоно церкви. И был он, скорее всего, не далек от истины, потому как разбрелись наши соотечественники в умах своих неизвестно куда и непонятно зачем, а возвращаться куда-то все равно надо.

* *

Работа неизвестного живописца середины девятнадцатого века представляла собой хорошо сохранившийся портрет местного помещика средней руки. Какого именно, установить теперь невозможно ввиду деятельности большевиков, личинок древоточца и немецкой оккупации. Так вот, с этой картиной, провалиться мне на этом месте, если вру, начали происходить самые удивительные, даже невероятные вещи. По непонятным причинам «Неизвестный» стал периодически из картины исчезать. И тогда в окаеме рамы обескураженный ценитель старины находил лишь часть неприбранной комнаты, да борзую не слишком чистых кровей, которая смотрела влюбленными глазами куда-то вверх, видимо, на враз исчезнувшего хозяина.

Убранство, по всей видимости, холостяцкого жилища состояло из персидского ковра, в недрах которого родилось, выросло и возмужало не одно поколение моли. За невидимой глазу фигурой виднелся значительный край стола, служащий пристанью для облупленной по краям табакерки и основанием для батареи пустых, самых непостижимых форм и расцветок пустых бутылок, по всей видимости, - коллекции хозяина. Венчал обстановку дуэльный пистолет, граненый ствол которого был любовно перевязан голубой лентой. Само же оружие висело в пустоте, словно в знаменитом произведении Герберта Уэллса о человеке-невидимке.

Неизвестный – молодцеватый господин в гусарском мундире, отдаленно напоминающий героя отечественной войны 812 года Андрея Болконского, но с модно закрученными усами, как уже было сказано, то присутствовал на полотне, то исчезал из него без всяких видимых причин до своего следующего появления,

бросая вызов официальной науке, экстрасенсам и всему мировому изобразительному искусству. Дирекция музея, поначалу, снисходительно относилась к чудачествам портрета, но когда по городу поползли будоражащие воображение слухи, и ее терпению настал конец.

* *

Вскорости, в Министерство культуры, в столицу нашей Родины была направлена депеша довольно путаного содержания, и через полгода, в самый разгар лета, в городе N появились важные гости: трое искусствоведов предпенсионного возраста, поселившиеся в единственной на весь N гостинице. На месте квартирования почтенные искусствоведы вели себя тихо и пристойно. Промышляли служители искусств в основном пивком, но иногда, в пору жарких дебатов, полировали себя изнутри водочкой, видимо для того, чтобы мистическим образом приблизиться к решению таинственной загадки.

Трудно сказать, какая именно астральная сила собирает в группы по трое мужское население нашей державы уже сотни лет. Но это явление характерно для всех национальностей и народностей без исключения. Хотя нет, ошибочка вышла, среди народов Севера такого явления не наблюдается. Этнографы давно заметили, что чукчи обычно собираются вместе по двое, что, возможно, объясняется суровым климатом, в котором собираются наблюдаемые. Да что там Россия! Троичность - неизменная черта всех рас, народов и культур.

Это сакральное триединство послужило основанием для многих религий, например, так появились на свет Брахма, Вишну и Шива индуизма или Бог-отец, Бог-сын и Дух Святой христианства. Тройственность мужских компаний зафиксированы и в древнейших письменных источниках, таких как «Египетская книга мертвых» и трактат «Внутренний предел», приписываемый даосскому мудрецу Чжуан-цзы. Современные ученые даже склоняются к версии особой врожденной склонности, прописанной в генетическом коде нуклеиновых кислот непарной мужской хромосомы. Именно благодаря ей число «три» занимает главенствующее положение в сказках, мифах и компаниях, формирующихся по алкогольному признаку.

Итак, как я уже говорил, столичные искусствоведы вели себя смирно. Утром они ходили смотреть на «Портрет неизвестного»,

который продолжал то появляться, то исчезать, разглядывали холст в десятикратную лупу, стучали по раме прокуренными пальцами и вздыхали. Но большую часть времени проводили на местной речке с удочками. Один тамошний обыватель божился, что однажды они поймали на блесну щуку аж на три килограмма.

Прошло две недели, и поскольку странный феномен так и не открыл свою тайну, комиссия искусствоведов запросилась домой и вскорости отбыла восвояси, на прощание успокоив директора музея, что и не такие вещи еще в жизни случаются. Что в наш век происходят штуки и похуже, например, разгуливающие по ночам статуи. А в Италии вообще ужасное творится - там целая Пизанская башня хочет дуба дать.

Как только почтенные гости отбыли, как в городе появились, невесть откуда взявшиеся уфологи числом три, и поселились в той же гостинице. Приезжие вели себя не в пример предыдущим постояльцам шумно и весело. Днем они проводили время на пляже, где знакомились с местными благовоспитанными венерами, а вечерами напивались дешевым вином местного разлива, пели под гитару и приставали к дежурной по этажу – женщине молодой разведенной, но порядочной. Каждый вечер уфологи пытались затащить ее в свой номер, обещая показать обломок летающей тарелки, но безуспешно. В музее туристы появлялись нечасто, а вскоре вовсе исчезли в неизвестном направлении. Говорят, укатили на поиски русского лох-несского чудовища, прихватив из номера, видимо, на память, три полотенца, эстамп с «Золотой осенью» Левитана и кусок хозяйственного мыла.

После того как эти две напасти завершились, жизнь в городе снова вошла в привычную колею. По музею бродили школьные экскурсии, которые неизменно останавливались у «Портрета Неизвестного» неизвестного художника. Иногда случалось, что «Неизвестный» отсутствовал, но чаще он все же был на месте, и тогда стайка ребятишек окружала картину, чтобы рассмотреть ее повнимательнее. Одну такую экскурсию мне удалось застать.

«А почему у дяди нос такой красный? – интересовались любопытствующие дети. - Он что клей нюхает?

«Настоящие пацаны клей не нюхают, - отвечала им девочка по имени Олечка. Она была отличницей, и все обо всем знала. – Они кокс нюхают и ширяются».

Как мне тогда показалось, авторитет Олечки в классе был столь высок, что молодой учительнице, еще не знавшей, в отличие от Олечки, жизни, стоило немалых усилий переломить ситуацию в свою пользу и заново ввести течение разговора в русло портретной живописи минувшего века.

«Дети, - нашлась она после затянувшейся паузы, ушедшей на изыскание ответа. - В девятнадцатом веке в стране довольно часто свирепствовала эпидемия гриппа, и этот дядя изображен как раз в момент пика заболевания».

Служители музея, проработавшие на одном месте немало лет, отлично знали, что раньше портрет совсем не отличался таким выразительным носом, эта часть лица «Неизвестного» имела вполне обычный цвет и только года как два назад начала постепенно краснеть. Мало того, от самого портрета начал распространяться во все стороны запах скверно сработанного самогона.

* *

Короче говоря, несмотря на вопиющие факты, город N пребывал в вековой дреме. Только молодой педагог по фамилии Мимозов, который по причине неукомплектованности учительских кадров преподававший одновременно литературу, русский язык, географию и пение, решил отправиться на борьбу с мракобесием и выяснить причину чудесных происшествий раз и навсегда. Вы возразите, что человек с фамилией Мимозов не с состоянием сделать что-либо не то что раз и навсегда, но ни разу. Отвечаю. Молодой, перспективный учитель может.

И вот однажды Мимозов проник в помещение краеведческого музея как раз в тот вечер, когда пребывающий в очередном запое сторож Федор, забыл запереть парадную дверь. Наш герой тихонько прошмыгнул в зал для экспозиций, где висел «Портрет неизвестного» неизвестного художника, и спрятался за портьерой с твердым намерением оставаться на своем посту столько времени, сколько потребуется.

Ровно в двенадцать подал механический голос старинный хронометр и миг спустя Алеша Мимозов услышал со стороны картины глухой стук и восклицание «Черт побери!», произнесенное мужчиной средних лет, но точно не принадлежавшее Федору. Потом, в полнейшем мраке,

раздались неверные шаги, направляющиеся к выходу, и все стихло.

Пользуясь собственным пульсом как часами, Мимозов выждал минут десять, а на самом деле не больше пяти, уж очень часто билось его непривычное к нервным перегрузкам сердце. Затем, включив загодя припасенный фонарик, он вышел из-за укрытия. Крадучись, стараясь не скрипеть половицами, педагог медленно приблизился к портрету и обнаружил, что «Неизвестный» исчез.

Мимозов осторожно осветил все углы помещения, но зала была круглой, и спрятаться в ней смог бы только человек-невидимка, существование каковых современная наука полностью отрицает. После чего, боясь, нервничая и замирая при каждом мышинном шорохе, Алеша миновал помещения, растянувшиеся анфиладой галереи, затем свернул в коридор и тут же заметил яркую полосу света, выбивающуюся из-под двери сторожки, словно луч маяка во мраке ночи. Он подкрался к ночному убежищу Федора и остановился у двери. Из-за нее доносились невнятные голоса.

Мимозов напряг слух и сразу определил, что говорят двое. Первый голос принадлежал пьяному Федору, другой был ему незнаком. Затаив дыхание, Мимозов нагнулся, заглянул в замочную скважину и от неожиданности чуть не вскрикнул. За столом, сервированным бутылкой водки, банкой соленых огурцов и двумя стаканами, сидели Федор и «Портрет Неизвестного» и играли в карты. Мимозов выпрямился, чтобы обрести утраченное равновесие, но тут услышал за дверью повторяющийся звук непонятного происхождения. Он снова прильнул к замочной скважине и понял, что игра идет на щелбаны, отбиваемые по носу.

«Не может быть! – подумал учитель. – Не может быть, потому что не может быть никогда!» Он протер глаза, ушибнул себя за ухо и снова приставил глаз к замочному отверстию. Игра и распитие спиртных напитков продолжалась. Мимозов постоял еще пару минут, попятился от двери и пошел на цыпочках к выходу, осторожно, чтобы не заскрипела пружина, открыл дверь на улицу и со всех ног бросился домой.

«Я сошел с ума, - повторял Мимозов на разные лады одну и ту же фразу. - «Я сошел с ума. И что скажут дети? Я сошел с ума. И что скажет завуч? Я сошел с ума. И что скажет

директор?» От этих вопросов все в нем холодело, а потом бросилось в жар. Наконец, он и сам бросился к шкафу с книгами. Но книги стояли на своем и не дали ему никаких объяснений. Тут явно был другой, нематериальный, всецело мистический и даже в некотором роде оккультный случай. Посему, как же поступить в таком небывалом деле, Мимозов не знал.

В бреду он проспал оставшуюся часть ночи, проснулся с первыми петухами, подождал, сколько нужно, и в странно и страшно рассеянном состоянии побрел по направлению к школе. Если бы вы увидели Алешу Мимозова в тот момент, то, верно, решили, что у человека большое горе, сравнимое разве что с потерей дорогого телефона. На уроке литературы Мимозов перепутал Достоевского с Одоевским, на уроке географии: Атлантиду - с Антарктикой, а в конце первой смены остро почувствовал, что утром перепутал правый и левый ботинки. По счастливому стечению обстоятельств у нашего героя было в тот день только три урока, и как только прозвенел звонок, Мимозов, словно убийца, притягиваемый неведомой силой к месту преступления, поспешил в музей.

Оказавшись внутри, он устремился в злополучный зал. Там, обступив «Портрет Неизвестного» неизвестного художника уже стояли директор музея и искусствовед в одном лице Муза Ивановна Чарская, участковый полицейский, смотрительница Марфа и сторож Федор. Мимозов заглянул им через спину и обнаружил то, о чем догадывался заранее - «Неизвестный» на полотне по-прежнему отсутствовал!

Вот тут-то на Мимозова снизошло озарение, которое нередко случается с людьми, пережившими глубокий стресс в сочетании с неожиданным душевным кризисом. Так никем и незамеченный, он тихонько вышел из зала живописных экспозиций, свернул за угол и замер у двери, у которой дрожал недавней ночью. За ней явственно слышался громкий храп. Мимозов собрал всю свою волю в кулак, сжал дверную ручку и, досчитав до десяти, распахнул дверь настежь. В комнате на засаленном диване, лежа на спине, громко спал «Портрет Неизвестного»...

* *

После этого в городе N произошла целая череда больших и малых происшествий. В первую очередь полицейский сказал Неизвестному: «Пройдемте», - и указал рукой в сторону пустующего холста, и тот сразу подчинился приказу, уважительно поглядывая на кобуру, фуражку и погоны стража порядка. В тот же день музейный сторож Федор был уволен с работы, а ему на смену приняли другого: тоже Федора, но непьющего. Картину «Портрет Неизвестного» неизвестного художника стали переворачивать на ночь лицом к стене, и новый Федор еще пару недель слышал исходящие от полотна приглушенные ругательства. Наконец, нос «Неизвестного» принял первоначальный цвет, слившись с портретом в единое целое.

Правда, в городе N произошло еще одно как бы и неприметное, но все же весьма важное событие. Директор музея пригласила Мимозова к себе отужинать, а заодно познакомила его со своей засидевшейся в девках дочерью Ариной. Муза Ивановна слыла женщиной интеллигентной, но волевой, поэтому вскоре молодых людей видели прогуливающимися у реки, затем - наблюдающими закат солнца, а еще через две недели - подающими заявление в ЗАГС.

На следующий день Алеша Мимозов начал урок пения с того, что сам исполнил ученикам песню на иностранном языке. «По-английски поет, - проинформировала учеников умная Олечка. По тому, как проникновенно и чувственно пел Мимозов, девочки в классе сразу поняли: песня про любовь. Но мальчишки еще три перемены спустя спорили с ними по этому поводу. По правде говоря, спорить было о чем. Дети, воспитанные на американском кинематографе, знали только одну английскую фразу: «fuck you». И так как в песне эта фразы не наблюдалась, резонно замечали мальчишки, то какая же там может быть, нафиг, любовь? На что девочки пожимали плечами, крутили косичками и все равно не соглашались с этим неопровержимым фактом. И что интересно, оказались правы.

* *

Трудно сказать, связано ли оживание картин с учащением вспышек на Солнце, о котором нас предупреждал еще

Чижевский. Или с воздействием на планету чужеродного и враждебного землянам разума, или все объясняет лишь тем, что мы превратили планету в свалку ядерных отходов, но оживления картин происходят по всему миру все чаще и чаще. В прошлом году организация «Юнеско» даже провела по этому поводу секретное совещание, результатом которого стали трое разбитых очков, затоптанный ногами галстук и два поломанных стула красного дерева.

Сегодня, втайне от пугливых обывателей, по всему миру уже созданы особые службы по выявлению оживших полотен и нейтрализации их деятельности. Но, как это повсеместно случается, принимаемые меры запаздывают, финансирование означенных подразделений часто идет по остаточному принципу, что весьма вредит их самоотверженной работе. Посему то тут, то там происходят музейные происшествия, которые потом тонут под покровом государственной и служебной тайн.

Вот, к примеру, совсем недавний случай, когда в музее «Прадо» стала оживать картина «Молящейся девственницы». Итог такого чуда очевиден. Ночные оргии продолжались в течение двух месяцев, и темпераментный испанский охранник, в конце концов, получил срок за порчу музейного имущества. И он еще легко отделался, ведь мог пойти одновременно и по статье за совращение малолетних.

Врачи из госпиталя Святого Себастьяна отмечают, что беременность у «Молящейся девственницы» проходит нормально. Правда, на восьмом месяце картину пришлось спрятать в заказник, чтобы наглые туристы не задавали лишних вопросов. Администрация галереи долго ломала головы, как поступить с младенцем, но на их счастье и ко всеобщей радости местного муниципалитета одна бездетная пара – также служители музея – пообещали решить эту проблему путем усыновления или удочерения ожидающегося потомства. «Уж как получится», - сказал угрюмо будущий отец.

Или другое происшествие, случившееся в музее Мюнстера-на-Рейне в прошлом году. Там ожил гобелен, изображающий огнедышащего дракона в натуральную величину, с которым безуспешно борется Св. Георгий. Очаг возгорания составил двести квадратных метров, но четыре пожарных расчета, прибывших по вызову немедленно, приступили к своим

обязанностям, только запросив огневую поддержку на расположенной по соседству американской военной базе. И лишь третья ракета уложила разбушевавшееся чудовище, заодно полностью разрушив историческую часть этого милого немецкого городка.

Но и это еще не все. Ожившие вместе с драконом Георгий Победоносец и его конь ретировались с места событий, прихватив с собой пару золотых канделябров около десяти килограммов живого веса, так что эту парочку до сих пор разыскивает Интерпол и местная полиция.

* *

Когда-то царица подземного мира Эрешкигаль, грозила шумерским богам, что выпустит на поверхность земли всех своих мертвецов, если боги не снабдят ее качественным мужем. Даже если это случится, при современном уровне стрелкового и тактического оружия объединенное командование планеты справится с этой проблемой в считанные дни. Но я представляю себе оживших персонажей с полотен Иеронима Босха, и мне становится дурно.

Ныне общественность еще не осознала, с какой угрозой столкнулось изобразительное искусство, вся мировая культура и цивилизация в целом. А пока что многочисленные аукционы, передвижные выставки и дни бесплатных посещений музеев развращают население планеты, толкая его на край гибели.

Сказано было: счастливы те, кто пребывают в неведении, но воистину счастье их призрачно и недолговечно. И все мы совсем скоро осознаем правдивость этих тяжелых, как пирамида Хеопса, слов.

А если Сфинкс оживет? Мало-то не покажется...

Третий глаз

Глаза – зеркало души, и я взял себе один на память. Глаз был твердым и гладким, как морской голыш, и как-то сам собой оказался за стеклянной дверцей книжного шкафа, где вел себя тихо и скромно. Я и вовсе забыл бы о глазе, если бы не одна странная вещь. Когда он попадался мне на глаза, я сознавал, что не гляжу на него так же, как, к примеру, на книгу или,

допустим, на чашку. Наконец, понимание происходящего, проклюнулось для меня на свет божий: глаз тоже смотрел, и когда я бросал взгляд в его сторону, мы встречались с ним глазами. Глаз взирает на меня, не мигая, без выражения лица (лица-то у него не было) и постоянно провожал мои перемещения по комнате холодным взглядом. Да и был ли этот глаз зеркалом чьей-то души, если он казался таким бездушным?

Сначала глаз глядел на меня беспристрастно, как смотрит на вас камера видеонаблюдения, потом – с некоторым интересом, а затем стал вызывающе на меня пялиться, и от этой его бесцеремонности на сердце у меня становилось как-то непередаваемо непонятно. Я сунул наглеца в коробочку от часов, а сам футляр - с глаз долой – в холодильник. Не то чтобы я верил в разные мистические небылицы, но сама история обретения глаза, по правде говоря, выглядела достаточно необычной. И вот как было дело.

Однажды ночью я проснулся от очень тихого, но необычного шороха и ощущения тревоги, с ним связанного. В морозном воздухе за окном парил свет фонарей и в их лучах я увидел, как по стене дома спускался по притороченной лесенке странного вида существо в серебристом костюмчике. Второе, точно такого же обличия, устроившись поодаль, фиксировало своими тонкими ручонками это хлипкое на вид приспособление. Они-то и производили эти царапающие и скребущие звуки.

Я замер, вернее, напрягся, а лучше сказать, окаменел, вжавшись от ужаса в подушку. Снаружи, за моим окном шла какая-то непонятная, довольно кропотливая и неспешная деятельность. Чем занимались серебристые костюмчики, стало ясно довольно скоро. Существа перетаскивали лесенку от окна к окну и заглядывали в темноту стекол, и вот теперь добрались и до моего жилища.

И тут полночная инспекция неожиданно завершилась фиаско - металлическим лязганьем и падением чего-то весомого. Наверное, так чувствовал бы себя лунатик, бредущий себе тихо и никого не трогая, по карнизу. Идет он, идет, и тут пролетает со свистом прямо перед его носом выброшенная сверху пустая бутылка. Где-то внизу бутылка зарывается горлышком в снег и произносит глухое «бух!»

Выждав минут десять, пока перепуганное сердце успокоится, я встал и медленно приблизился к окну. Ничего и никого. Ни

человечков, ни лестниц. За окном - обычный ландшафт заснеженного города. Короче, ночной кошмар в действии.

На утро я сразу вспомнил о ночном происшествии, и странные мысли мешали мне умыться и завтракать, не говоря уже о работе. Да, глупо все это выглядело, но я вышел из дома и отправился к месту предполагаемого падения. Ночью снова шел снег и был совсем нетронутым. Я задрал голову и разыскал свои окна, потом мысленно нарисовал траекторию падения, соображая, куда бы могло свалиться то, что, как мне казалось, упало. И, о чудо, заметил неподалеку подозрительную вмятину. Я пошарил в снегу – ничего, пошарил, как следует, и вот, собственнно говоря, и все обстоятельства находки. С мокрой ладони смотрел на меня голубоватый глаз свалившегося со стены пришельца.

Мало ли вещей знаков раскладывает Вселенная перед человеком, особенно, если он склонен внимательно смотреть по сторонам? На все обращать внимание, так и умом тронуться можно, и, как тебя зовут, позабыть. Я и забыл о случившемся, покуда телефонный разговор, в котором речь зашла о глазе Одине, ни напомнил мне о недавнем происшествии. И пока мы с приятелем перетирали косточки скандинавскому богу, я почувствовал рядом, как это бывало и раньше, чье-то бесплотное присутствие. Этот кто-то сначала нехотя и как-то издали прислушивался к разговору, а когда история достигла кульминации, словно приблизился вплотную, дабы не пропустить ни слова.

Демон ли это был, или ангел, чьим соглядатаем являлся и на кого шпионил, кто знает? Но стоило мне подумать о чем-то, к нашему миру не относящемся, или затронуть в разговоре какую-нибудь смутную тему, как рядом сгущался воздух и звенела от чьего-то невидимого присутствия тишина. А чего это он сказал? А до чего это он додумался? А не раскрыл ли он нашу тайну? Вот и сейчас этот невидимый тип внимательно меня слушал, а когда разговор перескочил на другую тему, потерял к беседе всякий интерес и исчез, будто его и не было.

Странные дела вокруг творятся, ей Богу! Еще удивительнее они выглядят, потому что происходят в самой обычной обстановке. Только потом, чтобы о них рассказать, слов никак не подберешь. Все-то слова выходят какими-то неточными, и оттого и рассказ получается скомканным и неправдоподобным.

Захочешь с кем-нибудь поделиться своей тревогой, но потом подумаешь: а стоит ли? Да так и промолчишь.

Иногда мне казалось, что Глаз этот не совсем как бы и Глаз, что он, несмотря на свой стеклянный вид, возможно, живое существо, и тогда я вынимал его из холодильника и клал на подоконник, чтобы он смотрел в окно и не скучал. И вот, в один из таких дней случилась в нашей отчизне перепись населения: по квартирам начали ходить со специальным фирменным портфелем специально обученные для этого дела студенты. Не миновала и меня сия участь.

Я провел переписчицу на кухню и пошел в комнату за стулом. А когда через минуту вернулся, девушки и след простыл. Только я собрался удивиться, как новый звонок возвестил о приходе очередной студентки. Новая переписчица оказалась здоровенным, пахнущим водкой гражданином, который, впрочем, быстро отклонялся. По завершению двойного визита я машинально раздвинул занавески на кухне и все понял. Вернее, ничего не понял. Одно было ясно – Глаз похитили.

Шли дни, и я забыл о своей необычной находке и такой же странной потере, потому как дел навалилось уйма. Я и поесть-то забывал, не то чтобы о глазах думать. Только когда работа была выполнена, а слой пыли на экране компьютера позволил нарисовать на себе перевернутую пентаграмму, я взялся за наведение порядка: мыл полы, двигал мебель и все такое прочее. Стронув с места диван, я вдруг услышал металлический звук катящегося предмета, а потом увидел Глаз, выскочивший на середину комнаты и там остановившийся. Возле него, у самого пола что-то шевелилось.

«Надо меньше глазеть в монитор», - подумал я, наклоняясь. Но компьютер тут был ни при чем. За месяц своей мнимой пропажи Глаз сильно изменился. Во-первых, у него выросли коротенькие ручки и ножки, торчащие по сторонам тулова, как глазки на картофелине. Во-вторых, Глаз – а с этого момента он стал глазом с большой буквы – смотрел на меня вполне осмысленно, по-человечески и даже задорно.

Глаз помахал мне рукой и произнес писклявым насмешливым голосом: «Чего уставился? Глаз что ли никогда не видел?»

«Это ты или не ты?» - опешил я, соображая, что в таких необычных случаях и вести себя нужно как-то по-особому, а выгляжу я как последний кретин.

«Разуй глаза! Не ты это, а я!» – подтвердил он громко.

Вот так и состоялось наше вторичное знакомство, вслед за которым я узнал, что Глазу жить у меня понравилось, что он познал чувство свободы, что возвращаться назад не намерен, что в его душевном облике произошли радикальные перемены и еще много других разных «что».

Теперь целыми днями Глаз сидел в кресле перед телевизором, периодически давя ногами кнопки пульта. Он постоянно курил самодельную трубочку и пил пиво, которое цедил из бутылки в наперсток при помощи пластикового шланга. Ночью Глаз спал под диваном, соорудив там нечто вроде лежанки. Такой образ жизни я не одобрял, но воспитательную работу с ним проводить было уже поздно, в чем я вскоре и убедился.

Как-то, зайдя в дом, я застал такую сцену. Глаз стоял перед зеркалом в клубах табачного дыма, выпятив грудь и расставив свои кривые ножки.

«Кто я, - спрашивал он заплетающимся языком и пошатываясь, - тварь дрожащая, или право имею?»

«Ты себе все мозги пропьешь», - заметил я.

«Да у меня нет мозгов», - невозмутимо парировал Глаз.

«И не кури так много, легкие же болеть будут».

«Да нет у меня никаких легких», - незамедлительно нашелся Глаз, и, надо признаться, его слова были предельно близки к правде.

А в другой раз я прямо-таки поморщился от громких звуков, настигших меня еще в прихожей, потому пришел усталый и больше всего на свете хотел тишины.

«Слушай, - обратился я к нему, - от телевизора, между прочим, тупеют».

«К этому и стремлюсь», - подмигнул он мне одним глазом.

«И от него еще зрение портится».

«У меня не испортится. Ты в моем глазу соринку нашел, а в своем бревна не видишь».

«Глаза б мои тебя не видели», - разозлился я.

Глаз подставил к себе монокль, согнутый им из медной проволоки, и высокомерно заявил: «Зови меня Божественным оком. И смотри, если ругаться будешь, сглазить могу. Ни один окулист потом не вылечит».

Так мы и жили в ссоре некоторое время, пока я не придумал, как отвлечь его от нездорового образа жизни и попутно воспользоваться его волшебными свойствами. Ведь с этим Глазом не нужны были никакие магические кристаллы. Скажу наперед, его дурные привычки никак не отражались на процессе ясновидения. Он всегда был навеселе, а когда напивался как следует, чудеса прозрения у него получались особенно выразительно.

Духовность – штука хорошая, когда у тебя всего остального навалом. Поэтому, первым делом я собирался применить Глаз для установления счастливых номеров в лотерее и определения результатов футбольных матчей, чтобы подключить к своему обогащению и тотализатор. А потом, возможно, и для сбора данных о будущих курсах валют и стоимости акций. Объясняя ему, что хочу, я ожидал отказа, одобренного разными колкостями. Но к моему удивлению Глаз неожиданно быстро пошел мне навстречу.

«Да, духовные zenки – это круто!» – подвел он итог нашему разговору, и эксперименты начались.

Как-то вечером посредством хлебного мякиша я прилепил Глаз к тому месту на лбу, которое зарезервировали для третьего глаза дотошные в оккультных делах индусы, мысленно произнес свое желание и закрыл глаза.

...Закованное в футуристические латы небесное воинство и их боевые машины разрывали на части воздух и калечили планету. Грозные корабли атаковали прозрачные купола на поверхности земли, а осаждаемые самоотверженно вели по наступающим плотный огонь. После попадания ракет купола взрывались, а защитники странной цитадели гибли, лишённые воздуха. Но и космические ракетноносцы взрывались не реже, мечя по мареву раскаленного от жара неба ослепительный и смертоносный салют...

Я открыл глаза от удивления и испуга, никак не ожидая увидеть вместо номеров счастливых билетов самые настоящие звездные войны. Но минул день, и опыты продолжились.

...Опрокинув свои маленькие головы в землю, они шли сосредоточенно, ровными рядами и в шашечном порядке. Их нескончаемая орда двигалась сквозь дома и деревья, придерживаясь единожды выбранного направления. Те, что покрупнее, одновременно походили на хищных доисторических

ящеров, боевых роботов и библейских херувимов. Твари поменьше – на пингвинов в стальных панцирях. Да, обычная наша твердь не являлась для них преградой, возможно, если бы чудища захотели, они могли бы походя смести все на своем пути, однако не делали этого. Они проходили сквозь препятствия, не повреждая их, словно явились из другого измерения... Дикое железное воинство двигалось всю ночь и только под утро огромная армия начала редеть и, наконец, скрылась за невидимым в городе горизонтом. На утро ровно с другой стороны неба поднялось над землей багровое солнце и, застыв на одном месте, словно раздумывая: «а надо ли?» нехотя поплыло кверху. Где-то наступал конец света, а у нас всего лишь становилось светло.

«Мне этого за глаза хватит, - подумал я тогда. – Теперь понятно, почему Глаз не хочет к своим возвращаться». Но прошло пару дней, и любопытство мое снова возобладало.

...Я оказался в ночном лесу на краю залитой серебряным светом поляны. Передо мной медленно шествовали высокие, одетые в белое фигуры. Создания двигались друг за другом гуськом, будто совершая какое-то ритуальное действие. Плечи у них отсутствовали, из-под ниспадающих капюшонов выдавались темные лица с большими, круглыми, горящими оранжевым огнем глазами. В мраке ночи их одеяния словно испускали свет. Движения фигур казались механическими, как у заводных игрушек. Они не шагали, а парили у самой земли. Эта процессия обезоруживала волю и пугала, хотя ничего мне угрожающего от нее не исходило. Погруженные в свои занятия ангелы – а ведь это, верно, были они - не замечали моего присутствия...

«Это не люди. Они вообще не относятся к живому и живым. Это машины, живые машины», - пришла тогда в голову жуткая мысль. Страх исходил именно от этого ощущения встречи с чем-то чужеродным, разумным, но нечеловеческим. Такое состояние, наверное, испытывает кролик, загипнотизированный удавом: ноги каменные, кричать нет сил и смысла, смерть заглядывает тебе в глаза. Я сознавал, что присутствую при какой-то важной, но чуждой мне церемонии и понимал, что увиденное не сделает меня ни умнее, ни счастливее.

Подведя предварительные итоги, я пришел к неутешительному выводу: чудесами, предоставляемыми

Глазом, нельзя было воспользоваться. О счастливых билетах и растущих акциях следовало забыть, ибо мистика не желала конвертироваться в твердую валюту. А с другой стороны и за любые деньги не получалось купить билет в Царствие Небесное. К тому же желание туда попасть у меня быстро отпало - больно уж страшным и неудобным сие царство выглядело.

Несмотря на все свои взрослые привычки, Глаз напоминал проказливого ребенка, однако в его поведении угадывалась некая игра, которая, до поры до времени, устраивала нас обоих. Уходя из дома, я каждый раз беспокоился о нем, словно о каком-нибудь щенке. А не забыл ли я налить воду в блюдце? И не слишком ли он скучает в одиночестве? Но после таких, уж не знаю, как их правильнее назвать, перехваченных с его помощью трансляций, я отчетливо осознавал, что мы, люди, – слепые котята перед неведомой нашему разумению силой. И наш небесный хозяин уже давно смотрит на нас, словно раздумывая: быть нам или не быть? Погубить этих людишек, или пускай живут дальше?

А однажды, снова затеяв опыты, я закрыл глаза и ничего не увидел, только в голове моей четко прозвучали тихие слова: «Они ищут, уже нашли и скоро будут здесь». Как я разволновался! И не я один, потому что и Глаз после этих мыслей сразу протрезвел и почувствовал себя неважно. Однако это «скоро» растянулось на две недели.

С того случая Глаз словно подменили. Телевизор был забыт. Пьянство прекращено, курить Глаз, правда, не бросил, но я понимал, какой нервный период для нас наступил и что Глазу требуется психологическая разрядка. Пара плат от старого компьютера и прочей технической рухляди, на которые Глаз давно глаз положил, пошли в дело. Наблюдая, как лихо он управляет с маленьким паяльничком, я думал: «Глаз у него набит, и он знает, что делает». Спал Глаз теперь на подоконнике и казался, наверное, из-за света фонарей, каким-то неживым, сам на себя не похожим.

Как-то ночью я проснулся от уже знакомого мне ощущения присутствия рядом чего-то чужеродного. Я медленно приоткрыл глаза и узнал длиннорукий силуэт за окном. В этот момент серебристый костюмчик ступил на подоконник худенькой ножкой и хмыкнул. Тень незваного гостя скользнула по полу,

выпрямилась, поднесла к лицу раскрытую в ладони руку, снова хмыкнула, шагнула с подоконника на карниз, а с него - в девятиэтажную пустоту.

«Черт, черт, черт!» - стучали в виски мысли, пока я медленно приходя в себя. Но тут хмыканье за окном повторилось.

«Что там еще?!», – подумал я и опять притворился трупом.

Через секунду из воздуха за стеклом материализовался худосочный пришелец. Он сдвинул ладошки лодочкой и приставил безносое лицо к стеклу, дабы рассмотреть комнату повнимательнее, и, видимо убедившись, что все в пределах нормы, исчез из рассказа окончательно.

Какой уже может быть сон после этого, полежав, глядя в потолок еще с полчаса, я поднялся с постели, включил свет и остановился посреди комнаты.

«Ну, вот и все, - проговорил я. - Был Глаз, и не стало Глаза».

И тут - а вы-то уже дано все поняли - Глаз выкатился из-под дивана, сделал стойку на руках и принялся хохотать, катаясь по полу и держась от смеха за бока.

«Поднимите мне веки! - пищал он. - А то лопну от смеха! Дайте мне глазных капель! - вопил он. - Не то помру!»

Пока Глаз дурачился, до меня дошло, что идея подсунуть пришельцам двойника, была и в правду великолепна.

Наконец, Глаз успокоился, налил себе полный наперсток, выпил, снова налил и произнес:

«Ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его».

«Это ты о чем?»

Глаз принял позу пророка и выдал следующее: «Избранные будут вознаграждены мудростью, и все они будут жить и вновь никогда не согрешат ни по нечестию, ни по гордости: но мудрые будут смиренны. И они не согрешат вновь, не будут грешить они все дни жизни своей, не умрут они от божественного гнева и ярости, но исполнятся числом дней жизни своей. И жизни их умножатся миром, и годы веселья их приумножатся, в вечной радости и мире, все дни их жизни».

«Чего-чего?..»

«Эх, человек, прости меня, Господи! Наивное, ты, дитя природы, - произнес Глаз, смерив меня насмешливым взглядом. – У меня тост, - продолжил он уже серьезно и, подождав, пока я

наполню стакан, поднял наперсток и провозгласил. - Смотри в оба!»

Ганс Шлюхер спасает мир

События, о которых я хочу рассказать, начались в середине сентября 1942 года, когда немецкие субмарины, изучая подводные гроты Антарктиды, нос к носу столкнулись с кораблями атлантов. Вначале немцы заподозрили в них подлодки пронирливых англичан, но, пораженные внешним видом судов и диковинным вооружением, признали, что обнаружили подводную базу иного происхождения. Чуть-чуть не устроив в ледовых лабиринтах небольшую войнушку, моряки поняли, что встретили под водой развитую цивилизацию, исчезнувшую из анналов истории с того момента, как эти анналы только стали сочиняться. А представители славной Атлантиды тоже признали в немецких экипажах братьев по разуму.

Далее во всю мощь заработали сотрудники Туле и Аненербе, в результате чего языковой барьер был преодолен, торговый оборот набрал силу, а гордые, но наивные атланты, давно отгородившие себя от мира, поверили, что весь свет ополчился на бедных арийцев с единственной целью - стереть представителей высшей расы с лица земли. Так как и атланты считали себя высшей расой, военный, торговый и культурный союз между народами возник как бы сам собой, и дело было за малым – уничтожить каждого, кто поднял оружие на невинных потомков Баха, Шиллера и Лютера. Разумеется, эти контакты выглядят сейчас чудом, но тогда шла война, и о чудесах мало кто задумывался.

Когда немецкие войска с боями отступали по всем фронтам, не стоит сваливать победы союзников только на остервенелость русских. Дело в том, что по приказу фюрера лучшие силы Рейха были задействованы на базах, размещающихся подо льдами Антарктиды. Там они, вооружившись технологиями и материалами атлантов, ковали оружие победы, противостоять которому не мог в то время никто. Пресловутые реактивные Фау, каковыми немцы методично обстреливали Великобританию, служили лишь маскировкой великих военных

приготовлений. Сами атланты тоже не собирались стоять в сторонке, намереваясь вывести свой подводный флот для уничтожения любой сухопутной или морской цели, на которую только укажут немецкие адмиралы.

Что это были за корабли, можно отчасти судить по «Наутилусу» капитана Немо, который не строил свою подлодку, как утверждал фантазер Жюль Верн, а взял ее в аренду у атлантов, клятвенно обещая уничтожить субмарину в случае форс мажорных обстоятельств, что, как вы знаете, и случилось во время извержения вулкана на «Таинственном острове». Если бы Немо нарушил условия сделки, открыв технологии Атлантиды французскому Генеральному штабу, его ждала бы неминуемая гибель от ракетного залпа с любой субмарины атлантов, которые в ту пору активно ходили в океанских глубинах, о чем мы можем судить по многочисленным фактам очевидцем, принимающих эти подводные суда за гигантских морских змеев. Но оставим Немо и змеев в покое.

Как свидетельствуют пока еще не рассекреченные архивные документы, по сигналу из ставки фюрера в море должны были выйти сотни субмарин, несших в своем чреве десятки смертоносных ракет и сотни летающих тарелок. В результате чего ход войны менялся буквально в считанные минуты, а театр военных действий закрывался на переучет.

* *

Историки многие годы спорят о роли личности в истории. Одни уверены, что, мол, личность в истории – это просто тьфу и пустое место, другое настаивают на том, будто личность может перевернуть историю вверх ногами, направить ее вспять или порезать на произвольные лоскуты, а потом сшить, как придется. Дискутируют историки сообразно реалиям, внутри которых спорят, как-то: финансирование, существующий строй, мода текущего момента, политическая конъюнктура, распоряжения сильных мира сего и собственные пристрастия. Поэтому роль личности в истории так до сих пор и не определена. Зато мы знаем немало великих личностей, которые творили историю ценой своей жизни или репутации. Как здесь ни вспомнить Лемюзля Гулливера и барона Мюнхгаузена?

Я же хочу поведать вам легенду о безвестном герое тех дней, но несомненно, личности, изменивший историю, хотя и не

оставившей в ее анналах никакого вещественного следа, как, впрочем, и подобает истинным титанам человечества. Итак, имя героя моего рассказа - Ганс, а его фамилия – Шлюхер. Если вкратце, то детство Ганса было безоблачным, юность – интересной, а зрелые годы – обильными на детей, внуков и воспоминания.

«Деда, а деда - пристаю к нему избалованные внуки, - расскажи нам сказку». И тогда Ганс Шлюхер откладывает в сторону пенковую трубочку, рассаживает молодежь на колени – троих на левое и троих на правое - и начинает говорить сквозь ницшевские усы о драконах, обитающих а дальних горах очень-очень далеко от Буэнос-Айреса, о принцессах, которых эти драконы похищают, и о храбрых рыцарях, добывающий себе невест прямо в из пасти злобных чудовищ. Несомненно, Ганс знал и другие истории, непосредственно из своей полной тайн жизни, но ни о чем таком никогда никому не рассказывал. Да и кто бы его о том попросил? Да и кто бы ему поверил?

Ганс Шлюхер происходил из старинной, но странной в социальном отношении семьи немецких бюргеров, что было не редкость в годы разрухи и запустения, опустившихся на Германию после поражения в Первой мировой войне. Его мать – некогда известная на всю Европу оперная певица - содержала заведение с девочками в Берлине, а отец – в прошлом хозяин знаменитой пивной в Мюнхене, с которой и начался потом пивной путч, - дирижировал дрезденским филармоническим оркестром. Ганс, как говориться, с младых ногтей повидал жизнь с разных сторон: в юные годы околачивался в пивной отца – строгого, но справедливого господина, настоящей опоры государства, а возмужав, пропадал в доме, где всеми делами заправляла его матушка – добрейшей души человек. Юноше пророчили блестящее будущее, но наступил 39 год, и будущее большинства немцев резко стало одинаковым.

* *

В 1942 году мир погряз в войне, как патологоанатом в трупах, а возмужавший Ганс Шлюхер, как истинный ариец, прошел специальную полугодовую подготовку в подземном бункере военно-морских сил. Затем, так ни разу не побывав с того времени ни на поверхности моря, ни на поверхности земли, был снабжен меховой одеждой и отправлен в чине ефрейтора

далеко-далеко на юг. Так далеко и глубоко к югу, что вряд ли мог себе когда-либо представить. Именно в ледяных штольнях Антарктиды, вырубленных в километре от поверхности материка, проходила его служба особо секретного связиста.

В то время как лучшие умы Германии мастерили в ледовых катакомбах смертоносное оружие, предаваясь в свободное от работы время злоупотреблению алкоголем, табакокурением и сексом, Ганс - простой солдат - мечтал лишь о том, что тоже когда-нибудь сделает нечто очень важное и полезное для Германии, и даже для всего человечества в целом. Однако шансы Шлюхера были близки к нулю.

Его рабочим местом служил выдолбленный во льду куб четыре на четыре метра, где едва размещались стол, стул, рация и койка. Дверь в этом ледяном гробу не предусматривалась. И Ганс проходил военную службу, словно заточенный в каменный мешок буддийский монах. Три раза в день чья-то довольно-таки волосатая рука доставляла горячую пищу в его склеп через узкий лаз, и столько же раз в день ему позволяли справить нужду в глубокую, кончающуюся, как ему казалось, где-то в самом центре Земли, яму. Вся работа Ганса заключалась в ожидании особой радиограммы и нажатии вслед за этим секретной кнопки, вмонтированной намертво в ледяную столешницу.

Честно говоря, Ганс за всю свою строго режима службу ни одного атланта так и не увидел, он вообще не знал, что творится вокруг, существует ли еще мир, и есть ли на свете какая-нибудь добрая душа, которая поможет ему выбраться из ледяной склепа. Никаких развлечений у Ганса не было кроме, разве что, ежемесячной возможности послушать на трофейном французском граммофоне заезженную до треска пластинку с песней «Лили Марлен». Да и это казалось ему каким-то дивным, даже нереальным праздником. Так и шла его служба, не разделяясь на дни, ночи, месяцы и годы.

* *

Седьмого февраля 1945 года, в три часа утра по Гринвичу из ставки Гитлера пришел приказ о вступлении в силу плана «А» (то есть «Атлантида»). Ганс долго читал радиограмму, словно прикидывая, не розыгрыш ли это. По правде говоря, по причине своего длительного заточения, он давно не мог найти разницу

между вымыслом и реальностью, но на шутку донесение походило мало. Одно он понимал отчетливо: если время «А» наступит, от мира мало что останется.

Так совпало, что это был именно тот день, когда ему давали послушать «Лили Марлен». И он послушал пластинку раз, другой, третий и в четвертый, и в пятый раз, а когда в узком лазе возникло недовольное лицо охранника, Ганс смахнул рукавом сентиментальную слезу и проговорил: «А хрен с ними, с этими атлантами», и вместо зеленой кнопки, открывающей шлюзы подводному флоту, нажал красную, которая затопила ледовую базу союзников вместе со всеми ее обитателями и приготовленным к бою вооружением.

Одноместную утепленную подводную лодку на ручной тяге Ганс нашел, протиснувшись через лаз пещеры, в соседнем помещении, около застрелившегося от страха охранника, и два с половиной месяца добирался до широты мыса Горн. Во время частых штормов он уходил под воду и крутил винт велосипедными педалями, а в ясную погоду всплывал на поверхность, устанавливал самодельный парус и переходил на весла. Длительные тренировки в гитлерюгенде закалили его дух и тело, поэтому он проскочил мимо Фолклендских островов и сдался властям лишь в порту Буэнос-Айреса.

«Сдаться властям» не слишком-то удачная фраза для событий, которые произошли с ним на берегу. Простые аргентинцы: моряки, контрабандисты, грузчики, торговцы краденным и портовые проститутки, узнав, в чем дело, в порыве радости подхватили Шлюхера на руки и с возгласами: «Шлюхер! Шлюхер!» стали подбрасывать Ганса к небу, так что полицейские никак не могли подобраться к герою, чтобы упрятать того за решетку.

«Зачем вы спасли мир?» «Вы гомосексуалист?» «Что побудило вас совершить этот странный поступок?» «Каким одеколоном вы пользуетесь?» «Вы сделали это по глупости или по простоте душевной?» - обступили его, образовав еще один плотный круг, набежавшие со всех сторон газетчики.

«Сам не знаю, - честно признался немногословный с детства Ганс, обескураженный таким вниманием. После двух лет одиночества, проведенного под километровым слоем льда, он совсем потерял дар речи, - наверное... маму... вспомнил...»

Тут, протиснувшись через ряды ошалевших от горячей новости писак, на передний план рассказа выступила красивая зеленоглазая портеньос.

«Сеньор?! Не угодно ли комнату?! Во всем городе не найдете дешевле и удобней».

Глаза молодых людей встретились, и Ганс кивнул.

Норвежский секрет

Великий норвежский драматург Уильям Шекспир сидел дома у камина и потирал ушибленные места. Уже в который раз его соплеменники не приняли в расчет творческое состояние его нежной души и навалили ему, не скупясь, на долгую память.

Откровенно говоря, великим норвежским писателем Уильям Шекспир считал себя в одиночку, ибо ни один человек в Норвегии таковым его не считал. Да что там великим, хорошо еще что хоть имя, довольно странное для этих мест, как-то прижилось в округе, и ни один скептик не сомневался в том, что он Шекспир, а имя у него Уильям.

Кто-либо, уроженец другой местности, перекатывая на языке звуки странного имени, замечал: «никакой он не норвежец» или «видали мы таких норвежцев», но оказался бы не прав. Судите сами: дед Шекспира по материнской линии был родом из Рекьявика, а супруга деда родилась и всю свою долгую жизнь прожила в Копенгагене. По отцовской линии творился такой же интернационал: дед родился, вырос и возмужал в городе Стокгольме, а со своей будущей женой познакомился, будучи по торговым делам в Хельсинки. Поэтому Уильям Шекспир считался стопроцентным норвежцем.

Уильям писал пьесы, до которых никому не было дела, и складывал их стопкой в стол, а чтобы заработать себе на хлеб с икрой - ее в норвежских краях было больше чем хлеба, - баловался фантастическими рассказами, которые публиковал в местной газете. В остальное время он вырезал и потом расписывал под Хохлому деревянные ложки, каковые с успехом шли на ярмарках в праздничные дни.

«Да» - думал Уильям уныло, каждый раз возвращаясь с торжища, - Кому нынче нужны пьесы? Никому! А кому нужны

ложки? Да всем!», - и с этими безрадостными мыслями заходил к себе в жилище, садился у камина и пил горькую.

Хотя ложки приносили немалые доходы, Уильям очень переживал, что с пьесами у него полный затык, и со славой писателя ничего не клеится. Вернее, клеиться-то клеилось, но читатель на его серьезные произведения не клевал. Население Норвегии не понимало ни величие его драм, ни комизм комедий, а самого Шекспира не признавало в упор. Вот и сейчас Уильям с грустной улыбкой смотрел на падающий за окном снег и дописывал диалог, должный, по его мнению, быть кульминационным. Произведение называлось «Лампочка возмездия», а тамошние события разворачивались в глубоком космосе в решающий момент межгалактической междоусобицы.

* *

...В командную рубку ракетноосца быстрой и решительной походкой вошел первый помощник капитана – поджарый тридцатилетний вояка со шрамом на щеке.

«Милорд, мы захватили живого инопланетянина», - сказал он, когда отдышался.

«Но тот клянется, что он человек, - продолжил новость второй помощник, вбежавший в помещение вслед за первым и походивший на того всем, даже шрамом.

«А что, внешне никак нельзя определить? – удивился Дарк Пирсинг - убеленный сединой и тоже помеченный шрамами командующий флотом, раскуривая трофейную сигару с Арракиса».

«Нет, никак нельзя», - ответил третий помощник, незаметно проникнувший в рубку в этот момент. Когда помощники выстроились по стойке смирно плечом к плечу, определить, кто из них первый, а кто последний было практически невозможно...

* *

«А ведь ничего так, вроде, получается, - подумал Уильям Шекспир, - перечитав написанное. - Вы еще пожалеете, гады, что не признали меня при жизни», - сказал он, обращаясь, видимо, к снежинкам, поскольку в этот момент опять оторвал взгляд от листа бумаги и снова устремил его в сторону окна. Посидев так с минуту, Уильям вздохнул, налил себе полстакана и продолжил.

* *

«Хорошо, ведите шпиона сюда, - приказал командор, нахмурившись, - я знаю, как выводить на чистую воду этих подонков».

Первый помощник капитана посмотрел на второго, второй – на третьего, а третий исчез из помещения так же незаметно, как и появился, а через минуту в помещение приволокли пришельца.

«Да уж, - обошел его вокруг Дарк Пирсинг, и вправду на IP-инопланетянина не тянет! Как тебя зовут, тварь?» – спросил он без всякой паузы.

«Лайт Даун, сэр».

«И кто ты?»

«Милорд, я с вашего позволения ремонтник третьего разряда на вспомогательном корабле армады».

«Так, почему же эти люди, - командор обвел взглядом присутствующих, - считают, что ты пришелец?»

«Сам не знаю, милорд, - продолжил, заикаясь от испуга, ремонтник. - По приказу мастера я чинил обшивку нашего флагмана. Сидел снаружи и ставил заклепки, а тут на меня охрана со всех сторон набросилась».

«Клепал или расклепывал?!» - перебил его командор.

«Клепал, милорд, конечно, клепал. – начал Лайт Даун дрожащим голосом, - Как же это можно, чтобы в обшивке корабля была пробоина, а мы бы ее не задраили? Наше дело такое, ремонтное».

«Клепал, говоришь... Снаружи... Охрана набросилась... - Дарк Пирсинг тянул слова из горла словно резиновый зонд гастроэнтеролога. И вдруг без всякой паузы бросил. - Опиши мне чеснок».

«Чеснок?» – переспросил ремонтник, он явно не понимал, как ему выпутываться из этой истории и отвечать на такие каверзные вопросы.

«Ну да, чеснок. Или ты с ним не знаком, - продолжил допрос командор, - и никогда его не видел?»

«Почему же, знаком», - возразил, еще больше испугавшись, Лайт Даун.

«Ну, и какие ты у него можешь выделить качества характера?»

«Ну, чеснок... он прекрасный работник и хороший товарищ, - выпалил пленник. - И, конечно, он верен галактическому закону и клятве Родине», - добавил Лайт Даун на всякий случай.

«Правильно, гадина! - улыбнулся Дарк Пирсинг и въехал прищельцу по физиономии так, что у того чуть голова не отвалилась. - Пытать тебя, суку, будем».

«Но мы его уже пытали всеми способами, разрешенными межгалактической конвенцией», - отважились перебить босса первый и второй помощники.

«Конвенция, - скривил губы командор. - И что, никаких результатов?»

«Влезли ему, милорд, в самую голову, и никаких».

«Тогда я сам размажу по стенам этого ублюдка!»

Дарк Пирсинг выхватил из-за пояса лазерный испаритель и пустил его в ход. В эту минуту люк в командную рубку отворился и внутри оказался третий помощник.

«Милорд», - начал он, принохаясь.

«Чего тебе?»

«Как чего? Вы же приказали доставить сюда прищельца, вот я его и доставил. Он за дверью вместе с конвоем стоит».

«А это тогда кто был?» - обратился Дарк Пирсинг к первому, второму и третьему помощникам, с каждым словом все ближе приближаясь к диапазону крика.

«Ремонтник, сэр», - хором ответили подчиненные...

* *

Великий норвежский драматург Уильям Шекспир с удовольствием перечитал новую порцию написанного и дотронулся до разбитого носа. Зла на своих обидчиков он не держал, но синяки от его милосердия к ближним болеть не переставали. Уильям опять посмотрел в окно и нашел, что снегопад кончился и на самой верхотуре неба сияет молодой месяц. Честно говоря, за творческим процессом он совсем позабыл о его существовании.

«Вот ведь какие у нас дела сейчас в Норвегии творятся, - подумал Шекспир. Раньше, в стародавние времена уют был редкостью, стиральная машина - роскошью, а теперь в каждом доме своя переносная машина времени, и любому человеку позволено выбрать себе место и время обитания по собственной прихоти. Короче, где вздумается».

Это было абсолютной правдой. Единственное ограничение, налагаемое правительством на граждан состояло в том, чтобы они не создавали временных парадоксов вроде двойников. Такое хулиганство строго наказывалось властями, да и законопослушные норвежцы в массе своей не одобряли подобные вольности.

Уильям еще раз перечитал написанное, потом перевел взгляд на Месяц, поздравил его с окончанием снегопада, а затем разглядел в вышине черного неба зеленых светляков межпланетного рейса.

«Сидели бы дома. Книжки читали, а не летали туда-сюда, - подумал Шекспир с досадой. - Только небо коптят!»

От этих негодующих мыслей нос и правая скула литератора заболели еще сильнее, и мысли сами собой вернулись к вчерашнему инциденту.

С ним по соседству жил его старый приятель и собутыльник Эдвард Мунк, вернее, Эдвард Григ. Или нет. Скорее, Генрик Ибсен. Впрочем, какая разница! Когда Уильям творил, незначительные детали быта, как то: имена друзей, марки пива, названия стран и прочие мелочи напрочь выпадали у него из головы, и он с трудом контактировать с реальностью.

Прошлым вечером Уильям, по своему обыкновению, собрался к соседу в гости, чтобы сыграть в карты и развеяться. В доме у Эдварда, то ли Мунка, а, может быть, и Грига, частенько собирались гости. Несмотря на мороз, Уильям выскочил на улицу, и, в чем был, то бишь в домашнем халате и тапочках. В таком прикиде он добежал до соседской двери, хлопая себя руками по начинающим замерзать частям тела, и позвонил.

Дверь отворилась, и на пороге его встретил Уильям Шекспир. Шекспиры посмотрели друг на друга и враз вспомнили, что опять занимались дублированием. Оно сводилось к тому, что один Шекспир пил, словно Один, мед поэзии, не отрываясь на рутину жизни, а другой - выстрегивал ложки, помогая своему двойнику без перерыва наращивать литературные мускулы. Но, как вы уже знаете, по законам Норвегии это было очень и очень плохо, хотя по здравому разумению – довольно хорошо. На что ни пойдет начинающий писатель ради славы? Да на все.

«Черт!» – воскликнул наружный Шекспир.

«Черт!» – воскликнул Шекспир внутренний.

Забыть об удвоении! Это было непростительной ошибкой. Нет, Эдварда он не опасался, но его мог заложить какой-нибудь из соседей, и тогда, в общем и целом, ситуация могла обернуться совсем уж неприглядной стороной – солидным штрафом, лишением прав и изъятием машины времени сроком на год.

Пока они осознали, что натворили, внутри помещения послышались сердитые голоса: «Да кого это черт принес!» «Ничего не понимаю?» «Закрывайте дверь, вон сколько холода напустили!»

Наконец, из-за спины внутреннего Уильяма высунулись головы Фритьефа Нансена, Тура Хейердала, Кнута Гамсунга и Генрика Ибсена. Вместе с Эдвардами гости стали охаживать каждого из Шекспиров руками и ногами.

«Не бейте их так! – пробовал унять рассерженных друзей Пер Гюнт. – Минуют годы и Шекспир, как и я, пройдет через жизненные испытания и осознает ошибки молодости».

Но куда там. Уильямам методично, как это делают лишь в Норвегии, надавали по щам и прогнали восвояси, залепив на прощанье по увесистому пинку по филейному месту.

Побитый, но гордый Шекспир номер один остановился перед своим домом, обернулся и попытался погрозить соседям кулаком, однако Шекспир номер два, силой увел его в внутрь, где они оба залезли в машину времени, и, ругаясь друг на друга, исправили возникший по недосмотру темпоральный казус.

Шекспир снова дотронулся до разбитого носа и проворчал: «Нет пророка в своем отечестве. В этом времени и в этом месте мне всю жизнь придется ложки расписывать. Обидно!»

Вдруг некая странная идея посетила его голову. Он улыбнулся, поднялся с кресла и направился к машине времени.

Только утром соседи обнаружили, что дверь его комфортабельной избушки открыта, и за ночь в опустевший дом намело целый сугроб. Полицейские ничего подозрительного не обнаружили. Соседи тоже. История об удивительном исчезновении молодого дарования вскоре забылась. Но теперь имя великого английского драматурга знают все.

* *

«Какие ваши впечатлления о Норвегии – страны фьордов и викингов?» – спрашивает Пер Гюнт, обычно устраивающийся на лето экскурсоводом.

«Отличное!» – говорят в один голос туристы.

«А что бы вы еще хотели узнать о нашей стране?»

«Да чего там особо узнавать, – отвечают туристы, – и так все ясно. Одно не ясно, почему это у вас клубника вызревает, а у нас на той же широте только картошка растет?»

«О, – улыбается Пер Гюнт, – это наш большой норвежский секрет. А еще есть какие-нибудь вопросы?» – продолжает он по заведенной привычке, незаметно переводя разговор на литературу и искусство.

«Есть», – тянет руку какой-нибудь школьник-недоросток.

«Слушаю вас», – улыбается вежливый Пер Гюнт.

«Вот скажите, дяденька, а это правда, что Уильям Шекспир был на самом деле норвежцем?»

«Норвежцем?! Хо-хо! Ккто вам, молотдой человек, сказал такую нелепицу? Норвежцем. Надо же такое выдумать! Могу сказать вам вполне авторитетно: Шекспир был датчанином».

На этом месте экскурсовод всегда хитро улыбается, потирая то левый, то правый ус.

«Вот и я смотрю, чего это он про принца датского пьесу написал? – вмешивается в дискуссию, например, низенький, с пивным брюшком мужчина, видимо, отец школяра. – Родная кровь, значит, покоя не давала».

«Да что вы такое говорите, – возмущается какая-либо стоящая рядом туристка. Судя по ее еще плохо поставленному командному голосу, молоденькая учительница. – Шекспир о многом писал. И про сон в летнюю ночь, и о Ромео».

Пер Гюнт смотрит на нее бархатными глазами и, как заправский морской волк, мастерски маневрируя, уводит разговор в нейтральные воды.

«А вы, фрекен...»

«Ольга Сергеевна, меня зовут».

«А вы, фрекен Олга Серкгеефна своботны сеготня вечером?»

«А что?» – вызывающе парирует училка, в глазах которой начинают тлеть огоньки педагогического возмущения.

«Могу рассказать вам о Шекспире такое, чего ни в одной книжке не прочтешь».

Пятая колонна

Мы договорились встретиться у пятой колонны. У пятой колонны старинного здания. Встретиться и обсудить текущие вопросы. Текущие вопросы нашего движения и все остальные дела. Стратегию гражданского неповиновения не обсуждают по телефону, а инструкции по соблюдению конспирации не шлют по электронной почте. А так как наша миссия требовала огромного неповиновения и строжайшей конспирации, мы решили даже думать о наших делах как можно меньше, дабы ни единая мысль, появившаяся в информационном поле Земли, не могла навлечь на нас подозрение.

Что это за старинный особняк я вам не скажу. И даже об этом не подумаю. Таковы инструкции, а инструкции мы соблюдаем свято. Инопланетный разум, которому мы противостоям, везде имеет глаза и уши, я сам однажды видел ухо, высунувшееся из стены дома, и дважды скрывался от глаза, который следил за мной с Луны. Что особенно раздражает, так это то обстоятельство, что общественности нет до Разума никакого дела, хотя из-за деятельности Разума ноосфера планеты совсем прохудилась. Государственные мужи и чиновники всех уровней, ученые и религиозные деятели, будто сговорившись ничего никому не сообщать, все сие отрицают. И только мы – горстка отважных героев - сопротивляемся, лишь мы боремся с Разумом во имя и во благо всего человечества.

Давно минули времена, когда членов наших боевых ячеек он колот как орехи. Теперь нас не возьмешь голыми руками и не проведешь на мякине. Ныне мы всегда перешагиваем через трещины на тротуаре и моем руки при первой возможности. Мы не покупаем чипсы и даже не приближаемся к ним ближе чем на десять метров, потому что не на таких напали. Мы не едим арбузы, так как именно в арбузных семечках прячутся личинки нашего общего врага. Эти зловредные создания проникают внутрь человека, поселяются в его мозгах и оттуда, как с командного пункта, управляют им, постепенно превращая в сумасшедшего. Мы не делаем еще множество разных вещей для того, чтобы совершать иные.

О других ничего не скажу, ибо не велено, а наша боевая ячейка метит подозрительные деревья специальными зарубками. Мы ставим особые кресты на стенах домов, не

внушающих доверия, и завязываем ленточки на поручнях неубедительных по виду автобусов. Мы фотографируем странные облака, храним мобильные телефоны в холодильнике и выдергиваем колючки из кактусов. Наша бдительность постоянна, наши усилия неизменны, но меня все равно одолевают сомнения. Правильно ли мы поступаем, выдергивая колючки. Может быть, лучше их стричь?

Наша организация пользуется секретным оружием, о котором сказать вам ничего не могу, поскольку и сам толком ничего не знаю. Но уверен, пройдет каких-нибудь десять лет, и Разум не выдержит и покинет нашу Землю. Мы действуем в одиночку и парами, редко видимся или не видимся вовсе. Отчеты о проделанной работе мы фиксируем в дневниках, пользуясь шариковыми ручками без стержней, а записи немедленно сжигаем. Но меня все чаще и чаще обуревают сомнения, вдруг инопланетный разум успеваает их прочесть.

И вот, когда командир нашей ячейки назначил мне встречу, я пришел в условленное время к оговоренному месту и, не поверите, не нашел там пятой колонны. Я очень разволновался, и это явно не способствовало нашей борьбе и нашей встрече. Она висела на волоске, который я снял с плеча проходившей мимо блондинки.

Когда я считал колонны слева направо, у меня получалось четыре штуки, а когда пересчитывал их справа налево – шесть. Я пробовал подсчитывать колонны сверху вниз, а потом - снизу вверх, но ничего из этого не вышло. Тут-то меня осенило. И тут-то я понял, что нас предали.

Нужно было бежать, и я побежал домой. Необходимо было спрятаться, и я залез под кровать. Инструкция советовала нам исчезнуть, и я исчез – сложил себя в пластиковый пакет и ночью закопал его в лесу. Сам о себе не позаботишься, никто о тебе не позаботится. Теперь, когда меня не стало, я стал неуязвим, и никто не мог причинить мне вред, даже Разум. Я даже не помнил, где именно себя закопал, так как рыл яму в крошечной темноте. Поэтому теперь начал действовать открыто, хотя сомнения по-прежнему меня одолевают.

Я понимал, что прямой путь извилист, и на другой день, старательно петляя, снова пришел к условленному месту и опять пересчитал колонны. Как я ни старался, их всегда получалось от трех до восьми штук. Это навело меня на мысль,

что инопланетный разум хочет украсть у нас Солнце. Вы спросите, как я догадался? Все очень просто. На это указывало число «пять», которое получается, если от восьми отнять тройку. Хотя теперь я и в этом не уверен.

Недавно понял: телевизор показывает совсем не то, что нужно. Ему бы показывать одно, а он показывает совсем другое, не по тем каналам и не в то время. Наверное, это происходит от того, что телевизор не включен в сеть, и хотя это большая экономия электроэнергии, но, бывает, что становится не по себе. Радио тоже не на высоте. Написал об этом письмо, куда следует. Теперь жду ответа.

Видел на небе тайные знаки. Только хотел их зарисовывать, как они исчезли, пришлось восстанавливать иероглифы по памяти. Пробую письма расшифровать. Думаю, выведу Разум на чистую воду. В общем, если внимательно смотреть по сторонам, можно много странного и удивительного заметить. Кинокамера мне не мешает. Но где взять деньги? Придется выиграть в лотерею.

Неделю назад, возвращаясь с обхода, обнаружил за собой хвост – за мной бежала и что-то вынюхивала бродячая собака. Один глаз желтый, другой – черный. Слежка велась до самого подъезда. Неделю после этого не выходил из дома. Занавесил окна, не отвечал на звонки и не включал свет. Наблюдал в бинокль за прилегающими окрестностями, но собаки не обнаружил. Но меня просто так не проведешь: где-то в кустах прячется и недоброе замышляет.

После того злополучного случая я действую в одиночку. Чувствую в себе пробуждение новых и невиданных ранее астральных сил, только вот никак не возьму в толк, копить мне их дальше или начать расходовать? Вчера, курсируя по городу, нашел обертку от «Милки Вей». Принес ее домой, разгладил и подклеил фантик в качестве вещественного доказательства в журнал наблюдений. Там у меня скопилось уйма всего любопытного.

Иногда с ностальгией вспоминаю о работе нашего отряда. Не передашь, что тогда испытываю: одиночество, бессонницу, отчаяние, диарею и боль за судьбу человечества. С особой теплотой вспоминаю те моменты, когда мы громкими криками отгоняли прочь злокозненные облака, пытавшиеся заползти по ночам в окна домов, дабы навредить спящим. Правда, мы

будили весь квартал, и в наш адрес сыпались отборные словосочетания. Но что взять с обывателей? Они не ведают, что творят. Да, вот в какое время тогда было! Полное единение мысли, цели и действия! И как же приятно было ощущать рядом плечо друга и товарища по борьбе. Жаль, что эти дивные времена канули в лету, а может, куда и поглубже, или подальше.

А ныне каждый день, район за районом, я обхожу наш город, дабы держать руку на пульсе оперативной обстановки. Она по-прежнему тревожная. Не знаю, хорошо это или плохо, но кроме меня никто и ничего не понимает. Люди, словно слепые котята, не желают открывать очи, чтобы заглянуть в глаза действительности. А действительности и космическому разуму только это и нужно. Поэтому чувствую на себе тяжкий груз ответственности за все человечество, но пока я на своем посту, миру ничего не угрожает.

«Не допустим колонизации Земли!» Именно такой плакат я смастерил из подручных средств: черенка от лопаты и стенки от фанерного ящика. Надпись сделал прозрачными буквами. Кто знает, тот поймет. Часа два маячил с плакатом на самых оживленных улицах, но полицейские совсем не дают работать и защищать Родину! Насилу отбился, но плаката теперь у меня нет.

Недавно поднимался на лифте с каким-то подозрительным типом. Нормальные люди так не поднимаются. Спросил меня, какую кнопку нажать. Но меня-то на мякине не проведешь. Этажей в нашем доме девять, но я сказал, что восьмой, хотя живу на пятом. Как говорится, береженого Бог бережет. Сдается мне, что все это - звенья одной цепи. Только не знаю пока какой именно.

После этого случая решил помаленьку вооружаться. Приспособил шариковую ручку в качестве духовой трубки. Теперь дело за малым: нужно изготовить стрелки с отравленными наконечниками. Главное – достать яд. Хорошо, что в городе есть зоопарк, а в нем – змеи. Думаю, решу эту проблему в самое ближайшее время. Кстати о птичках. Начал разводить аквариумных рыбок. Аквариумы – это, между прочим, приличный запас воды и богатой фосфором пищи.

Видел летающую тарелку. Правда, она не летала, а висела над домом напротив. Набрался смелости и решительно подмигнул ей - она стала мигать в ответ синенькими огоньками.

Видимо, это было какое-то закодированное послание, но на азбуку Морзе не похоже. Азбуку я хорошо знаю. Наблюдал НЛО около часа, пока тот не растаял в воздухе. Думаю, уничтожил его силой взгляда.

Спасать человечество – дело трудоемкое, требует полной самоотдачи и всего свободного времени. Обложили, к слову сказать, со всех сторон. Думают, испугаюсь и приползу к Разуму на коленях сдаваться. Дудки! Мы еще посмотрим, кто и к кому приползет.

Осознав вероломство чуждого нам космического разума, я поступил так же вероломно: написал все это и обманом заставил вас дочитать до конца. И теперь уже ничего не попишешь, потому что дело, как говорится, сделано: вы прочли скрытое в тексте послание, и отныне ваша жизнь находится в моих руках. Мне осталось только выяснить, кто я: человек, инопланетный разум или кто-то еще.

Если я человек, то вам конец. Если я инопланетный разум, то мне конец. Однако, и надо это признать, мы все еще живы, и значит я – это кто-то еще. Скорее всего, я это вы, и поэтому всем нам сильно не поздоровится.

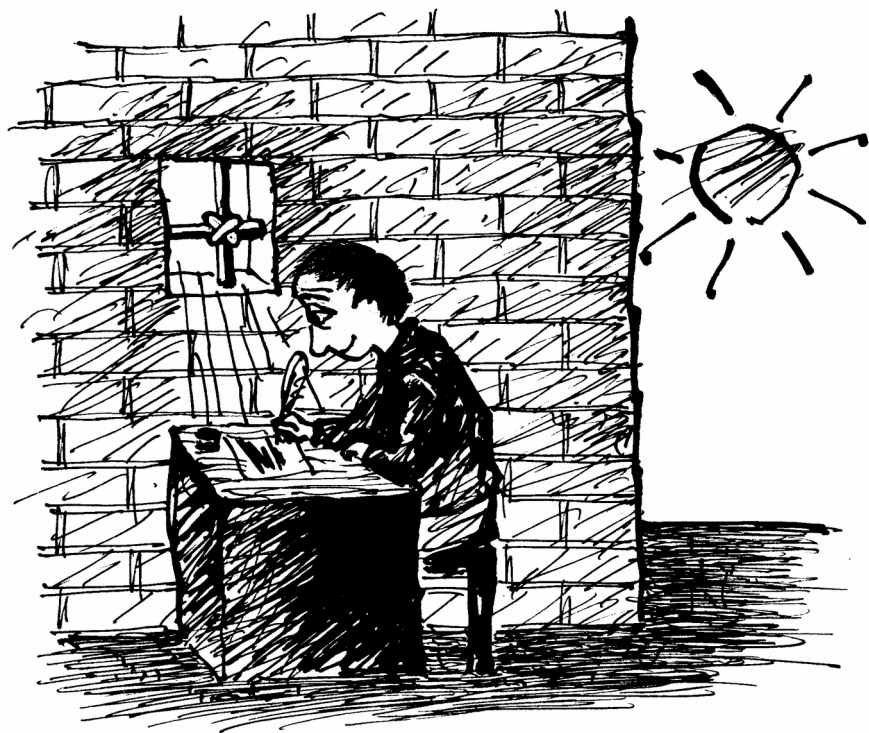
Хотя каждодневный мой распорядок не меняется, в воздухе витает ветер перемен. Ощуаю его темечком, поэтому сплю в шапке. На днях меня охватило необычайное волнение. Предчувствую наступление важных, можно сказать, исторических событий, участником которых стану. Откровенно говоря, жду только одного – приказа выступать и не выступаю только потому, что никто не отдает команды «к бою». И вот сегодня понял: приказ должен отдать я сам.

И эти пчелы... которые пролетают сквозь стены... пожалуй, с них и начну...

Человек, приносящий счастье

«Ars longa, vita brevis» – что означает: «когда я слышу слово «искусство», моя рука хватается за пистолет». Однако в данном случае она, в силу отсутствия пистолета, схватилась за карандаш. Так и появилось сочинение, которое вы сейчас читаете.

Вот же, как интересно выходит у нас, людей, со смыслом жизни. Этот самый смысл и все, связанные с ним приبلуды, так качественно перепутываются, что уже и не понимаешь, если он, этот чертов смысл, или его специально выдумали, дабы заставлять народ понапрасну сомневаться и зазря на что-то надеяться. В результате, получается: смысл в жизни есть, если его себе нафантазировать, и его нет и никогда не было, ежели ничего придумать не вышло. И что любопытно, может статься, что и без всякого смысла жизни все в жизни человека устраивает, как, например, у героя моего повествования.

Сей гражданин выглядел почти обычным, и его рождение не сопровождалось ни появлением таинственных знаков на Небесах, ни извержением давно заснувшего вулкана. В том, что он выкупился на свет Божий, не было никакого чуда, но в том, как он прожил отведенный ему при рождении срок, дотошный наблюдатель легко и слету различит сокровенные знаки судьбы и чей-то неземной промысел. Однако, в отсутствие оного, знаки никто не фиксирует и лишь я, в меру своих сил и возможностей, попытаюсь рассказать вам о самозабвенном героическом, но полностью лишенном пафоса пути.

А все потому, что тут мы имеем воистину выдающийся случай, не встречавшийся в практике общежития со времен грехопадения Адама, потопа и первой аварии летающей тарелки, так красочно описанной в индийских шастрах. Возрадуемся же, милые братья и сестры, ибо по моему скромному мнению, среди всех этих отморожков, гордо имеющих себя венцами природы и человеками разумными, не найти ни одного типа, прожившего столь же праведную жизнь.

Стоило моему герою родиться, как он почти сразу очутился в детском доме. Так он разом осчастливил маму, папу и всех остальных близких и дальних родственников, погрязших в пьянстве, табакокурении, базарах на неподобающие темы и прочих реакциях на экзистенциальные проблемы личного и

общественного свойства, о которых неоднократно писал Герберт Маркузе.

Возможно, на это малоприметное событие не стоило обращать внимание, но, как справедливо заметил китайский мудрец, путь в тысячу ли начинается с горстки песка, а девяти ярусная башня строится с первого шага.

Шло время. Мой герой окончил школу, освободив осчастливленных учителей от горькой обязанности учить такого олуха, а затем – институт, чем немало облегчил положение преподавателей. Выросши в абсолютно взрослого половозрелого мужчину, он осчастливил объект своих ухаживаний тем, что получил от ворот поворот, и девица сочеталась браком с совершенно непохожим на него типа, нарожала троих детей и успокоилась тихим семейным счастьем вместе со своим ожирением, отдышкой и целлюлитом. Однако на этом дело не кончилось.

Мой подопечный пошел на службу и, поработав на ней с полгода, уволился в самое подходящее для учреждения время. Он таким образом спас фирму и ее начальника от неминуемого краха, а сотрудников означенной конторы - от внешних дрызг и внутренних томлений, которые, как известно нам из Дейла Карнеги, повышению производительности труда не способствуют, но доводят, в лучшем случае, до суммы, а худшем - до тюрьмы.

Оставшись не у дел, наш самоотверженный обыватель распутывал чужие кармические узлы, так же просто как узелок на шнурке ботинка. Он исполнял чужие мечты играючи и самозабвенно и, будь он неладен, не мог поступить иначе. Так, одна старушка рассказала мне, будто, просто переведя ее через улицу, субъект нашего повествования не только указал ей дорогу к храму, но и привел бабулю непосредственно к оному.

Пытливый ум сразу смекнет, что он ни бельмеса не смыслил в провидении, роке и фатуме, однако всецело состоял у них на службе. Ведь комар, пьющий кровь вашего организма, дабы просто утопить голод, не ведает, что в награду за еду заражает вас малярией. Посему невозможно было убедить или разубедить нашего героя в истинности того блистательного поручения, той великой миссии, которые он каждодневно исполнял.

«А priori», то есть наобум, все мы только и думаем, как вырастить на замусоренном пустыре обыденности какую-нибудь развесистую клюкву пользы, но не у всех она затея тянется к свету, вернее, ни у кого подобное не выходит за редким исключением.

Мой подопечный жил среди людей неизвестным инкогнито потому, что всегда оставаться человеком в толпе и было его вторым призванием, вернее, сия роль досталась ему в качестве бонуса за умение наделять счастьем всех, кто в нем нуждался, и даже тех, кому оно было противопоказано. Сам же он уже к середине жизни сумел отделить зерна от плевел, волков - от агнцев и «Кока-колу» - от «Пепси».

«Чтобы освободить квартиру, нужно выносить из нее комнаты, но не нужно вносить в нее пустоту», - учил нас индийский мудрец, и наш герой не только верил в истинность этих слов, но на деле следовал сказанному. Личное счастье, захламляющее помещения его души, раздавалось им направо и налево, и только став чужим, обретало свое законное место, вплетаясь в общую гармонию Вселенной.

Плотная пустота его внутреннего мира становилась все плотнее, а ее бесплотное эхо надолго облюбовало место в его сердце, за что ратовал еще Нагарджуна. И наш подопечный не боялся этой добродетельной пустоты, ибо сам культивировал ее на грядках своих скромных добродетелей. Еще он чувствовал, что за его подспудной и незаметной работой внимательно наблюдают. Наверное, это был Бог или еще кто-нибудь в этом роде. Поэтому он старался на совесть. Или, как учит нас народная мудрость: заставь дурака лоб расшибить, так он найдет объект для молитвы.

Всю свою долгую жизнь мой герой с огромным удивлением взирал на людей, которые, как всегда, хотели всего, сразу и побольше и были, ввиду быстротечности человеческого существования, по-своему правы. А он, напротив, постоянно входил в положение, потому как не видел смысла уклоняться, неотлучно разделял тяготы, ибо всегда проще их разделить, ежедневно раздавал дары, поскольку дарить всегда легче, чем отбирать. Он так часто устраивал и изменял чужие судьбы, что остался без своей собственной.

Враги были уверены, что проявляют к нему, убогому, благосклонность, друзья полагали, что обмануть его, сам бог

велел. А он перестал оценивать чужие поступки и давать им названия, всецело сосредоточившись на чистых духовных эманациях. А как иначе? Ведь он был человеком, приносящим счастье. Посему он верил, когда другие веру теряли, и надеялся, когда последняя надежда умирала в железных объятиях чьего-либо эгоизма.

Проходили годы и десятилетия. Он донашивал свою карму как старую любимую футболку, расстаться с которой насовсем, как и показаться в ней на людях, практически невозможно, и прожил долгую жизнь, пережив многих, кого благодетельствовал. Иногда он, словно четки, перебирал образы встретившихся ему по жизни людей, и в эти минуты чему-то кротко улыбался. И только когда воспоминания становилось навязчивым, гнал их прочь. После чего досужие мысли разбегались по комнате, прячась, кто на кухне, кто под кроватью, а кто и под ковром. А затем, устыдившись, собирал их по комнате, гладил по головке и говорил: «Будьте и вы счастливы». (Я готов поклясться, что видел это лично, своими глазами.) После чего в его голове опять воцарялось безмятежное спокойствие вершителя блага.

Наконец, как это нередко случается у людей, мой герой умер от старости. Несмотря на его отсутствие в реальности, чудеса со счастьем продолжались и после этого прискорбного, но совершенно неприметного для окружающих события. На месте меж могил, где рассыпали впопыхах прах моего подопечного, выросла невообразимо густая трава, непрерывно колосясь с одного края и постоянно расцветая с другого. Кладбищенский сторож сразу распознал в этом чудодейственный феномен и посещал святое место, дабы распить там бутылочку, а затем соснуть на зеленом ковре счастливым сном ребенка. Он не понимал, как пугает редких посетителей своим лежащим в блаженстве мертвеца пьяным телом. Но, как говаривал Святой Сальвий, простим простого простеца.

Однажды какой-то выживший из ума мичуринец обнаружил в заветном месте необычно зеленую буйность трав. Очень удивившись, ботаник установил в означенном промежутке колышек с латунной табличкой, на которой нацарапал нечто полатыни, потому как имя моего героя так и осталось для обитателей планеты Земля совершенно неизвестным.

А в другой раз проходил мимо этого уголка в глубоком раздумье, где бы разжиться для своих хозяйственных потребностей кое-какой металлической шутовкиной, один мужичок. И вот, оторвав зачарованный взгляд от куска грязи под ногами, он сразу увидел перед собой то, что искал. Так сбылась последняя мечта нашего счастьеедателя – он отдал последнее на радость совершенно незнакомому человеку уже после своей физической пагубы. И разве это не есть чудо?

С этой минуты он стал полностью никем и ничем – чем-то средним между стрекозиным полетом июля и морозным запахом декабря. И только уже упомянутый выше сторож все приходил и приходил на дивное место, и такие счастливые сны ему после этого снились, что нет на свете таких слов, чтобы выразить посещавшую его душевную благодать.

За постоянными трудами по осчастливлению человечества мой герой не успел сделать самого главного – осчастливить самого себя. В чем и состоит его жизненный подвиг и ужасный грех. Такова, уважаемые, или проза его поэзии, или проза его жизни, а вернее, поэзия его прозы. Чего сказал, сам не пойму, но получилось красиво. К тому же есть данные, что наш персонаж умер не просто, а необыкновенно, ибо душа его все же нашла для себя подходящее для горней жизни место и применение.

Одни говорили, что она, как библейский Иаков, приставила лестницу к Небу и, бесцеремонно растолкав ангелов, взобралась по ней наверх прямо в рай. Другие божились, что она, словно даосский монах, села на визуализированное облако и улетела на нем в края просветленных, проглотив по пути пилюлю бессмертия. Третьи утверждали, что душа нашего героя вообразила себе прибытие люмьеровского поезда, села в подкативший к ней вагон и уехала в счастливую страну без границ и названий. Разное люди говорили.

Разрешите же закончить мой рассказ кратким, но вдохновляющим выражением древних: «Per aspera ad astra», что означает «через колючки к планетам». Не знаю, при чем тут латиняне, колючки и планеты, но выражение это как нельзя лучше определяет устремленность героя рассказа к не самым героическим, но таким важным для нашей Вселенной и всех ее обитателей поступкам.

«Богородице Дево, радуйся».

Оно

Оно ожидало нас у реки и внимательно следило за нашей переправой. Брод был неглубоким, вещей немного, мы чуть-чуть нервничали, но, в конце концов, оказались на высоте положения: ничего не уронили, не намочили и не потеряли. Все же это очень странное ощущение, когда знаешь, что кто-то невидимый за тобой наблюдает непонятно с какими намерениями. А если происходит такое в глухом лесу, и помощи ждать неоткуда, поневоле ведешь себя nervozно, скованно и предельно осторожно. Вдруг ты чья-то добыча.

Обычно чувствуешь присутствие нечто совсем рядом, Оно заходит то слева, то справа или забегаеt вперед, и тогда перед нами взлетают и кружат в воздухе чем-то озадаченные птицы. Если мы устраиваем привал, Оно останавливается поодаль, и каждый из нас может указать рукой, где именно. По нашим расчетам мы дойдем до места уже завтра, а наш необычный провожатый следует за нами уже третьи сутки.

Почему я все это пишу? Не знаю. Наверное, так будет проще разобраться с тем, что со мной и с нами всеми происходит. Мои друзья держатся нарочито уверенно и не подают вида, что им тоже страшно. Ситуация-то дикая. Ребята сидят у костра, пьют чай и рассказывают разные байки. Наверное, для подъема настроения и боевого духа. Оно слушает наши рассказы и больше никак себя не проявляет.

Пашка - несостоявшийся геолог, увлекается северной мифологией. Он давно хотел изучить этот валун, вот почему мы отправились в это путешествие. Пашка человек серьезный, и все знает о ледниковых периодах и камнях, которые ледники притащили на своих спинах в наши равнинные холмогоры. Наверное, он провидец, потому как нутром чувствует, куда идти, ведь по нашей карте, нарисованной карандашом на листке из школьной тетради, далеко не уйдешь. И еще он первый почувствовал, что мы здесь не одни.

Андрюха у нас маг, мы его так называем, потому что он увлечен северной магией и руническими надписями. Наши предки считали такие валуны священными, устраивали вокруг них капища и вырезали на поверхности камней замысловатые знаки. А кто я? Да просто человек, которого взяли в поход за компанию. И вот уже третью ночь мы говорим не о северных

мифах и обрядах, но о привидениях, вурдалаках и прочей нечисти, ведь Оно стоит шагах в десяти от костра, и, видимо, слушает. А бывает, ходит вокруг палатки, не примяв к земле ни травинки и не хрустнув ни единой веточкой.

Об Оно говорить и писать не принято – обвиняют в легковерии и будут считать сумасшедшим. От этого легенда об Оно такая устойчивая. Если человек оказался в этих местах, Оно всегда рядом. Путник чувствует присутствие Оно вместе с неожиданным звоном в ушах, ну и лесные звери на Оно очень даже реагируют. Легче всего считать Оно лешим или какой-нибудь кикиморой. Но что это меняет? Легенды об этом существе имеются, однако никто точно не знает, что это такое и как выглядит. У него даже названия нет, сие вводит в смущение этнографов, головы которых переполнены именами загадочных существ. Много ли их? Долго ли живут? Откуда берутся? Почему ведут себя подобным образом? Ничего не понятно. Можно всю жизнь прожить одному в лесной сторожке и ни разу с ним не встретиться, а можно нарваться на Оно с первого раза.

Ребята уже как-то попривыкли к нашему мистическому эскорту, выпили чаю и пошли спать, а я устроился у входа в палатку и еще долго смотрел на тлеющие угли костра, у которого сидело Оно, и, кажется, о чем-то думало. Я тоже все думал-думал, да так ничего и не придумал. Черт его знает, что это такое, зачем к нам привязалось и чего от нас хочет.

На следующий день мы нашли то, что искали – здоровенный белесый валун с руническими письменами на боках, и так были заняты находкой, что забыли о своем соглядатае. Андрей ковырял вокруг землю, однако артефакты наших пращуров так и не нашлись. Паша внес в карту какие-то одному ему понятные пометки, а потом достал из рюкзака альпеншток и отколол от глыбы несколько кусочков для дальнейшего изучения, чем остался вполне доволен. Ну а я сфотографировал находку со всех сторон и даже, на всякий случай, перерисовал руны. Камень здоровый, почти такой же, как у Плещеева озера.

К вечеру, на фоне кустов, наш артефакт стал похож на большущего белого медведя. Я ребятам об этом сказал, а те посмеялись, но согласились. Мне и самому смешно стало. Ну откуда в тутошних местах белые медведи? Тут и бурых-то давно никто не встречал. В общем, напряжение последних дней как-то

отступило, мы почувствовали себя обыкновенными туристами, а лагерь разбили прямо на капище. А расслабились мы зря.

На следующее утро случилось нечто. Утром Андрей первым собрался к ручью умыться и не вернулся. Через полчаса обеспокоенный Паша направился за ним следом и тоже пропал. Искал их весь день, заблудился и еле-еле нашел обратную дорогу. Очень устал, но не сомкнул глаз до рассвета. Боялся. Честно говоря, я в полной растерянности и не знаю, что делать.

Где я нахожусь, знаю лишь приблизительно. Куда идти, не понимаю. Ребят нет. Пропали бесследно. Оно торчит, по своему обыкновению, рядом. Сейчас ночь. Пятая ночь с тех пор, как мы стали здесь лагерем. В свете костра смотрю на этот заколдованный камень, и мне совсем не до сна. Вспоминаю Пашкины истории об исчезновении людей. Одна другой загадочней. Он мастер на такие рассказы. Андрей про зловредную магию рунических надписей что-то говорил. Что, мол, есть такие, которые лучше не читать и даже и не смотреть в их сторону, чтоб беда какая не стряслась. Конечно, все это глупые суеверия, но, сказать по правде, мне совсем не весело.

Любопытно, но меня начали навещать лесные звери. Уже видел кабанов и парочку зайцев. И они совсем не боятся человека. Чувствую себя, ну, прямо Святым Антонием. Делаю наброски с натуры. Когда рисую, чувствую, что Оно стоит сзади и следит за моими штудиями. Раз набрался смелости, упал на спину и попытался Оно схватить. Не вышло.

Сиюю целыми днями у палатки и чего-то жду. Сам уже не знаю, чего именно. Ребят нет, Оно тоже куда-то подевалось. Такое ощущение, будто меня загипнотизировали. Страх, который владел мной прошел, но появилось нечто новое – тревожное чувство неизбежности. Скорее, это опасение не выдержать напряжения, сорваться, сойти с ума. Чтобы этого не случилось, аккуратно веду записи: «Нет никаких следов борьбы или указаний на несчастный случай. Пропали один за другим. А может и я тоже пропал, только не знаю об этом?» В общем, бред какой-то пишу...

Вчера, будучи у ручья, наклонился к воде - и не увидел своего отражения. Вернулся в лагерь, достал зеркальце – результат тот же. Проклятое это место. Потом руны рассматривал. Неужели из-за них все приключилось? Или это Оно постаралось? Начал вспоминать, как меня зовут, да так

ничего и не вспомнил. Я в большой растерянности. На душе кошки скребут.

Делаю последнюю запись. Смысла в моем дневнике больше нет. Я здесь уже десятый день, и ничего не происходит. Странно, но ни есть, ни пить, ни спать мне не хочется. Я не чувствую ни жары, ни холода и хорошо вижу в темноте. Отражение мое так и не появилось. Следов на земле я тоже не оставляю. Но это ерунда. Сейчас меня интересует только Оно. Его нужно поймать, и я это сделаю.

Сила любви

Пока иностранцы с присущим им бахвальством и самонадеянностью сообщали научной и обычной общественности о клонировании овечки Долли и безымянных кроликов, в нашей отчизне тихо и деловито двигались в том же направлении. Однако отечественные ученые сразу для себя решили, что овцы и кролики – это не наш, не российский масштаб, и сразу занялись более амбициозным проектом. В одно и то же время с заграницей, в секретной лаборатории Министерства Порядка закипела работа, в результате которой по фрагменту нижней челюсти был выращен клон не какого-то барана, а самого Адольфа Гитлера.

Секретный младенец, названный Иваном, носил фамилию своих приемных родителей и сначала находился на попечении генетиков и педиатров особого отдела Министерства Порядка. Когда же мальчуган подрос, ему сделали все необходимые в таком случае прививки и отправили в дальнейшее Подмосковье, дабы ребенок рос и развивался в окружении природы и на свежем воздухе.

Мальчик квартировался на благоустроенной даче в бездетной семье отставного работника того же Министерства под неусыпной заботой врачей, воспитателей, педагогов и тренеров. Только иногда ребенка навещали важные столичные гости, которые делали нужные замеры и брали необходимые анализы, и довольные отправлялись восвояси. В медицинской карте клона не было отмечено ни одной серьезной болезни, кроме детских. Некоторая нервность мальчика объяснялась генами и

купировалась подвижными играми, чтением и просмотром позитивных кинофильмов.

С молодых ногтей Ваня проявлял большой интерес к искусствам и тянулся к живописи. И это его увлечение всемерно поощрялось. Упорные занятия с репетиторами привели к тому, что Иван окончил школу экстерном, а затем, не без вмешательства специалистов из Министерства Порядка, поступил в Академию художеств, где ему сулили большое будущее.

Талант его множился год от года, а известность Ивана роса как на дрожжах той лаборатории, где он когда-то появился на свет. Молодому дарованию помогли устроить выставку, и она потрясла художественную общественность тонким лиризмом в изображении природы и глубоким психологизмом портретной живописи. После чего живописца направили в Германию, дабы совершенствовать мастерство у тамошних богомазов.

Преподаватели Академии не сразу согласились с таким вариантом стажировки, настаивая на Италии. Однако специалисты из Министерства Порядка быстро объяснили профессорам, что Германия необходима как воздух и нужна также по многим другим причинам, о которых распространятся в их министерстве не принято. Ивана в его путешествиях сопровождала небольшая группа специалистов в штатском.

По прибытию в Мюнхен провожатые продолжали неусыпно наблюдать за живописцем и проводили необходимые замеры и анализы, что весьма смущало юношу, вдохнувшего запах немецкой свободы. Хотя он еще с детства привык, что его обязательно кто-нибудь в чем-нибудь да ограничивает, но Германия, казалось, расправила его крылья. И он бы обязательно куда-нибудь полетел, если бы не его приемная матушка - майор Пелагея Степановна Петрова, всегда находящаяся рядом.

Именно такие мысли о полетах фантазии нашлись в путевом дневнике Ивана Петрова того периода. Примечательно и еще одна запись, сделанная им 20 апреля того же года: «Странно, но я начинаю верить в реинкарнацию и переселение душ. Все в этом городе видится мне знакомым. Эти площади, эти улицы. Кажется, я ходил по ним в прошлой жизни, и когда-то вдыхал знакомый запах каштанов и пивных. И если бы только в Мюнхене! Вся Германия видится мне вторым домом, местом,

где я когда-то родился и жил. Мне даже немецкий учить не пришлось, чудесным образом я заговорил на нем сразу по приезду».

Полгода занятий и путешествий закончились в австрийской Вена, откуда художник отбыл с сопровождающими на Родину.

Москва встретила его спокойно и деловито, можно сказать, по-военному. Повидавшись с главным куратором и написав отчет о сделанном и увиденном, Иван поселился в выделенной для него квартире, совмещавшей мастерскую и медицинский кабинет. Раз в месяц медики изучали самочувствие пациента на дому. Вот, собственно, и все неудобства, какие художник сносил довольно терпеливо. В мыслях своих он еще несколько месяцев был далеко от России, а сны Ивана носили явно прогерманский характер, о чем было доложено в специальном донесении.

Если же говорить о творчестве - работы молодого мастера пользовались невиданным успехом. Таланты его были разнообразны и широки. Меценаты заказывали у него портреты и с охотой покупали пейзажи, и те, и другие он писал с одинаковым умением. После того, как Иван выставил свои художественные реминисценции о путешествии в Манеже, к нему зачастил посол Германии. За несколько сеансов художник изобразил немца с невообразимой легкостью и мастерством. «Как живой!» - только и воскликнула жена дипломата, когда транспортные рабочие доставили полотно в посольство.

Идей у Ивана было множество. Будущее живописца представлялось безоблачным. Однако неумолимая судьба перечеркнула его жизнь одним махом. Буду краток. Клон Адольфа Гитлера был убит в драке со скинхедами нацистского толка. Произошло это майской ночью недалеко от станции метро «Сокол». Причина печального происшествия имела романтическую подоплеку. Иван, как и подобает настоящему мужчине, защищал свою девушку - молодую немку, приехавшей в Москву на стажировку для изучения загадочной русской души. Иван моментально пленил девушку своими манерами, талантом и безукоризненным немецким произношением. Между ними, выражаясь словами поэта, моментально разгорелся пожар любви, который требовал цветов, вздохов и поздних прогулок по нашей дивной столице.

Вы спросите, зачем я рассказываю эту и без того всем известную историю? Да, об убийстве талантливого художника

писали газеты, и это событие даже попало в сводку телевизионных новостей. А дело вот в чем. Будучи проездом в Баварии, где по традиции проходят встречи с европейской оккультной общественностью, я узнал то, что тщательно скрывали все заинтересованные лица и органы, и о чем я просто не могу умолчать.

Означенную выше девушку звали – да-да, не удивляйтесь! - Евой Браун. Конечно, скажите вы, в фамилии Браун нет ничего особенного, а браунов в Германии хоть пруд пруди. И будете правы. Однако эта Ева была из тех самых Браунов, а Евой ее называли в честь знаменитой родственницы.

«Ах, эти русский! – восклицала Ева каждый раз, когда кто-то из знакомых славистов просил ее рассказать о России. – Иоганн... он просто херой. О, майн год! Что я бес он буду делат?» - добавляла она, потупив взгляд, и каждому становилось ясно, какой глубокий след оставила та встреча в ее девичьем сердце.

Наведенный глянец

Если выкрасить ноготь левого мизинца черной тушью... Но не той тушью, что продается в каждой лавке писчих принадлежностей, а настоящей, в изящных серебряных флаконах, привезенных из-за моря каймакскими купцами. Если выкрасить ноготь тушью и всматриваться в черную поверхность, разглядишь, как возникают в матовом блеске, словно всплывая из темной глубины, удивительные картины, в которых обыденная реальность уступит место фантазии небытия и изображению будущего.

А если взять в руки тушь и кисти, можно начертать на рисовой бумаге один иероглиф, затем еще один, и еще... Что скажут о твоей работе? Будут ругать ее или хвалить? Или делать и то, и другое, сообразно меняющемуся настроению? Но что увидишь ты сам на кончике левого мизинца? Чудесные всполохи воображения или первые признаки душевного нездоровья? Будешь ли ты рад этому или огорчишься?

Так рассуждал он – офицер внутреннего распорядка, - начищая до блеска правый сапог, и не потому, что у него не было слуг, а потому, что этого требовали неписанные правила.

Оставшись довольный наведенным глянцем, он отставил сапог в сторону и занялся левым. «Инь и Ян получают, как всегда, прекрасно черными и безумно блестящими, как ноготь моего мизинца, - размышлял он, выполняя механическую работу. - Интересно, можно ли уравнивать правое и левое или в этом нет никакой необходимости?»

Через полчаса к его дому подъедет черная блестящая машина, из нее выйдут по заведенному обычаю двое сопровождающих в черной униформе. Они примутся невозмутимо ожидать его появления, чтобы доставить на встречу с повелителем. Повелитель, как обычно, будет восседать в черном кожаном кресле за зеркально отполированным черным столом, и черная маска с прорезями для глаз будет поблескивать на его лице острыми искорками.

«Здравствуй, - скажет ему повелитель. – Как прошла поездка?»

«Прекрасно, мой господин», - ответит он и поклонится, согласно этикету.

«Много ли работы? – поинтересуется человек, всегда прячущий свое лицо. – Как ведут себя люди? И сколько их еще осталось?»

«Справляемся, - ответит он четко, по-военному. – Думаю, очистим территорию к концу недели».

«Хорошо, - промолвит хозяин, но по его голосу он поймет, что это «хорошо» – только ничего не значащее слово, за которым кроется нечто, выкрашенное в черные тона опасности. Жаль, что он не может снять перчатку, чтобы взглянуть на матовую дымку левого мизинца. Тогда его невольные страхи рассеются, а реальный ужас сразу обретет наглядный вид.

«Стараюсь», - скажет он, сдерживая дрожь в голосе, заполняя этим лаконичным средством чернеющую тишину.

«Ходят слухи, ты завел себе любовницу из местных? И каково это? – продолжит расспросы верховный жрец и, не дожидаясь ответа, сменит тему. – А как продвигаются занятия каллиграфией? Говорят, у тебя талант, и умения тебе не занимать».

Он смутится, не зная отвечать ли на первый вопрос или на второй. Но промолчит, понимая, что оба вопроса заданы не для того, чтобы на них отвечали.

«Стараюсь, - повторит он, не найдя способ выбраться из умственного лабиринта, в котором оказался, и снова согнет спину в глубоком поклоне.

И тут заснут вокруг слуги, и, пронзая тишину, зазвучит со всех сторон невротическая музыка. От этого яркие блески на черных халатах челяди сольются с пентатоникой мелодии в изумительное по красоте кружево, после чего помещение наполнится невыразимым для слов предчувствием.

Потом музыка станет громче, еще громче, слуги закружатся около него в хаотическом вихре, приближаясь все ближе и ближе. Наконец, главный из них, окажется у него за спиной и крепко схватит его за руки. Остальные набросятся со всех сторон, разорвут на нем одежду, прижмут спиной к жертвенному столу и обернут вокруг шеи все еще звучащую струну арфы.

Он еще успеет подумать, не связано ли это с женщиной из вчерашней ночи или наброском вчерашнего утра, ведь набросок не получился, а женщину, вопреки внутренней инструкции, он не убил. И вот теперь струна режет кожу на лоскуты. Терпеть боль нет никакой возможности. Он сможет сжать зубы в последней смертельной судороге, но почему-то не сделает этого.

«За что?! За что?!» – закричит он, видя, как черная маска придвигается к нему вплотную, а в руках господина поблескивает лезвие занесенного над ним ритуального ножа, и вернется в реальность от собственного крика.

«Всегда одно и то же, всегда одно и то же. Нет, надо прекращать эти опыты с разглядыванием ногтя», - подумает он и отправится в гардеробную. Через полчаса к его дому подъедет машина и отвезет его туда, где он должен оказаться на высоте.

Он уже облачился в вычищенный слугою мундир, навел на сапоги небывалый глянец и будет сидеть еще три десятка минут в ожидании. «Ведь есть еще время, чтобы не думать о времени».

Но тут его взгляд остановится на мизинце. Он увидит на поверхности черного ногтя, что черная машина уже ждет его у подъезда, а двое сопровождающих вышли на воздух и поглядывают на его окна. Скоро он уже будет лежать на столе, струна арфы врежется ему в шею, а господин в черной маске занесет над ним ритуальный нож.

Он отведет взгляд от мизинца, подойдет к окну и осторожно выглянет в узкий просвет между шторами. «Что-то сегодня

раньше обычного», - отметит он автоматически и заспешит к выходу.

Клоун в Освенциме

«Я умираю со смеху, - сказал Фриц, и бросил грустный взгляд в сторону газовых печей. – Мы тратим так много драгоценного топлива, а они не кончаются. Мы выбиваемся из сил, а они прибывают каждый день. Что ты думаешь, эта проклятая война когда-нибудь закончится?»

«Даже не знаю, что сказать, - отозвался Франц. - Когда лагерь только построили, все было таким красивым, чистым, аккуратным. Я часами любовался на ровные ряды бараков и сторожевые вышки. А что сейчас? – с досады он сплюнул себе под ноги. – Горы обуви, тысячи золотых коронок, тонны волос. Знаешь, Фриц, мы погрязли в рутине и не заметили, как исчезла та божественная аура, которая присутствовала здесь раньше».

«А помнишь, с каким восторгом мы, еще молодые юнцы, воспринимали идеи вождя? Как верили в очищающий огонь, который хотели принести миру?»

«Да, счастливое было время. И нам сейчас, как я думаю, очень не хватает простого душевного общения».

«Твоя правда. Обычного человеческого тепла».

«А что с той игрушкой? Ну, с тем клоуном, которого ты отобрал в детском бараке?»

«Теперь он всегда со мной, - ответил Фриц, расстегивая пуговицу кителя и доставая тряпичную куклу. – Сначала я хотел оторвать у него руки и ноги и как следует помучить, но вместо этого попросил Марту покрепче пришить ему помпончик. Ты же помнишь, он держался на честном слове».

Франц и Фриц устали на клоуна, и лица их разом просветлели.

«Смотри-смотри, какая у него открытая улыбка».

«Да, точно. А заметил, какие у него выразительные глаза?»

«Клоун», - проговорил Фриц, улыбаясь.

«В Освенциме», - добавил Франц.

Тут ветер переменился, и когда друзья оказались в облаке сладковатого дыма, на глазах у них выступили слезы. То ли дым был тому причиной, то ли еще чего.

Кхе-кхе

И когда же этот Рауль проклятый приедет? Обещал быть к вечеру, а тут уже и солнце давно зашло, и холодом тянет, и сиди теперь здесь у костра, жди его, мерзавца, и мерзни. Стар я уже по ночам задницу себе морозить. Важная птица, видите ли, богатый гринго. Да какой он, кхе-кхе, к черту, гринго. Только по паспорту он гринго. А так, ни белый, ни индеец, койот безродный. Ой! Прости меня, Дева Мария. Вывалось. Ты же видишь, я стараюсь быть хорошим, только никак это дело у меня не выходит. А получается только вперемешку: то хороший я, то я плохой.

Вот и сеньор Родригес, который в поселок приезжал нас, индейцев, грамоте учить, так он и говорил, что, мол, всех людей можно на две кучки разложить, на моцартов и на сальери. Не знаю, кто это такие, но слушать его было одно удовольствие, такой у него голос был музыкальный и правильный. Так вот, сеньор Родригес нам говорил: «Все, мол, что есть на нашей земле, создано моцартами, а управляют миром и пользуются всеми благами сальери». Все лучшее, что есть в жизни: самые дорогие дома, самые толстые сигары, самые длинные кадиллаки и самые красивые женщины достаются сальери, а моцартам этим, по большому счету, ничего от щедрот жизни не перепадает кроме божьего дара. Так сеньор Родригес нам говорил. А еще он сказал, будто в каждом человеке, кхе-кхе, и моцарт и сальери внутри сидит, да только в разных долях. Во как. Хороший он был человек, этот сеньор Родригес, добрый. Нынче такие, как он, большая редкость.

А тот белый, которого я вот в такую же ночь пришиб, он разве хорошим человеком был? Куда там. Чего в наших краях хорошему человеку делать? Нечего. А что встретился он мне, на пути, это он сам виноват, прости меня, Дева Мария. Не нужно было ему с собой столько денег возить. Я так думаю.

Совсем иное дело Карлос. Наши-то, местные, все сначала думали, что чужак этот вроде Альваро Эстрады будет. Тоже начнет все высматривать и вынюхивать. А Карлос совсем другим оказался. Чудной он такой поначалу был, то улыбчивый, то вдруг серьезный. А какой любопытный! Никогда раньше таких любопытных не видел. Первый раз как приехал, со всеми нашими язык общий нашел. Для детворы у него всегда была

конфетка припасена, чего взрослые попросят, всегда привозил, и денег взамен лишних не требовал. А старой Хуаните достал лекарство от астмы. А мы-то уж думали, не дотянет Хуанита до Рождества, спаси, Дева Мария, ее душу.

А Рауль этот, там у себя в Калифорнии жирует, то по полгода на глаза не попадается, то в месяц раза по три наведывается. Жратвы привезет, денег, выпивку и сразу за дела. Бизнес у него, кхе-кхе. Видали мы этот бизнес. Книги он, видите ли, пишет. Ученый. Только книги эти его – бред один. Прости меня, Дева Мария. А Рауль говорит: это специально так сделано, иначе тиражи будут низкими. Так я ему и поверил. Для тиражей... Не для тиражей это, а еще для чего-то. Для денег. Вот для чего! Я так думаю.

Жалко, что сеньор Родригес так и не выучил нас грамоте. Тут ведь какая история вышла. И двух месяцев не прошло, как приехала к нему из Мехико жена. Красивая такая, гордая. На высоких на каблуках, и юбки на ней шелковые шуршат. Взгляд свысока, одно слово – городская. И каждый вечер с того дня закатывала она сеньору Родригесу скандалы, - в поселке-то, кхе-кхе, все обо всех знают, - чтобы, он, мол, из нашей дыры побыстрее уезжал. Вот и закончилась наша учеба, еле начавшись. Стерва жуткая эта баба была, прости меня, Дева Мария. А еще говорят, каждый муж достоин своей жены, но не каждая жена достойна своего мужа. Вот же странно получается, как муж хороший, так жена гуляет, а если жена хорошая, то муж пьяница. И это все, вроде, для равновесия в мире сделано, как у моцартов и сальери. Во как.

А я так думаю, что сеньор Родригес хотя и умный, но тут промашку дал. Эти самые моцарты и сальери только у тех, кто поважнее, имеется, у городских. А у простых людей, вроде нас, нет внутри ни того, ни другого. Живем мы, как живется, и о таких умных вещах не с руки нам думать. Да и когда задумываться? Что за жизнь нынче у индейцев? Работаем от зари до зари, мрем, как мухи, и кроме кукурузы и бобов ничего не видим. Ни больниц, ни школ. Больница, школа... вишь, чего захотели! А зачем индейцу школа? Только лишние хлопоты. Нет властям до нас никакого дела. Вот, Бенито Хуарес, вроде как из наших, из индейцев, был, а что изменилось? Ничего! Ни работы хорошей, ни денег.

А тот гринго с большими деньгами, который мне повстречался, и говорит: нужен, мол, мне проводник, показать, где у нас чего и как. На карте что-то отмечал, камни собирал, приборы какие-то тяжеленные заставлял меня таскать, кхе-кхе. Нефть в наших краях искал. А если б нашел, согнали бы нас всех с нашей земли и передохли бы мы, как собаки. А жену для чего с собой взял, совсем не понятно. Знал же, куда едет. А мне лишние свидетели ни к чему. Прости меня, Дева Мария. Ты же видишь, тот белый сам во всем виноват. А я теперь стараюсь быть хорошим. Очень стараюсь.

А парень наш любознательный, ну, Карлос этот, вовсе не был похож на того гринго. Все расспрашивал нашего брата о том, в каких мы богов, прости нас, грешных, верим, что у нас за обычаи и какие священные растения почитаем. И все в блокнотик записывал. Говорил, что изучает нашу культуру. Так и сказал, культуру. Где он у нас культуру эту нашел? Кхе-кхе. И смешно, и грустно.

В кои-то веки нами кто-то заинтересовался. Ну, наши все и расположились к чужаку. И врали ему, кто во что горазд. А почему не соврать? Для хорошего человека соврать не жалко. А сказать по правде, сильно у нас, у индейцев, жизнь на моей памяти изменилась, и никто уж толком и не знает, во что наши предки верили. Жила тут неподалеку одна сумасшедшая старуха-знахарка. Она что-то знала, но ведь умерла уж лет десять назад. Даже и не вспомню, как ее звали.

Рауля культура не слишком беспокоит. Приедет и скорее в подвал, опыты свои ставить, чтобы потом в книгах про них писать. Думает, мы, индейцы, ничего не знаем и не понимаем. Сидим здесь в своем, как он говорит, лепрозории, а вокруг только песок и дерьмо, и ничего у нас кроме этого песка и дерьма нет и никогда не будет. Так и зачем он к нам ездит? Жил бы в своей Калифорнии. Я так думаю.

Мать свою родную на словах еще при жизни похоронил, про отца что-то навывдумывал, дату рождения подделал, фамилию подправил. Это, говорит, нужно для бизнеса. Ну, и есть у него бизнес, деньги, слава. Но ведь он ими все равно не пользуется. Сидит у себя дома, как паук на паутине. Разве это жизнь для мужчины? Мы, индейцы, такого не одобряем.

Гордый он, Рауль этот, слишком, обид в себе много держит. И людей не любит совсем. Тех, кто ниже его, презирает, тех, кто

выше – ненавидит, и всем вокруг завидует. Решил отомстить белым за оскорбления, какие те ему в жизни причинили. Вот и пишет для них небылицы, и таким способом с ними со всеми одним разом квитается. А молодые гринго его книгам верят, и чем они глупей, чем сильнее в них и верят. Что тут скажешь? Так им и надо, если верят во всякую чушь. Я так думаю.

Вот же, дела как повернулись. Как началась среди белых мода на ниньос сантос, так этот Рауль сразу засуетился и нашел на чем деньги делать, а сам курандерос ни разу и в глаза-то не видел. В пророки полез, а сам-то что знает? Вид только один. В Калифорнии и без него пророков хватает. И как ни старается, смеются они над ним и шарлатаном называют. А еще Рауль говорит, что, мол, пью я много, и когда пьяный, болтаю сам с собой, а люди лишнее услышать могут. И если, говорит, буду болтать, то он от меня избавится. Так и сказал, кхе-кхе. Да духу у него на такое не хватит!

И вот что плохо, знает он, Рауль этот подлый, - и откуда только выведал - что никакой я не Хуан, и что есть грехи за мной тяжкие. И потому может он властям меня в любой момент выдать. Говорит, петля меня дожидается. Ну, да, было дело, не отрицаю. Но ведь молодой я тогда был, глупый, и сколько времени уже с той поры минуло. Ну а что мне с американцем этим и его женой оставалось делать? Да ведь они сами виноваты были, раз такие деньжищи с собой возили. Прости меня, Дева Мария, ты же видишь, как я стараюсь быть лучше.

Мы тут с нашими как-то собирались и услышали, что белые об раулевых книжках толкуют. Может, конечно, мы люди не шибко ученые, но не такие дураки, как о нас думают, и тоже кое-что соображаем. За эту ослиную мочу, какую он про наши тайные знания пишет, любой настоящий индеец набил бы ему морду. А Рауль говорит, будто гринго кидаются на его книги, как папуасы на стеклянные бусы.

Злой он человек, Рауль этот, вот что я вам скажу. Насильно заставляются Карлоса зелья разные глотать, и потом, когда тот бредит, на магнитофон все записывает. А Карлос чудно так все рассказывает, словно сказки какие, но и не сказки будто, и вроде как в иной мир заглядывает. Жаль только, никто этих сказок никогда не услышит. А если Карлос отказывается говорить, Рауль мне приказывает: ни есть, ни пить ему не давать. Прости меня, Дева Мария.

Вот же, какие дела, кхе-кхе, делаются. Родные братья, близнецы, одна мать их рожала, а такие разные получились. Один и Хуаните лекарство достал, а для детей - конфеты у него всегда были, а другой – все бизнес, тиражи... Нет, не для того он Карлоса у меня в подвале уже столько лет на цепи держит. Не для тиражей это, а для денег, кхе-кхе. Я так думаю.

А чего навывдумывал, дьявольское отродье: точка сборки, остановка мира, безупречность, или, там, к примеру, как же его? А, сжечь себя изнутри. Мы о таком, отродясь, ничего не слыхивали. А смешать бы в одном человеке, половину от Карлоса да половину от Рауля, и нормальный бы Кастанеда получился, не хуже и не лучше других. Такой как я. И как вы.

Осень в раю

«Вы знаете, кто я? Правда, не знаете? А кем я был? Тоже не знаете? А кем стану? А где мы находимся? А что я тут делаю?»

Короче, сколько я его помню, он всегда задавал слишком много вопросов. Он задавал их человеку, который целые дни разглядывал стену, и тому, кто постоянно разговаривал сам с собой, и даже тому, кто ни разу не проронил ни слова. Он спрашивал всех подряд, и никто не находил, что ему ответить. Когда ты здесь давно, понимаешь, как мало знаешь даже о себе самом, не говоря уже о посторонних для тебя людях. Даже, как его зовут, было неизвестно, посему всякий раз к нему обращались по-новому.

Лишь имя его матери мы как-то сразу запомнили, и звали ее Мария. Правда, заходила она к нам не часто, и мы, что греха таить, сомневались, матерью ли она ему доводится, или какой-то далекой родственницей, или просто сердобольной женщиной. Одной из тех, кто приносил в нашу обитель скорби крашенные яйца на Пасху.

По каждой его ладони проходили сразу две линии жизни, всего получалось четыре. И когда ему надоедало идти по одной, он переходил на другую, как поступает лыжник, обходя соперника. Однако сии переходы ничего не меняли в его внешнем обиходе и облике. Что касается внутренней жизни, мы ничего об этом не ведали, ведь чужая душа - потемки. Мы и в своей-то душе никак не могли разобраться. Одна неделя

сменяла другую, другая - третью, и все у нас и у него продолжалось по-старому, и никаких новостей не предвиделось.

На первый взгляд он производил впечатление человека и никогда, никому не давал повода в этом усомниться. Если у него и был хвост, то никто его не видел, а если у него имелись крылья, то, наверное, такие прозрачные, что их никто не замечал.

Нам всегда казалось, что, такой как он, должен очень даже верить в судьбу, раз у него их несколько штук. Вместо этого он в судьбу свою не верил, и говорил, что ему это без надобности, ибо за него все отец решает. «К тому же веришь ты в нее, или нет, судьба от этого не меняется. И лучше всего верить не в судьбу, а в звезду». Про какую звезду он говорил, было неясно. Часть из нас думала, что это комета Галлея, другая, не понятно по какой причине, считали звезду Вифлеемской, а мой сосед справа полагал, что речь идет о Сириусе и ни о чем больше потому, что он сам оттуда.

Между тем одни считали его ангелом, другие усматривали в нем нечто дьявольское, а он, не видя в том никакой разницы, лишь тихо смеялся чему-то своему, сокровенному, да все посматривал на свои звезды, да все перескакивал с одной линии жизни на другую.

Наслушавшись его речей и вопросов, мне тоже захотелось во что-то очень сильно поверить или хотя бы на что-то понадеяться, а так как, по его словам, верить в судьбу необходимости большой нет, я тоже решил поверил в свою звезду. По ночам, когда тучи не застилали небо, я смотрел сквозь окно, пытался вычислить, какая же из них моя, или найти его планиду. Но все звезды выглядели приблизительно одинаково, чем весьма походили на наши однообразные медицинские будни. Ни мерцанием каким-то особенным, ни цветом, ничем не выдавали они свою сопричастность или предрасположенность к кому-либо, поэтому я на всякий случай верил во все звезды сразу.

«Сад в любое время года хорош по-своему, - любил повторять он, сидя у окна и не обращая внимания, слушают его, или нет. - Но больше всего весной, когда цветет, и осенью, когда плодоносит. Случается, и так заведено в природе, деревья пропускают один год, набираясь сил, чтобы уже на следующий их ветвигнулись к земле от обилия урожая. И если нынче у нас

выдалась бесплодная осень, это значит, - и тут он всегда улыбался, - что следующий год будет для нас непременно счастливым».

Из разговоров, на которые у нас всегда имелась уйма времени, мы знали, что он с детства ненавидит голубей и весьма недолюбливает плотников. Во всем остальном, что было, есть и еще только будет на всем белом свете, он относился с завидным смирением.

Как верил я его словам о светлом и неизбежном счастье, которое рано или поздно принесет мне моя звезда, как надеялся, хотя уже сколько лет подряд, когда в парке теряли свой цвет и опадали листья, воцарялась одинаково серая пора, состоящая из серых туч, серого забора и серых тротуаров.

Осень заметно сказывалась на моем настроении: небо в разрывах облаков казалось мне еще выше и невыразимее, голые ветви деревьев выглядели сквозь зарешеченные окна еще чернее, а халаты санитаров – слишком уж белыми.

Дверь в стене

Существует ли то, что выдуманно? И возможно ли то, что нельзя представить? Или все, что мы воображаем, где-то обязательно существует? Или вот, например, такой парадокс. Когда мы видим веревку, нам хочется завязать на ней узел, когда мы видим узел, нам обязательно хочется его развязать. Так устроена жизнь, и, пока есть веревки и узлы, ничего с этим не поделаешь. Но такова ли реальность, как она выглядит?

Понимаете, какая невиданная вещь приключилась. Его нашли у стены, у белой бетонной стены, на которой какой-то чудила нарисовал зеленую дверь. Человек лежал перед ней неподвижно, и сначала народ решил, что алкоголь до добра не доводит, но потом все поняли: случилось несчастье.

Оказывается, этот человек, этот странный молодой человек сначала сидел на лавочке перед детской площадкой и читал книгу. Как потом выяснилось - рассказы Герберта Уэллса. Двор был безлюден, как это обычно бывает в субботний полдень в середине июля. Взрослые в отпусках или на дачах, детей совсем мало. Редкие прохожие пребывают в виду жары в

рассеянной задумчивости, где-то вдалеке еле слышно шумит городской транспорт.

Так вот парень этот вдруг отложил книгу, нагнулся, и в его руке оказался детский совок, видимо, давным-давно забытый своим маленьким хозяином. Парень смотрел некоторое время то на книгу, то на совок, потом направился к песочнице. Там он вылепил из песка две башни округлой формы, скорее всего, по мотивам произведения Толкина, которые, как потом выяснили эксперты, оказались изваянием женской груди достаточно любопытного размера.

Закончив с творчеством, молодой человек поднялся и отошел в сторону, видимо, решив оценить свое творение издали. Тут-то его взгляд и уперся в эту злосчастную дверь, ранее скрытую от него кустами. Парень просто-таки застыл на месте. Казалось, он увидел нечто из ряда вон выходящее, что его весьма поразило и, по-видимому, даже испугало.

Живущая на первом этаже гражданка божилась, что эта нарисованная дверь была в тот момент приоткрыта, и в узком ее проеме она даже разглядела нечто похожее на парк. Правда, показания старушки только выслушали, но не запротоколировали. Служителей правопорядка понять тоже можно - с такими линзами в очках без труда увидишь все, что угодно. А вот подруга той гражданки клялась, что слышала в это же время какие-то звуки, будто кто-то звал молодого человека вроде как бы по имени, приглашая его вроде как бы войти. Однако и эту информацию восприняли крайне критично ввиду наличия у бабульки слухового аппарата.

Вот я и спрашиваю, можно ли верить в то, что есть в наличии, или нужно верить лишь в то, что существует? И как нам относиться к тому, чего никогда не было, но имеется? Или к тому, что только предполагается быть, но уже много раз случалось? Не знаете? И я не знаю.

Ну, так вот. Молодой человек подошел к стене и попытался ухватиться рукой за нарисованную ручку раз, еще раз и еще раз. Ничего путного из этой затеи, конечно же, не вышло. Тогда, не сводя глаз с двери, он заложил руки за спину и стал покачиваться перед ней взад-вперед в явном недоумении и, видимо, в раздумье. Потом он отошел шагов на десять и неожиданно бросился на стену, пытаясь выбить дверь весом собственного тела...

Но не будем о грустном. Знаете, у меня имеется приятель, не человек, а исключение из правил, и есть у него давнишняя, еще детская мечта – попасть в реальность, поскольку обитает он в каком-то своем выдуманном мире. А он страстно желает стать таким же, как все: жить настоящей жизнью, где есть серьезные, как у всех взрослых людей, взаимоотношения, реальная работа, настоящая семья, всамделишная карьера, дети, доходы, налоги, заботы и все такое прочее. Однако ничего путного у него не выходит. Ну, вы меня понимаете.

И вот оказался он как-то в незнакомом месте, идет так себе по улице, идет, сам в себя погруженный, и натывается на дверь. Машинально ее открывает, а там – самая настоящая реальность, самая настоящая действительность! Побыл он некоторое время в реальности, и остался бы там навсегда, но, уж не помню по какой причине, вернулся к себе в себя и по рассеянности забыл, где же эта стена и эта дверь ему встречались.

В другой раз спешил он за город, чтобы полюбоваться восходом солнца, и заметил ту самую зеленую дверь, но проскочил мимо, потому как в ту минуту восход казался ему важнее. Так очередной шанс оказался упущенным. А как-то собрался он с компанией опять же за город и, опаздывая на встречу, решил сократить путь: нырнул в одну арку, потом в другую, забежал в какой-то дворик и увидел перед собой белую стену с той самой зеленой дверью. Но так и не остановился, потому что не хотел друзей подводить.

На следующий день он все арки и дворики в том районе обошел, но дверь и стена точно испарились. А однажды бродил он по старым улочкам, и пришла ему в голову прекрасная идея. Бросился он домой, чтобы ее записать, ибо ничего кроме носового платка у него с собой не было, и - опять эту дверь волшебную увидал. Хотел войти, а потом думает: да куда же она от меня денется?... Ну, да ладно, не буду отвлекать вас своими пустяками.

Я вот что думаю: зеленая с вашей стороны стена выкрашена с нашей стороны в белый цвет, а ваша белая дверь в стене с нашей стороны зеленая. Ведь это же все объясняет. И если взяться за решение вопроса с двух сторон, нам не придется развязывать незавязанный узел.

По расписанию

Катастрофа. Страшная катастрофа. Наш поезд столкнулся с товарным составом. Одни вагоны сложились в гармошку, другие сошли с рельсов, некоторые повалились на бок и теперь дымятся на путях, как выброшенные из костра головешки.

Странно, но я почти не помню подробностей. Только сам факт трагедии застрял в голове. Наверное, это последствие шока. И еще я отчего-то знаю, что на следующий день все мы, пассажиры поезда, обязаны явиться в какое-то учреждение для уточнения каких-то списков.

И вот он, этот день, и я уже на месте. С опозданием, как водится, и посему большинство посетителей прошло и совсем нет очереди. В коридоре, около нужной двери, расположилась группа мужчин. Мужчины сидят на облезлых стульях с поникшими бледными лицами. Они уже были внутри, но почему-то не расходятся, словно их попросили остаться.

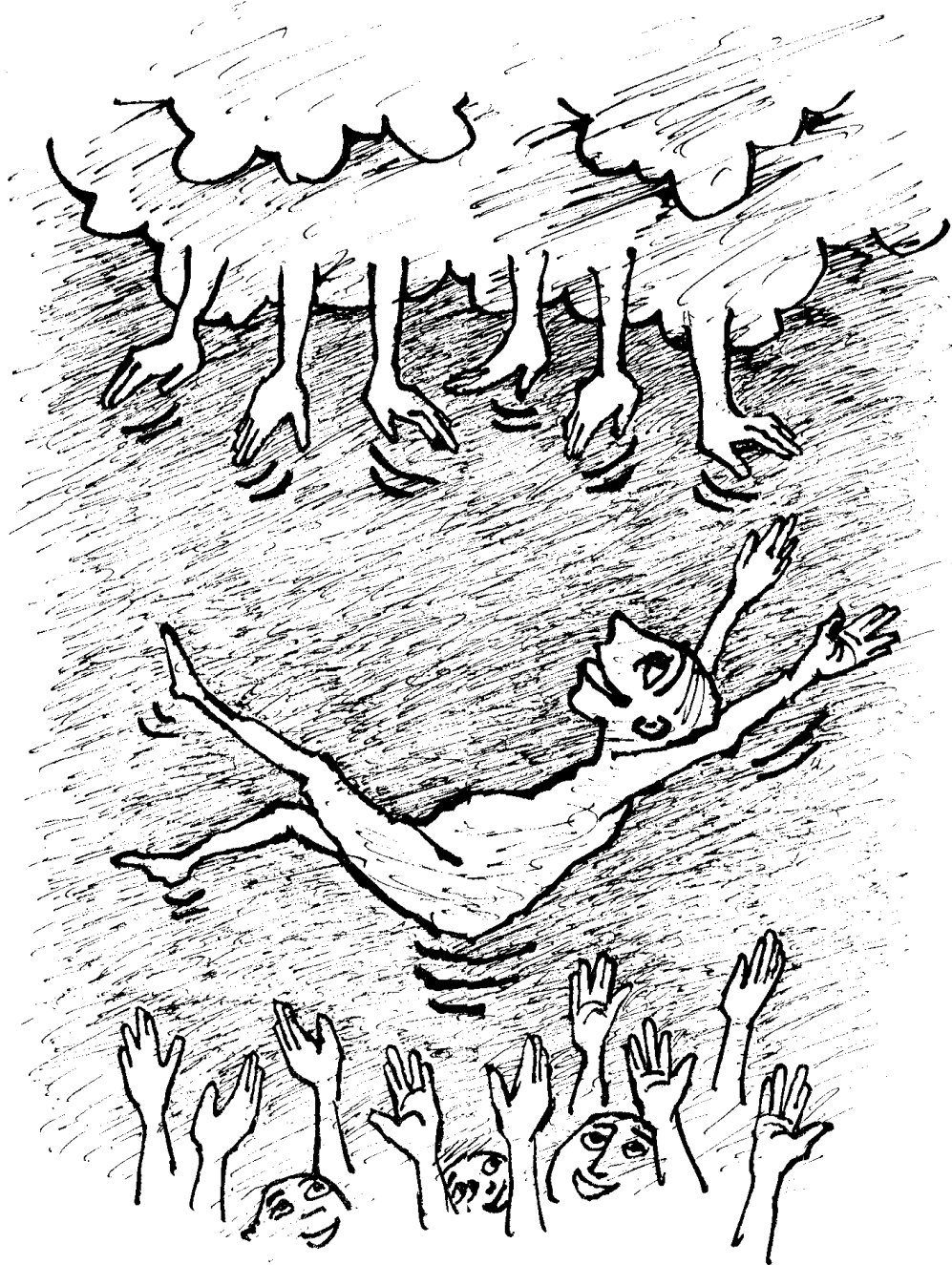
Вхожу без стука и оказываюсь в большой зале, вижу в помещении ряды столов с табличками. Нахожу табличку со своей буквой. Называю себя. Женщина неприметного вида водит пальцем по спискам и вскоре находит мою фамилию. Она не перечеркнута, как многие другие, и я понимаю, что остался жив. Однако никаких чувств это не вызывает. Ни радости, ни горя, лишь облегчение от того, что выполнил свой долг и могу идти.

Следую к выходу через анфиладу комнат в туманном воздухе с запахом ладана, через желтый свет невидимых плафонов, мимо стен, покрытых зеленым бархатом, и зеркал, мимо множества одинаковых зеркал в бронзовых рамах. Наконец, дверь на выход.

А те мужчины так и продолжают сидеть без движения.

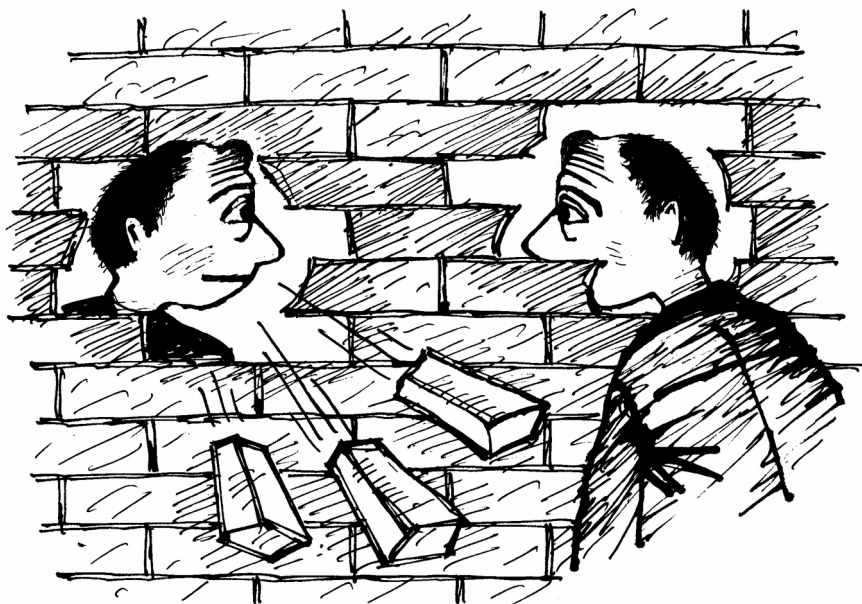
«Несчастные, - думаю я. - Каково это быть живым и знать, что ты уже мертвый. И почему здесь совсем нет окон?»

Я поворачиваюсь к окну, некоторое время провожаю взглядом унылый пейзаж, который видит каждый пассажир пригородного поезда, и решаю больше не думать о своем сне.

Легенда о писающем мальчике

Некая очень нехорошая и злая семья занималась враждебной роду человеческому черной магией. Она выучила наизусть все зловещие заклинания чернокнижников, которые смогла только добыть, и сделала тинктуры всех трав, используемых ведьмами. И вот, дабы потренироваться, решила та семья попробовать свои силы на таракане, который на свою беду забежал в тот момент на их кухню. Бедное насекомое было отловлено, посажено в стеклянную банку и водружено на середину стола, покрытого по этому случаю праздничной скатертью.

И эта очень плохая семья собралась вокруг стола и стала совершать над банкой свой дьявольский обряд. Они колдовали и ворожили так, что таракан, видя, что приходит его смертный час, порвал на себе тельняшку и прохрипел: «Я русский православный таракан», забился в конвульсиях и умер. Но перед смертью все же успех осенить себя крестным знамением.

А эти недобрые люди не заметили крестного знамения и решили продолжить свои отвратительные опыты. Второй своей жертвой эти люди выбрали писающего мальчика. Они оживили его, и это милое дитя, дотоле мирно украшавшее дверь туалета, начало писать. Оно писало, писало и писало, и так как эта нехорошая семья не выучила до конца заклинание, останавливающее действие ворожбы, мальчик тоже не останавливался.

«Мальчик, дорогой! – молила его мать семейства, - смилуйся, не губи, у меня же дети».

«Эй ты, подонок, - кричал отец семейства, - ща я те пипиську-то оторву!»

«Писающий мальчик, пожалуйста, не писай», - упрашивали мальчика дети.

А беда заключалась в том, что перед началом ворожбы все двери и окна дома семья заперла так крепко, что уже не могла их открыть. Люди оказались заблокированы в помещении, а жидкость все пребывала. Напрасно соседи снизу, полиция сверху, скорая помощь сбоку, пожарные и МЧС с другого боку пытались пробиться к несчастным. «Спасите наши души!» - вот последнее, что услышали спасатели из-за бронированной двери.

Жидкость же пребывала. Сначала власти эвакуировали жителей злосчастливого дома, и весьма вовремя, поскольку его руины вскоре скрылись в пучине наводнения. Потом эвакуация затронула весь прилегающий к эпицентру стихийного бедствия район. Вокруг непрерывно увеличивающегося в размерах озера собирались перепуганные местные жители и прочий народ всех сортов и званий.

Были там английский посол, знавший толк в спиритизме, королева красоты из города Верхний Волочек, верившая по глупости, что красота спасет мир, и небесные провайдеры, намеревающиеся перекрыть магический шлюз, соединяющие Небеса и землю. Наблюдательный человек легко бы различил в этой разноязыкой и пестрой толпе ожившую египетскую мумию, депутата Государственной Думы, футбольных хулиганов, дух отца Гамлета и заклинателя змей из индийского торгового представительства. Все хотели помочь, но не знали, как это сделать.

А люди все шли и прибывали: цыганский табор, почитатели Рерихов, бродячий театр клоунов, трое американских индейцев в боевой раскраске, один пирожок нетрадиционной ориентации, группа погонщиков верблюдов из Монголии, размечающих на картах маршрут нового караванного пути из Китая в Норвегию. Все, включая верблюдов, пребывали в глубокой скорби и страшной растерянности.

К берегу, мало помалу, подтянулись муллы и ламы. Им на помощь пришел иудейский раввин. Наконец, по зову совести, подъехал в своем черном лимузине и православный батюшка. Служители духовенства совершили коллективную молитву, но моча - давайте называть вещи своими именами – и не думала униматься. Так над столицей Третьего Рима возникла реальная угроза затопления.

И тут все разом вспомнили, чем всегда была сильна Святая Русь – тактическим ядерным оружием. Точное попадание, и изящный взрыв мгновенно нейтрализовал враждебную магию, попутно разметав новоявленное озеро на капли.

«Хорошо, что это был писающий мальчик, - сказал старый боевой генерал, вытирая забрызганное лицо, а потом, со свойственной для военных прямоотой, задумчиво добавил. - А если бы этот мальчик чем-нибудь другим занимался?»

Бронзовая сука

Этот скромный памятник находится вдали от туристических маршрутов. Местные жители так к нему привыкли, что не замечают его присутствия в упор, поэтому тамошнему муниципалитету уж лет сорок жалко дать ломаный грош на его подновление, от чего монументу ни холодно, ни жарко, а любопытные приезжие удовлетворяют свое любопытство в других местах.

Выразительная амстердамская улочка почти примыкает к набережной и отличается такой протяженностью, что, лишь ступив на ее брусчатку и отмерив пару длинных шагов, уже оказываешься на другой улочке, ничем, в прочем, не отличающейся от предыдущей кроме названия. Домики в два этажа по обе стороны от чистенькой мостовой раскрашены, словно игрушечные, в жизнерадостный колер. Тщательно вымытые окна, из которых, возможно, наблюдали процессию принца Оранского и экскурсию муми-троллей, заставлены цветочными горшками. А колышущийся в проемах стен запах порта состоит из причудливой смеси молекул моря, кофе, рыбы, азотных удобрений, восточных пряностей, нефти и следов колумбийского наркотрафика.

На улице, деля ее ровно надвое одновременно вдоль и поперек, возвышается чугунный фонарный столб эпохи правления королевы Виктории. Считается, что он покосился от старости и бездействия местных властей, но голландские краеведы утверждают, что фонарь начал заваливаться на правый борт еще со времен расцвета Ост-Индийской компании и эксплуатации «Китти Сарк». Именно к нему-то и примостился, задрав заднюю лапу, бронзовый английский сеттер женского рода, являя собой, как вы понимаете, не столько любовь человека к животным, сколько досадную ошибку скульптора.

Военные историки посвящают свои исследования важным вехам последнего общемирового умопомрачения, как то: нападению на Пирл-Харбор, блокаде Ленинграда или высадке союзнических войск в Нормандии. Скромные же события пороховых годов обычно растворяются в анналах истории так же быстро и бесследно, как дефицитный сахарин в морковном чае. Палитра Второй мировой, конечно же, от этого не оскудевает, но кое-что теряет, год от года приобретая все

больше пафоса и эпоса, которые скрывают за своими массивными плечами трогательные мелочи обыденной жизни. И ничего с этим не поделаешь и ничего тут не попишешь. Но поймите: лучшее исполнение пьесы всегда случается на репетиции в отсутствии зрителей, самая красивая роза распускается там, где ее никто не видит, а самый яркий из когда-либо написанных рассказов никто никогда не читал.

События, о которых я хочу вам поведать, случилось после бомбардировки Ковентри, разом превратившей сей прекрасный город в руины. Тысячи убитых ни в чем не повинных людей, тысячи раненых. Подвиг летчиков, давших в небе свой последний бой и героизм подразделений зенитных расчетов. Самоотверженная работа спасателей и врачей. И сотни голодных, перепуганных на всю жизнь псов, живущих в развалинах и поддерживающих в себе жизнь путем поедания уцелевших после бомбежки кошек и крыс.

И тут - неприметная статья в берлинской «Вцайнвнцунг Вдвемайнен»: «Английские собаки голодают». Пару недель вся германская собаколюбивая общественность пребывала в шоке, а затем решила: «Скажем свое жесткое «Нет!» жестокому обращению с домашними животными» и, сделав стойку, с немецкой педантичностью приступила к делу. Из дома в дом, как эстафетная косточка, распространялась жуткая весть: «Английские собаки голодают» и призыв: «Поможем, чем можем, бедным английским собачкам». И уже через месяц, жертвуя своей репутацией, а иногда и жизнью, собаководы Третьего рейха наладили тайные каналы по переправке английских песиков на законспирированные фермы, рассредоточенные не только по территории Германии, но и в Австрии и даже в чешской Богемии.

Кое-кто утверждал, что заговорщики-собаководы были каким-то образом связаны с секретной миссией Гесса и даже с тайным кружком военных, сформировавшимся вокруг генерала Роммеля, но, поразмыслив здраво, я не увидел между этими людьми никакой определенной связи. Просто, пользуясь голландскими портами, как перевалочной базой, немецкие патриоты доставляли животных к себе домой, где заботились о несчастных четвероногих ни чуть не хуже, чем русские семьи о вывезенных из пожара гражданской войны испанских детях.

Конечно же, нашелся предатель-доносчик – очень злой, не любящий животных человек, если его вообще можно назвать человеком. Один из собачьих питомников недалеко от Гамбурга был взят под наблюдение особым подразделением гестапо. И отловленная вскоре собака, работавшая до войны в английском шапито, не выдержала пыток, и все же перед смертью пролаяла в лицо своим мучителям: «God save the Queen!». Так антифашистский заговор был раскрыт, о чем незамедлительно доложили самому фюреру.

Закончить эту историю мне, человеку, в доме которого живет пять собак, не считая мелких, без валидола вряд ли удастся, поэтому здесь она и заканчивается.

Но сколько уж лет подряд у скромного памятника неизвестному английскому сеттеру нет-нет, да и появляется то букетик тюльпанов, то миска сухого сбалансированного корма на каждый день от лучших производителей, который с аппетитом и вместе с цветами поедают местные голландские шавки и нелегальные бомжи.

Это какой-нибудь молодой балбес из Гамбурга или какого другого немецкого места, какой-нибудь правнук какого-нибудь Курта, приехавший в Амстер исключительно для того, чтобы вволю накуриться травы, вдруг вспоминает о давней семейной истории. И тогда он покупает, если не забудет что, букетик цветов и собачьи консервы, и приходит, если вспоминает куда и зачем, к той невыразимой словами улочке словно к могиле Джима Моррисона, если он, в этом состоянии, все еще осознает, кто такой Джим.

Придет он под этим делом на место или не найдет бронзовую собачку, или вдруг встретит на пути бронзовую Русалочку, находящуюся в Копенгагене, не так уж и важно. Важно другое - его душевный приход и тот обволакивающий приступ доброты и сострадания, который сначала накрывает юношу с головой, а потом подводит его к такому на первый взгляд глупому переживанию и странному поступку.

Вот, говорят, собака – друг человека, и когда она друг, это вроде как само собой разумеющееся. Но человек человеку – волк, и только настоящая взаимная дружба с собакой превращает его в настоящего Хомо сапиенса.

Так о чем это я? Ах, да. О собаках. Или нет. О людях. Тоже не то. О счастье! Ведь что такое счастье? Это не то, что можно

найти где-то снаружи, а то, что всегда есть у каждого из нас внутри.

Любовный монолог

Во мне нет ничего особенного. Я одна из многих, и мне не стыдно в этом признаться. Я такая, как все, и такая, какая есть. Сейчас я все время провожу в четырех стенах, но я вовсе не домоседка, да и характер мой совсем не предназначен для семейной жизни. По мне, чем больше вокруг народа, тем интереснее. А в одиночестве я скучаю и не нахожу себе места, ведь без людей я не вижу смысла в своем существовании. Я хочу быть полезной и нужной. И мне по душе, когда ко мне бережно относятся.

Иногда Он берет меня на прогулку. Конечно, я не подаю вида, как мне это нравится. Я во все глаза смотрю по сторонам, словно пиратка, ищущая на горизонте неосторожный парус торгового судна. А вокруг люди, они идут нам навстречу или обгоняют нас на бегу. И чем плотнее толпа, тем ярче впечатления, тем больший эффект я могу произвести на окружающих.

Бывает, что Он вносит меня в спальню, осторожно кладет на кровать, и я лежу, утопая в простынях, как Десдемона, ожидающая своего Отелло. И тогда любовное томление захлестывает меня с головой. Я жду, когда его крепкие руки обхватят меня, сожмут и... Но этого не происходит, поэтому ночи мои полны ожидания, печали и надежды. Так получается, что своим присутствием я охраняю его сон и покой, хотя мне хотелось бы совсем другого.

Такая у меня жизнь, судьба и фатум. А судьбу не выбирают. На полке за стеклом красуются фотографии десятка моих подруг. Красивых и не очень, и с изящными ручками и загрубевшими от работы, полненьких и с осиными талиями. Просто гарем турецкого султана. И все они сохнут от зависти, потому что Он выбрал меня! И за это я плачу ему верностью. Я готова простить ему все его ошибки и шалости, все его увлечения. Да что там говорить, я готова отдать за него жизнь.

У меня скольльзящий график и по своему складу я творческая натура. Дни и ночи я ожидаю момента, когда смогу раскрыть

себя, выплеснуть наружу всю страсть, весь огонь, который во мне накопился. Я вакханка, я жрица неги, и в акте любовного самопожертвования хочу исполнить предназначенную мне роль. Я знаю, что погибну в любовном экстазе, но не сетую на судьбу. И думаю, есть во мне что-то от Жанны д'Арк, нечто мистическое и фатальное, и противиться этому я не властна.

А еще я никак не могу разобраться в своих чувствах. Я одновременно хочу, чтобы Он меня бросил и не хочу быть брошенной. А если Он меня бросит, я знаю, это разобьет мне сердце, и тогда оно разлетится на тысячи осколков. Но от этого я люблю Его еще больше. Наверное, вы думаете, будто я сошла с ума, что я какая-то сумасбродная мазохистка, но это не так, просто моя любовь сильнее рассудка и сильнее смерти.

Во мне нет ничего особенного. Я одна из многих, и мне не стыдно в этом признаться. Я такая, как все, и такая, какая есть. Я граната. Что тут еще скажешь?

Человек в кубе

Это только кажется, что Великий Бхикшу мал будто ночной горшок, худ словно палка и невзрачен как Среднерусская возвышенность. Внутри него – миллионы Вселенных и в каждой без исключения растет Цветок бессмертия, освещаемый попеременно собственным Солнцем и собственной Луной. Вокруг всех этих солнц движутся планеты, и на какой-то из них как раз и живет Бхикшу. Так что можно сказать, что он существует внутри себя самого.

На какой именно планете поселился отшельник, сказать затруднительно, как невозможно указать местоположения Цветков бессмертия. Раз в год по местному времени Бхикшу нюхает растение и громко чихает, от чего во Вселенных случаются Большие и малые взрывы. Остальное время Бхикшу спит, поскольку достиг всего, чего только способен пожелать человек, и делать ему абсолютно нечего.

Как-то, сквозь сон, где-то в начале двадцать первой капли, Бхикшу услышал чей-то незнакомый голос. Он открыл глаза и увидел склонившегося над ним человека, примеривающегося как бы побольней ткнуть его дубинкой.

«Жив», - сказал хранитель правопорядка, морщась от запаха, исходившего от бродяги.

«Да брось ты его, это ж не наш участок», - разобрал Бхикшу глухой ответ другого хранителя правопорядка. - Пошли уже».

После чего закрыл картонную коробку, в которой спал, и продолжил свою нирвану.

Свобода выбора

С недавних пор Саню Санина стали посещать странные, можно сказать, пугающие его воображение, мысли.

«Кто я?» – спрашивал себя Саня и не находил однозначного ответа.

То ему казалось, что он - Волшебник Изумрудного города, прикидывающийся Урфином Джюсом. Или, что он – Урфин Джюс, изображающий из себя Волшебника. Или он – дорога из желтого кирпича, и его целый день топчут тысячи безликих ног, спешащих к своему счастью.

Или он только притворяется всеильным Гудвином, а сам не в состоянии предложить окружающим ничего кроме собственной доброты? Или он творец, создающий и преображающий мир, но все его творения выходят или злыми, или никому не нужными?

Каждый вечер, приползая от усталости с работы, Саня чувствовал себя Железным Дровосеком, которого периодически смазывали маслом, но целый день заставляли долбить чем-то обо что-то.

Поэтому дома он ощущал себя отупевшим Страшилой, которому не то чтобы с девушками знакомиться, но и друзей завести не по уму. И может он лишь тупо уставиться в телевизор и смотреть какую-нибудь тупую программу, специально рассчитанную для таких же тупых, как он.

Однажды ночью Сане приснилось, что он – Элли, и Саня пробудился посреди ночи от экзистенциального ужаса и, чтобы успокоить нервы, поплелся на кухню за кефиром.

«Ну и дела, - думал Саня, - смотря на себя в зеркало и прихлебывая из кружки. – Да я же просто трусливый Лев, который не способен ни на один смелый поступок и которого

хватает только на бесплодные мечтания. И ничего с этим не поделаешь».

С этой тяжелой мыслью он отправился досматривать полагающиеся ему в эту ночь сны, и тут к нему в голову пришла просто-таки великая идея.

«А буду-ка я Тотошкой», - решил Саня.

Насколько он знал животный мир, тотошки не страдали комплексом неполноценности и манией величия. Тотошки не мучились личностной идентификацией. К тому же у тотошек не было депрессий.

Облаывая со всех сторон эту спасительную мысль, Тотошка сладко уснул...

Маленькие истории о Мурми

Мурми был приведением, но не верил в свое существование из чувства противоречия.

Оставить свой след на земле. Вот что заботило Мурми по утрам, когда он искал тапочки.

Пока Мурми жил по часам, он вечно торопился и всегда опаздывал. Лишь когда часы сломались, Мурми все делал точно в срок и вовремя.

Как-то у Мурми спросили: «Почему ты такой глупый?» «Я не глупый, - ответил Мурми, задумавшись. – Я Мурми».

Однажды Мурми купил Британскую энциклопедию, чтобы почитать немного о себе. И - о, ужас! - о Мурми там не было ни слова. «Такая большая и такая бестолковая, - посетовал он.

Мурми обожал старые толстые книги. Долгими зимними вечерами он устраивался у камина, и они освещали и согревали его комнату.

«Границы нужны для того, чтобы было куда ездить», - подумал Мурми, разглядывая географический атлас.

Мурми очень любил дружить, но друзей не заводил, чтобы не разочароваться в светлом чувстве. И тогда он стал другом самому себе.

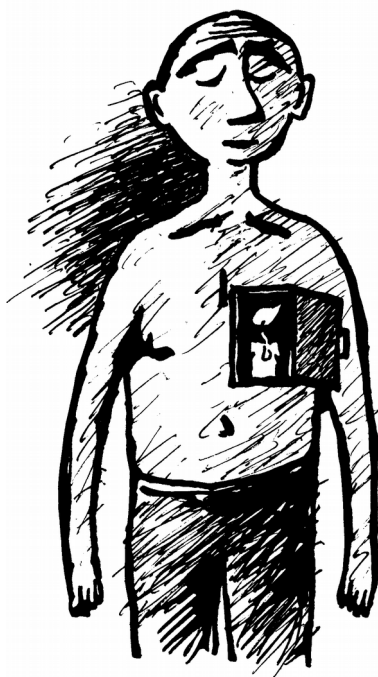
Когда Мурми скучал, он ехал в гости к бабушке, когда скучал еще больше – возвращался домой.

В доме Мурми не было окон, дверей, мебели, света, воды, телевизора и телефона. Там вообще ничего не было. Зато что это был за дом!

Если Мурми думал, он мог ничего не делать часами. Только пустота в голове заставляла его действовать.

Мурми любил смотреть на звезды и куда глаза глядят. На остальное у него не хватало ни сил, ни времени.

Как-то раз Мурми узнал, что жизнь не имеет никакого смысла. «Лишние знания лишними не бывают», - решил он.

Проект Пятикнижие:

Башня из сломанных мыслей. Книга текстов

За горой вечности. Книга историй

Поверхность глубины. Религиозно-философский трактат

Слухи о жизни. Книга рассказов

Энциклопедия несуществующих растений.

Эфемерный справочник